

*Мария
Сакрытина*

МОЁ "ДОЛГО И
СЧАСТЛИВО"

Нелегко любить принца. Вся страна считает тебя ведьмой, приворотившей наследника, король хочет от тебя избавиться, отец его отвергнутой невесты объявляет войну, а сам принц, не интересуясь твоим мнением, запирает тебя в башне. И ты одна в чужом мире, где тебя никто не ждёт.

Глава 1

— Эдвард?

Не отрываясь, я неверяще смотрела на него. Ну же... Пожалуйста...

Секунду я была уверена, что в зелёных глазах мелькнуло узнавание. И уже подалась вперёд, улыбаясь. Я бы на шею ему бросилась, я бы расцеловала его всего, я — не знаю — я бы...

— *Mademoiselle, je crois que vous vous trompez* (“Мадмуазель, мне кажется, вы ошибаетесь”), — натянуто улыбаясь, произнёс юноша, опуская взгляд и беря меня за руку.

Я тупо уставилась на тёмно-красную кожаную перчатку. Как же... как же так? Я же... да не могла я ошибиться!

— *Mais Edouard..!* (“Но Эдвард!”)

Но стоило боситься к нему, как меня тут же бесцеремонно схватили сначала кто-то из охраны, потом — из преподавателей. И быстро — под прицелом камер и щелчки фотоаппаратов — потащили к университету, выговаривая что-то вроде: “Катерина, да как тебе не стыдно?!”

Последнее, что я слышала, прежде чем тяжёлая входная дверь закрылась, — голос юноши, отвечающего журналистам:

— *Non, non, je ne sais pas cette jeune fille. Mais si toutes les filles russes sont si belles...* (“Нет, нет, я не знаю эту девушку. Но если все русские девушки такие красивые...”)

— Ты с ума сошла, Катерина! — прошипела наша куратор, проталкивая меня через турникет и крепко, до боли сжимая мою руку. — Решила на первые полосы попасть? Нашла способ!

Я ударилась о стойку рядом с комнатой охраны. Перед глазами оказались часы, и я машинально отметила про себя, что, похоже, не прошло и минуты с тех пор, как я... как я...

— Зачем ты туда вообще сунулась? — голос преподавательницы прозвучал словно издалека.

Я вздрогнула, с усилием подавляя желание схватиться за блонды — раньше я всегда так делала, когда волновалась. Во Фрэсне и в...

Я в платье. На мне нет блонд. На мне даже кофточки нет — плечи прикрыть. О, господи, как неприлич...

— Катерина!

— Да за пудреницей полезла, — хрипло буркнула я. — Отпустите меня. Пожалуйста.

Преподавательница округлила глаза, но, стоило ей выпустить мою руку, как я, хватая несуществующие юбки, стремглав бросилась к лестнице на второй этаж — окно, я убила бы сейчас за окно. За один взгляд на... да чёрт возьми, это точно Эдвард!

Но он так чисто говорил на современном французском. Эд бы так не смог. И...

— Катя! — бросилась мне навстречу Таня. За её спиной маячил удивлённый Ромка. — Катя, что слу...

Я отпихнула её и, не обращая внимания на ропот и удивлённые взгляды других девчонок в коридоре, грудью навалилась на подоконник, высовываясь наружу. Где-то внизу, в море журналистов и фотоаппаратных вспышек маячила знакомая золотистая макушка.

Посмотри наверх. Посмотри, пожалуйста. Эдвард, пожалуйста!

Окружённый охраной и репортёрами юноша, не останавливаясь, прошёл мимо моего окна к крыльцу.

Я слизнула кровь с прокушенной губы и всхлипнула.

— Кать? — меня в который раз потрясли за плечо. — Кать, ну ты чего? Из-за пудреницы, что ли? Да я тебе такую на день рождения подарю, хочешь? Скоро уже, месяц же потерпишь?

Я обернулась, непонимающе глядя на Таню. Пудреница? Ах, да...

Подруга улыбнулась, поймав мой взгляд.

— Расскажи лучше, какой он? Эдмунд. Ты же его близко видела. Да? Кать?

Я снова всхлипнула и, спрятав лицо в ладонях, заплакала.

***

В зеркале маячила жуткая зарёванная рожа. В зеркале — а-а-а! Заляпанном, замызганном, треснутом сбоку, но — мамочки! — зеркале.

Щас я его расцелую! Кто чуть не полгода без зеркал не жил, тому не понять, какое это чудо: увидеть, наконец, своё отражение — нормально!

— Кать, давай я тебе свой тональник дам, только пойдём уже, а? — ныла Таня, вышагивающая позади меня по пустому туалету. — Он уже полчаса как выступает! Боже, там такая толпа, мы даже к двери, наверное, не пробьёмся!

Я пригладила волосы, дурея от ненормальности происходящего. Только полчаса назад я стояла на помосте перед плахой, а сейчас прихорашиваюсь в университетском туалете?

Таня резко остановилась, уставившись на мою протянутую руку.

— Тональник, — бросила я, не отрывая взгляда от зеркала. — Давай.

Спустя ещё минут десять совместными усилиями моя физиономия приобрела более-менее божеский вид.

— Ну быстрее, Кать! — торопила Таня, таща меня к актовому залу. Я спотыкалась, чувствуя себя коровой на шпильках. — Ты что, на каблуках вдруг ходить разучилась?

Я машинально облизнула губы, слизывая помаду, и врезалась в Танину спину.

— Видишь, — простонала подруга. — Я же говорила... Даже к двери не подойти.

Я выглянула из-за её плеча и присвистнула. Мда, бедный клочок коридора перед актовым залом такого столпотворения ещё не знал. И визга, когда где-то там, в зале, объявили выступление “нашего второго гостя из Франции, господина Эдмунда”.

— Нет! — хныкнула Таня. — Я же его так и не... Катя! Ты что творишь?!

Именно это, но в более нецензурной интерпретации думали те девчонки, которых я по дороге расталкивала, локтями прокладывая дорогу себе и подруге.

Ха! Курицы, да меня сегодня чуть не казнили, что мне какая-то толпа! Эдвард, я знаю, это ты, это же твой голос, Эдвард! Я уже иду к тебе!

Пройти удалось только до двери, зато отсюда даже видно было лучше: всегда не любила наши маленькие, убийственно мягкие креслица, расставленные так, что за спинкой соседа не раглядеть сцены. Впрочем, я редко на нее смотрела.

В довершение кто-то из разъярённых фанатов французского сзади толкнул меня, я дёрнула Таню...

Золотоволосый юноша стоял на сцене перед микрофоном, что-то говоря на безупречном французском. Замер на мгновение, когда мы с Таней чуть не кубарем выкатились в проход между креслами. Но тут же продолжил — также спокойно и доброжелательно, как и раньше.

Я пожирала его взглядом. Если бы не охрана, я бы на сцену выскочила, и плевать мне на всё и всех. Просто он точь в точь был Эдвардом и какая разница, как он одет — в рубашку и джинсы или кот и шосссы? Золотые волосы кудряшками до плеч были Эдварда и зелёные глаза, драгоценней и чище любого изумруда, тоже были Эдварда. И те же мягкие, правильные черты, даже жесты — то, как он откидывает голову, как убирает с глаз мешающую чёлку, как поводит плечом...

Я жадно вслушивалась в знакомый голос. Но в безупречном французском произношении не было и следа акцента, хоть отдалённо напоминающего старофранцузский. Даже специфические современные сокращения, даже чуть-чуть молодёжного сленга...

Когда вокруг завизжали, я вздрогнула, не понимая, что происходит. На глаза попала удивлённая, и радостная Таня. Я огляделась, отметила мельком, что остальные радуются тоже, и снова посмотрела на сцену.

Юноша, улыбаясь, кивнул, и передал микрофон декану.

— Вот это да! — завопила Таня, стоило нам выбраться из зала, когда всё закончилось. — Вот это да! Катька, я поверить не могу!

— Чему? — вяло поинтересовалась я, шатаясь от усталости. Золотоволосый юноша исчез в недрах института вместе с деканом и послом, и вместе с ним исчезла и болезненная энергия, переполнявшая меня, как гелий — воздушный шарик.

— Как — чему? — прокричала на ухо подруга: гам стоял невероятный. И все, похоже, обсуждали одно и то же. — Что он будет посещать наши лекции! Изредка, но он снова зайдёт! К нам! На лекции! А-а-а!

Откуда ни возьмись, вынырнул Ромка, что-то спросил у Тани, взгляделся в мою побледневшую физиономию и потащил нас на воздух во внутренний дворик, где на удивление было пусто.

— А-а-а, он придёт к нам на лекции, он к нам придёт! — повторяла, как заведённая, Таня.

— Ненормальная, — вздохнул Ромка, усаживая меня на скамейку. — Кать, ты чего? На, глотни.

Я глотнула и с непривычки поперхнулась — обычной газировкой, боже, да что со мной?

— Спасибо. Зачем ему приходиться? — повернулась я к Тани.

— Ка-а-ать! — простонала подруга. — Неужели ты не слышала? Или не поняла? Да ради одного этого стоило учить французский! В его лице там какой-то проект и для него он хочет посетить несколько занятий у нас, на разных факультетах. И к нам зайдёт, да-а-а, я знаю, точно...

— Ненормальная, — покачал головой Ромка. — Кать, а что ты там за представление устроила? На дороге.

Я покачала головой. Перед глазами всё кружилось — цветущие акации в беседке, даже журчание маленького фонтанчика отдавалось колоколом. Что там сейчас — хвалитня? Не-е-ет...

— Ром? — выдохнула я. — А ты на машине? — Парень кивнул, и я убитым голосом попросила. — Подвезёшь? Пожалуйста.

Сокурсники дружно усталились на меня.

— Ну... ладно, — ответил, наконец, Рома. — А тебя... э-э-э... домой или, может, в больницу?

— Да, Кать, ты что-то совсем бледная... даже с моим тональником, — вставила Таня.

— Это потому, что он мне не подходит, — зевнула я. — Да, я в порядке. Просто сама не доеду. Ром? С меня потом конспекты.

Парень пожал плечами и, неожиданно подав мне руку, помог встать. Я с благодарностью — и привычно — на неё оперлась и заковыляла следом.

— Сумку не забудь, — фыркнула Таня, догоняя нас и протягивая мой клатч. — Кать, звони, если что, ага?

— Ага, — выдохнула я.

Слава богу, Рома припарковался почти у самого универа, но не там, где остановились посольские машины.

Я машинально искала глазами белую Ламборджини, пока парень открывал и разворачивал машину.

— Кать, ну чего ты там копаешься?

Я тряхнула головой, взялась за дверцу и в последний момент поймала взглядом знакомую фигуру.

Юноша — Эдмунд? — стоял у ограды университетского сквера, и — я могла поклясться — смотрел на нас.

— Катя, сейчас без тебя уеду, — позвал Ромка, и я отмерла.

Эдмунд провожал нашу машину взглядом всё время, пока Рома выруливал на Остоженку. Он наверняка не мог видеть меня за тонированным стеклом, но я... я не могла оторвать от него взгляда.

“Катрин”, - звучало у меня в ушах. “Катрин”.

Поток машин засосал нас и понёс мимо Парка Культуры, мимо Кропоткинской. Университет скрылся из виду, и я в который раз до крови закусил губу.

Неужели всё было сном?

***

Ничего не изменилось. Ничего абсолютно.

Я смотрела на свою комнату — розовые весёленькие обои, бежевые занавески, раскиданные по полу мягкие игрушки. Громадный белый медведь на кровати.

Номер “Космополитена” на столе, открытый на странице с “фотороботом” Эдмунда, оказался последней каплей. Я рухнула на кровать и, вцепившись зубами в подушку, забилась в рыданиях. Смерть Эда, его последние слова, беседа с его отцом, казнь и — пф! — всё это растаяло в дыму, точно ничего и не было.

Ха! Было. Со мной. Я чувствовала, я помнила, как билась о невидимую преграду, пока Эдвард задыхался в дыму. Помнила, как меня вели на помост. Помнила, как тихо плакал король-колдун, проклиная меня.

Все я помнила.

Я плакала — пока слёзы не иссякли, но легче не стало. Ничего вокруг не изменилось, но всё казалось чужим. Моя комната напоминала тюрьму.

Где-то хлопнула входная дверь, процокали каблуки. “Мама вернулась”, - лениво подумала я. Когда-то, блуждая по фрэснийским подворотням или сидя в казематах инквизиции, я мечтала увидеть её, извиниться, поцеловать.

Сейчас я даже не обернулась.

— Катерина.

Я прятала лицо в подушку и мечтала, чтобы меня оставили в покое.

— Катерина, посмотри на меня.

Я не шелохнулась.

— Ты стащила мою кредитку, — вопросом это не было, так что я и отвечать не стала. —

На что ты её потратила?

На готовые шмотки и поход к парикмахеру-стилисту. На косметику и побрякушки. Ради одного дня — чтобы потом утопить всё это в канаве.

Сама мысль показалась невыносимой.

Я рассмеялась. Истерично, навзрыд, как до этого плакала.

— Катя? — всполошилась мама, разом растеряв весь сердитый тон. — Кать, что такое?

Что случилось?

А я хохотала и всё никак не могла остановиться. Смеялась, когда мама перевернула меня на спину, вглядываясь в лицо.

— Кать, ну что такое, тебя опять бросили?

Я замерла, глядя маме в глаза. И захохотала снова.

Мама упала рядом, схватила меня, обняла, шепча:

— Катя, Катюша, ну-ну, успокойся, всё хорошо, Кать, котёнок мой...

— Не называй меня так! — взвизгнула я, выворачиваясь из её объятий. — Пусти! Пусти меня! Пусти!

У меня мудрая мама. Как я раньше не замечала? Как я могла её расстраивать из-за таких пустяков, как краденая карточка?

Она держала меня, целуя в лоб, щёки и тихо бормотала утешения, пока я не успокоилась. И даже умудрилась задремать.

Вечером, к приходу папы я оправилась уже настолько, что смогла выдержать долгую патетичную лекцию о том, что они с мамой меня растят, а я, сволочь неблагодарная, качусь по наклонной.

Раньше я заводилась уже на “неблагодарной”, но сейчас только молча кивала и иногда всхлипывала. Под конец уже и папа не выдержал и, бросив: “Месяц без карманных денег”, отправил в “свою комнату — подумать”.

Я слышала, как он тихонько спросил у мамы: “Что с ней случилось?”. Не знаю, как ответила мама. Наверное, снова сослалась на возраст и амурные проблемы.

До полуночи я лазила в Интернете. Искала всё про Эдмунда — хотя, думала, раньше всё давно нашла. Посмотрела ролик обо мне с пудреницей на “Ютубе”. На нём я никуда не исчезала. Даже сознание не теряла.

И теперь “Катрин” этот Эдмунд произносил с явно парижскими прононсом...

Про параллельные миры нашла куча всякого бреда — я чуть над ним не заснула. Не постучись ко мне мама, наверное, так бы из-за компьютера не вылезла.

На ночь меня уложили, укрыли одеялом, рассказали душещипательную историю о том, как “в моё время — до твоего папы — у меня тоже так было”.

— Мам, у тебя есть снотворное? — перебила я, не в силах больше это слушать — в двадцатый-то раз.

— Зачем? — удивилась мама. — Кать...

Я выразительно поморщилась — раньше это всегда помогало. И сейчас мама только вздохнула и принесла из их с папой спальни какой-то пузырёк.

— Это успокоительное, снотворное тебе ещё рано, Катя. И, пожалуйста, если тебя что-то беспокоит, запишись к врачу. Хочешь, я тебя завтра...

— Не надо, — отрезала я, выпивая чайную ложку какой-то горько-мятной гадости. — Спасибо, мам. Спокойной ночи.

Мама вздохнула, с сомнением глядя на меня.

— Спокойной ночи.

Дверь за ней закрылась, оставив меня в темноте и воспоминаниях.

***

Ванна — благо мира. Возможно, высшее. Я это недавно поняла, но крепко выучила, пытаюсь помыться (а главное — промыть волосы) в лоханях с еле тёплой водичкой. И заметьте: никакого душа. О, лепестки роз, да-да. Забиваются в волосы, фиг вычешешь. Ни в какое сравнение не идут с обычной пеной для ванны или ароматической солью...

Я пожертвовала сном, решив поваляться в ванне в своё удовольствие. В итоге задремала и, не постучись мама, точно бы опоздала.

Собираться пришлось в дикой спешке. В нашем ненормальном вузе пары начинаются в восемь утра, значит, встать надо как минимум за два часа — и это мне везёт, не из Подмосковья езжу.

Прелести нашего мира, мда.

Зато я расцеловать была готова все мои ухаживающие пенки, скрабы, спреи. А вот от декоративной косметики почему-то воротило. Раньше я дня не могла прожить без “боевой раскраски”. Сейчас больше внимания уделила причёске, стремясь — кошмар какой! — спрятать дорогую стрижку в греческой косичке вокруг головы, чтобы не так бросалось в глаза, насколько коротки волосы.

А ещё я вдруг неожиданно поняла, что в моём гардеробе большую часть составляют мини-юбки. Нет, на ноги я не жалею, их подчеркнуть приятно. Говорят, они у меня стройные и ладные. Но... Сейчас, разглядывая очередную блестящую тряпочку, я ловила себя на мысли, что не могу, просто не могу одеть это. Как голая ведь буду...

Зомбировали меня в их Средневековье. Точно.

Где-то на дне шкафа нашлась пара длинных юбок. Кажется, прошлым летом они были в моде, я покупала, но почти не носила. А зря — в сочетании с бирюзовой блузкой, юбка цвета морской волны почти прокатила, закрыв, что надо и, в то же время оставив простор для воображения. Только вот декольте блузки казалось мне слишком глубоким... Но тут уж ничего не поделаешь.

Мама смерила меня удивлённым взглядом, но промолчала. Сказала только, когда я надевала балетки:

— На улице дождь обещают, не забудь зонтик.

Я угукнула, потом машинально пожелала хорошего дня (мама уставилась на меня как на чудо света) и выскочила из квартиры.

Идти было... странно. Никогда не замечала, но город давил. Здания возвышались слишком сильно, располагались слишком далеко и воздух... В метро мне впервые в жизни стало дурно, пришлось выйти на какой-то станции, сесть на скамеечку — отдышаться.

Так что на пару я опоздала. Не сильно, минут на пятнадцать. Всё бы было хорошо, не будь это историей языка...

Преподавательница, сухонькая старушка с громадными очками и вечной голубой кофточкой (жара же на улице, душно!) оглядела меня с ног до головы, поджала губы и

продолжила лекцию. Я, пробормотав извинения, вошла... и тут же встретила взглядом с Эд... мундом. Юноша сидел на последнем ряду и наши девчонки, похоже, готовы были шеи свернуть, лишь бы на него посмотреть.

Мотнув головой, я прошла к своему обычному месту рядом с Таней. Подруга, косясь назад и при этом пытаюсь списывать что-то с доски, подвинула ко мне учебник.

Пара шла, как обычно, мимо. Всё время я чувствовала взгляд этого... Эдмунда. Может, воображала, конечно, но это жутко отвлекало. Я старалась не ёрзать, сидеть прямо, выглядеть красиво... В общем, когда раздался резкий, кажется, уже не первый окрик преподавательницы, он застал меня врасплох.

Таня толкнула меня в бок и ткнула пальцем в учебник. Я недоумённо уставилась на знакомые значки.

— Читайте, Катрин, — раздражённо повторила преподша. — Пожалуйста. Надеюсь, на этот раз вы сделали домашнее задание.

Ничего я не сделала. Но деваться было некуда, я, внутренне напрягаясь, вгляделась в текст. Открыла рот...

Это была “Песнь о Роланде”. Отрывок, какое-то там сражение, чего-то там кого-то там. Неважно. Главное — без адаптации, на старо-французском. В котором я раньше ни бум-бум.

Сейчас на меня, кажется, уставилась вся группа и даже преподавательница прицелилась окулярами очков.

Я читала, без выражения, но и без ошибок, вспоминая, как что-то такое пел менестрель в замке барона в Азвонии. Вспоминая, как Эдвард потом...

— Очень хорошо, Катрин, — пробормотала преподавательница. — Вы наконец-то взяли за ум. Расскажите потом, по какому пособию вы ставили произношение.

— О-бал-деть! — шепнула на ухо Таня. — Кать, ты как умудрилась?

Я тяжело вздохнула и вздрогнула, когда позади раздался скрип стула.

Эдмунд, подняв сумку, кивнул преподавательнице, что-то пробормотал и быстро прошёл к двери.

По аудитории прокатился разочарованный вздох.

— Занимаемся, девочки, занимаемся, — поправляя очки, пропела преподавательница. — Татьяна, прошу вас, прочтите пятую строфу.

***

Остальные пары прошли без происшествий. Девчонки громко ворчали, что “милашка Эдмунд” посещает в основном лекции международных политологов и экономистов. Странно было бы ожидать иного от сыночка бизнесмена.

Я машинально конспектировала тонкости фонетики и грамматики французского, сама вспоминая и находя у этого Эдмунда всё больше сходства с Эдвардом. Но и различий тоже. Язык, манера одеваться — похожи и не похожи одновременно. Взгляд, выражение лица, тон...

В любом случае, он ясно дал понять, что не знает меня. Было бы странно, если бы я попыталась подойти... А начни объяснять, что я тут, знаете, в другом мире видела вашу полную копию и даже умудрилась влюбиться... Мда. Даже от мысли хотелось истерично смеяться.

Так ни к чему и не придя, я отправилась после четвёртой пары в деканат. Не высветись напоминалка на телефоне, уехала бы домой. Но “я-до-Эдварда” мечтала поехать во Францию на каникулах. А для этого нужна была справка из деканата — на визу.

Справку мне выдали — между разговорами об Эдмунде. Мечтательные девочки в деканате мусолили какой-то его визит, и речь, и какие-то подарки. У меня живот сводило от голода, так что я забрала справку, решив, что пропущенный обед сплетен не стоит.

В коридорах деканата и кафедр как обычно было пусто. Я остановилась в каком-то закутке, достала справку, вчиталась, проверяя, всё ли правильно эти клуши написали. А то со своим Эдмундом с них станется не то что факультет — название вуза забыть...

Я зависла на дате и надписи “до востребования”, когда в коридоре раздались шаги. Покосившись на противоположную стену и прикинув, разминёмся ли мы с ещё одним студентом в местных узеньких коридорчиках, я спрятала справку, забросила сумку на плечо. И, подняв голову, столкнулась взглядом с Эдмундом. Юноша шёл навстречу. Как в плохих мелодрамах — я всегда подозревала, там кое-что всё-таки берётся из жизни. Вот так, когда герои идут мимо друг друга, у них сердца ёкают и бьются в унисон.

В жизни я развернулась к боковой лесенке куда раньше, чем мы разминулись, и попыталась позорно сбежать, сильно подозревая, что ёканье сердец существует только в моём больном воображении. Вместе с Эдвардом из Фрэнси.

Не успела. Меня резко, с силой схватили за плечи, прижали к стене и — я пикнуть не успела — уже целовали, жадно, с такой страстью, что ещё секунда — и я начала задыхаться. А ещё мгновение спустя — отбиваться.

— Qu'est-ce que vous... (“Что вы...”), — выдохнула я, когда меня наконец-то отпустили.

Эдмунд открыл было рот. Закрыл. Отшатнулся, глядя на меня со странной решимостью.

Где-то вдалеке зацокали каблуки, и я, вздрогнув, влепила нахалу неумелую пощёчину и бросилась наутёк по лесенке.

Люблю наш универ. Такие лабиринты... Остановилась я только у метро и, привалившись спиной к ближайшей стене, закрыла глаза.

Он даже целуется, как Эдвард, чёрт бы его побрал!

***

Дома никого не было. Родители на работе — нормально, как всегда.

Я закинула сумку в комнату, проглотила обед и почувствовала, что оставаться одной — невыносимо.

На душе скребли кошки. На улице шёл дождь. Я решила, что кошки хуже, переделалась в джинсы и пошла лечиться — шмотками, шоппингом.

Всё равно мне теперь новый гардероб, похоже, нужен...

Отсутствие карманных денег сильно усложняло жизнь. Я достала заначку со стипендией, накопленной для Франции, посмотрела на неё, подумала, что если всё-таки поеду, как-нибудь выбью деньги из родителей. И окунулась в мир вешалок, примерочных и приятного запаха новой одежды.

“Девушка, — глядя на меня, как на сумасшедшую, удивилась одна из продавщиц, подыскивая очередную юбку до пола. — Зачем вы прячете такие стройные ножки? Может, присмотреть вам юбку до колен?”

Я с трудом сдержалась, прошипела что-то про “не ваше дело” и долго гоняла потом беднягу за платьями и сарафанами с длинными подолами.

Когда лимит на карточке достиг критического минимума, настроение всё ещё не улучшилось, зато одолела усталость.

Чувствуя себя героиней “Красотки”, нагруженной пакетами, только и вполнину не такой довольной, я брела по мокрой улице, мимо уродских громадных домов, по сумасшедше

правильной каменной плитке, вниз, по подземному переходу... Переход я недолюбливала и свернула в него машинально — из-за дождя не хотелось идти окружной дорогой. Стоило, наверное, слишком пусто, мои шаги эхом отдаются. Неуютно. Хотя вон той девчонке у стены, наверное, в разы неуютней. В таком-то рванье. И грязная, как свинюшка, а запах я и отсюда чувствую. Даже мой “Шанель” перебил. Господи, как можно доводить себя до такого состояния, ты же девушка, в конце концов...

Поморщившись, я поудобнее перехватила сползающий с плеча пакет из N&M, попыталась справиться с выскальзывающим зонтиком. И всё-таки уронила его от неожиданности.

На рукаве (когда это было рукавом, а не тряпкой) девушки блеснула грязная, но такая знакомая королевская лилия.

Я отвела взгляд, прошипела ругательства и попыталась поймать покотившийся на ветру зонтик.

Девушка вздрогнула, кажется, просыпаясь, и подняла голову.

Я остолбенела. Это... это игра моего воображения или я её уже где-то видела? А точнее... я видела её вместе с Эдвардом в белом платье и брильянтах, девушку-белоснежку, заграничную принцессу, невесту.

Но ею же была Аглая, моя служанка? А она ведь умерла...

Тогда... Тогда у меня глюки и это бред моего больного воображения. Так, всё, пошла-ка я.

Зонтик, наконец, поймался. Кряхтя и перебрасывая пакеты в свободную руку, я отвернулась.

Девушка опустила голову, тихонько вздрагивая на ветру.

Хм. Ну и пусть себе дрожит. Сама тут уселась. И нечего, всем бродяжкам не поможешь. Что я, пункт скорой помощи?

Стиснув зубы, я шагнула... и опустилась рядом с девушкой.

Та содрогнулась, испуганно отпрянув подальше, до боли мне напомнив... меня.

Только поэтому, а ещё из любопытства, я осталась сидеть, а не убежала. Всё-таки пустой подземный переход не самое уютное место, чтобы устраиваться на корточках, обложенная пакетами, и пытаться закрыть зонтик.

— Кошмарная сегодня погода, да? — негромко поинтересовалась я на старо-французском.

Сейчас девчонка опомнится, посмотрит на меня, как на чокнутую, может, матом обложит. За то, что лезу и мешаюсь.

И она посмотрела. И выдохнула поражённо, неверяще:

— Вы говорите на фрэснийском?

Я прикусила щёку изнутри до крови. Не сон. Не привиделось. Если только эта девчонка не кусочек моего сумасшествия. Как там, в кино, у шизофреников? Целые герои, бывает, живут только в воображении несчастных чокнутых гениев.

Я мотнула головой. Девушка смотрела на меня со странной надеждой и отчаяньем.

— Говорю, — отозвалась я, машинально дёргая ручку пакета.

Девушка быстро оглядела меня и подалась вперёд.

— Тогда прошу вас, скажите, где я? Я не знаю, я, наверное, заблудилась...

— В другом мире, — перебила я. — Вы сильно заблудились. Очень.

— Вы волшебница, да? — огорошила девушка, хватая меня за руку. — Пожалуйста,

помогите мне! Я принцесса Альбиона, я ехала к моему жениху, наследному принцу Фрэсны. Пожалуйста, помогите, мой отец и жених вас озолотят... — и замерла, услышав мой смех.

Вчерашняя истерика грозила повториться.

— Девочка, я не ведьма, — с трудом проговорила я. — И я понятия не имею, как вернуться во Фрэсну.

Плечи девушки поникли, глаза, итак красные, наполнились слезами.

— Ну пожалуйста, — всхлипнула она. — Мне очень нужна помощь. Скажите, кто вы, и я...

Я скривила губы в ухмыльке и бросила в эти оленьи громадные глазки:

— Меня зовут Катрин. И я мистрис твоего жениха, де-точ-ка, — и, когда чёрные глазища распахнулись ещё больше — кажется, от страха — добавила: — Как ты думаешь, буду ли я тебе помогать?

Девчонка снова всхлипнула и опустила голову, дрожа не то от холода, не то от рыданий.

Я поправила ляжку тканевой сумки, взяла пакеты, зонтик, выпрямилась. И тихо выдохнула:

— Буду. Потому что сама не так давно сидела, как ты. И он мне помог.

Девочка ахнула, когда я схватила её за руку и дёрнула наверх.

— Поднимайся, Высочество, я тебя на себе не дотащу.

— Куда? — пискнула девушка. — Куда ты меня... Нет! Не смей! Оставь меня!

Надо отдать должное, я в своё время просто культурно потеряла сознание.

— Ну ты же просила помочь, — фыркнула я, стаскивая плащ и набрасывая его на девчонку. — Ну вот. Я помогаю. Давай, топай.

Парочка из нас получилась, прямо скажем, колоритная. Прохожие оглядывались — и это в Москве-то, где никто друг друга не замечает. Полицейский у самого дома не поленился выйти из машины и поинтересоваться, всё ли у нас в порядке. Девчонка замерла, тихонько вздрагивая, когда, пытаясь скривить губы в улыбке и при этом не обрушить на стража порядка пакеты с покупками, я объясняла, что это моя подруга сессию удачно отметила, вот, домой, веду. Пахло от “подруги”, конечно, не розой и даже не перегаром, но полицейский явно вспомнил своё бурное студенческое прошлое и, пожелав приятного дня, полез обратно в машину.

— Кто это был? — пискнула девушка, сильнее прижимаясь ко мне.

— Местный стражник, — буркнула я, воюя с зонтом, складывающимся на ветру. — Нормально всё, успокойся.

Альбионская принцесса всё-таки потеряла сознание — правда, уже на входе в квартиру. Отдельная история, как я её затаскивала вместе с покупками и зонтиком... Мда, а Эдвард меня, получается, всю дорогу от подворотни до своего дома терпимости тащил? Уважаю...

Родителей, слава богу, ещё не было. И приедут они только часа через три в лучшем случае, но всё равно мне стоит поторопиться.

Для начала я запихнула так и не пришедшую в себя принцессу в ванну и врубила душ. Потом побежала открывать окна — выветривать запах. За это время девушка пришла в себя, смертельно испугалась душа и чуть не сбежала из ванной, а то и из квартиры.

— Что ты делаешь? — пищала она, пока я настраивала душ. — Что это такое? Что это за колдовство?

— А это, милочка, жуткое современное колдунство, — я поправила занавеску и поманила принцессу. — Давай, раздевайся и залезай. Мыть тебя будем.

Высочество залилась краской, но от одежды избавилась довольно быстро. Я поглядела на её обноски и подумала, что надо не забыть после этой альбионки вымыть ванну.

Душ принцессу впечатлил, но ещё больше ошеломило зеркало.

— Это... это я? — ахнула она, вглядываясь в свою грязную мордашку.

— А это я, — фыркнула я, указывая на себя в отражении. И включила воду на полную мощность. — Глаза закрой и кончай вопить. Высочество.

— Меня зовут Джоан, — сказала вдруг девушка, послушно подставляя голову под струи.

— Эм-м, приятно познакомиться, — выдавила я, наконец, наощупь найдя свой шампунь.

К концу мытья девушка... Джоан умудрилась заснуть. Её не разбудил даже трудоёмкий и не очень качественный процесс вытирания, а также вытаскивания её в комнату.

Вспомнив себя после подворотни, я резво одела принцессу в свою пижамку с ушками (обалдеть картина получилась), закутала в одеяло и отправилась рыться в аптечке.

По идее, стоило бы вызвать врача, уколы какие-нибудь сделать. Но, во-первых, фиг знает, как на альбионку всё это подействует, а во-вторых, мама обязательно узнает и отправит нас с ней в больницу. А у Джоан, конечно же, нет документов.

Ох, и начерта я её вообще притащила? Намучаюсь только, а что мне за это? Ничего.

Подумав, я порылась в кухонных ящичках и принялась варить глинтвейн — по специальному азвонскому рецепту (Аглая научила). Заодно и успокаивалась потихоньку.

Итак, что мы имеем? Фрэнс и Эдвард мне не приснились. Ура — я не чокнутая.

Демон не исполнил моё желание, и я оказалась дома. Тогда Эдвард мёртв. Но все уверяли, что демоны всегда исполняют желания, тогда... Тогда почему я вернулась?

И до кучи — я спасла его невесту. Я всё ещё уверена, что я не чокнутая?

Французский красавчик, от которого без ума весь универ и, если верить Интернету, вообще все, поцеловал меня сегодня. Зачем? Не похоже на флирт, пусть даже за французами и ходит слава дон жуанов. Это вообще черт знает что.

Не будь он вылитым Эдвардом, я бы...

Как раз в разгар раздумий вернулась мама.

— Кать, что ты делаешь? — удивилась она, потянув носом.

— Глинтвейн, — улыбнулась я. — Мам, знаешь, одна моя подруга из Франции приехала, она сняла квартиру, но, в общем, попала в аферу и её выгнали. Так что, ничего, если она у нас пару дней поживёт? Пока ей деньги не переведут на обратный билет.

— Ну-у... Хорошо, конечно, — замялась мама. — А...

— Только она никакого языка, кроме французского не знает, — огорошила я. — Ой, мам, она такая француженка...

Когда врѣшь, главное, в свою же ложь верить. Иногда я могу быть блестящей лгуньей. Если очень надо.

Мама уболталась довольно быстро. Не будь “подруга” француженкой, всё бы так легко не прошло. Но мои родители благоговеют перед всем заграничным. По крайней мере, мама. Я надеялась, что и на папе это сработает.

— Она немного простыла, — встрепелась я, услышав сдавленный кашель из моей комнаты. — Ничего, я её сейчас глинтвейном напою, она меня просила, и ей лучше станет.

Избежать пичканья таблеток и измерения температуры всё равно не удалось.

— Кто это? — тихо выдохнула Джоан, со смесью удивления и страха глядя, как мама суетится. — Твоя служанка?

— Моя мать, — улыбаясь, прошипела я. — Она не знает фрэнсийского и про Фрэсну тоже ничего не знает. Так что будь добра, подыгрывай мне.

Джоан с удвоенным вниманием уставилась на маму. Та расспрашивала, требовала меня переводить — болит ли горло, как там насморк и кашель? И пусть Джоан даже не думает никуда ехать с таким самочувствием. Ей сейчас нужен покой и куриный бульон. Бульон мама сейчас приготовит...

Я выпроводила её, закрыла дверь и вздохнула с облегчением.

— Она похожа на мою кормилицу, — слабо улыбаясь, сказала принцесса.

Я глянула на неё исподлобья и передала изрядно поостывший глинтвейн.

— Держи. Тебе лучше выпить. Я не знаю, как наши лекарства на тебя подействуют, так что лучше, если ты сама поправишься, без таблеток.

— Почему они должны действовать иначе? — удивилась принцесса, делая глоток. — Разве они не для людей? Разве вы не люди?

— Люди, — хмыкнула я. — Но когда я угодила в город с чёрной смертью, и Эдвард поехал меня спасать, он заразился, а я — нет. Может, у меня иммунитет к вашим болезням, а, может, они просто другие, или мы другие, и лечить нас надо по-другому. В общем, всё это сложно, но таблетки ты, на всякий случай, не пей.

— Расскажи мне про Эдварда, — попросила вдруг Джоан. — Какой он?

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Он же твой жених. Ты что, его не знаешь?

Принцесса улыбнулась и передала мне пустую кружку.

— Откуда? Я из Альбиона до этого никуда не уезжала. Так какой он? Ты его любишь?

Я медленно кивнула.

— А твой жених... или муж... не против? — нахмурилась принцесса, откидываясь на подушки.

— У меня нет ни мужа, ни жениха, — улыбнулась я.

Джоан вскинула брови.

— Как? Ты ведь уже в возрасте, неужели родители тебя ни за кого не отдали?

Я покосилась на закрытую дверь.

— Им в голову не придёт. Джоан, это другой мир, у нас многое иначе. Никто не отдаст меня замуж против моей воли. Если я захочу, могу вообще обойтись без мужа. Эй? Что ты на меня так смотришь? Понимаю, для тебя дико звучит, но здесь это нормаль-но.

Девушка покачала головой и обвела комнату удивлённым взглядом.

— Всё другое... да. Как же ты тогда оказалась у нас? Зачем? И как ты познакомилась с Эдвардом?

Я рассказала. В деталях — давно надо было хоть кому-то выговориться. Принцесса слушала, и очень внимательно. В процессе приходила мама, принесла бульон, просила Джоан сильно не утомлять. Наверное, вернулся папа, но нам больше никто не мешал, так что, думаю, вопрос новой гостьи был решён положительно.

Я же говорила — у меня мудрая мама.

— Только не думай, — закончила я, — что я имею хоть малейшее представление, как вернуться во Фрэсну. Не имею. Имела бы — вернулась сама.

— Тебя же казнят, — нахмурилась Джоан, зевая в кулачок. — Зачем возвращаться?

— Знаешь, — я потянула затёкшую руку, — в вашем мире есть только одно, ради чего стоило бы вернуться. Эдвард. Я обязана ему — очень сильно. Он умер... или чуть не умер из-

за меня. Я должна хотя бы убедиться, исполнил ли демон моё желание.

— Ты очень его любишь, — тихо заметила принцесса. — Ты даже отдала за него душу. Это...

— Он за меня отдал жизнь, — вздохнула я. — Жалеешь, что можешь остаться без жениха?

— Я совсем его не знаю, — пожала плечами Джоан. — Я видела только портрет. Красивый. Наверное, он был бы хорошим мужем. И мой отец хотел этого брака.

— Звучит так, словно ты — товар, — поморщилась я. — Как лошадь. Или вон, кровать.

Джоан улыбнулась.

— Это добродетели, Катрин. Почтение к старшим. Покорность. Леди должна быть...

— Ой, вот только не рассказывай мне, какой должна быть леди, — простионала я. — Знаю, наслушалась в Азвонии. А если Эд жив? Ты выйдешь за него?

Принцесса снова зевнула.

— Конечно. Это мой долг как...

Я перебила её. Подалась вперёд. Шепнула в испуганно расширившиеся глаза:

— Даже не думай. Лицо расцарапаю — мать родная не узнает. Поняла? Эд мой.

Какое-то время мы смотрели друг на друга, потом девушка тихонько улыбнулась.

— Мать точно не узнает. Она мертва.

Я закусила губу и решила сменить тему.

— Всё, уже поздно, пора спать. Странно, ты ещё неплохо держишься. Я первое время вообще только дрыхла.

— Я же принцесса, — вставила Джоан и тут же осеклась, поймав мой взгляд.

— Так вот, завтра выходной, родители на дачу собрались, а я с тобой остаюсь. Так что можно спать, сколько влезет, на два дня квартира — наша. Слушай, ты скажи мне, если тебе вдруг плохо станет, ладно? Я позвоню врачу, если что.

— Катрин, — улыбнулась принцесса, подвигаясь и освобождая мне место на кровати. — Извини, но я почти ничего не поняла. Что такое “дача”?

— Спать, — устало откликнулась я.

— А... молитва?

— Мы не молимся.

— Как? — ахнула девушка.

— Молча, — буркнула я. — Хочешь — можешь молиться молча. Я сильно тебя удивлю, если скажу, что у нас церковь другая?

— Вы — ерети...

— Заткнись.

Джоан замолчала, я даже подумала — заснула, наконец. И сама задремала.

Но всё-таки услышала тихое, сонное:

— Спасибо тебе, Катрин.

— Не за что, — буркнула я, не открывая глаз. — Спи уже.

***

Встать пришлось рано утром — родители уезжали на рассвете.

— Бульончик в холодильнике, — наставляла мама. — Яйцо сварить не забудь. Пиццу не заказывай — отравитесь, как в прошлый раз.

Я поморщилась. Прошлый раз я мешала водку, коньяк и шампанское. А сослалась на пиццу. А что мне оставалось?

— И одевайся тепло. И если вдруг Джоан станет плохо, вызови врача, я телефон оставила...

— Да знает она всё, — бросил папа, беря маму за руку. — Знаешь ведь, Катерина? Я выразительно зевнула.

— Ага...

— Звонить мне не забывай! Или хоть сообщения шли! — кричала мама от лифта. Я захлопнула дверь и вздохнула с облегчением. Теперь — спа-а-ать.

Джоан что-то пробормотала во сне, отодвигаясь и давая мне место на кровати. Я честно пыталась задремать, но в голову лезла всякая чушь. Снова привиделся Эдвард, как он целует меня в универе, так жадно, так...

И это, конечно, же был незнакомый мне Эдмунд, которому невесть какой французский чёрт в голову ударил.

Джоан проснулась, когда я успела встать, привести себя в порядок. И заказать пиццу.

— Вкусно пахнет, — пробормотала девушка, осторожно входя на кухню. — А...

— Уже уехали, — бросила я. — Садись, завтракать будем.

Принцесса удивлённо оглядела нашу кухню.

— А...

— Слуг нет.

— Но...

— Сами справимся.

Джоан закусила губу, села на краешек стула. Я подвинула ей чашку чая и кусок пиццы на тарелке.

— Попробуй. Должно понравиться.

— Это пирог? — поинтересовалась девушка, разглядывая кусочек.

Я пожалала плечами, щурясь от яркого солнечного света.

— Вроде того. Ешь, не бойся.

— Я хотела спросить, — осторожно начала Джоан, задумчиво жуя пиццу, — почему я в мужской одежде?

Я с минуту гипнотизировала потолок.

— Знаешь, вот этого мне больше всего не хватало у вас поначалу. Джоан, ты не поверишь — она женская.

— Это же... штаны, — изумилась принцесса, оттягивая блестящую ткань.

— Но розовые, — хмыкнула я. — Убойно розовые. Мужчина такое не оденет. Ладно, если тебя это так напрягают, дам платье. Кстати, не хочешь прогуляться? Погода хорошая. Я тебе Кремль покажу...

Девушка прикусила губу, с минуту изучала меня, потом медленно кивнула.

— Ладно. Тогда пойду, подберу тебе платье.

Проходя мимо буфета, я машинально нажала на кнопку радио, и Джоан вскрикнула, когда раздался голос диктора, а следом — песня.

— Что это? Кто?

Я покрутила “ручку” громкости, опуская её до шёпота, и покосилась на принцессу.

— Радио. Только не заставляй меня рассказывать, как эта штука работает, ладно? Если хочешь, считай её колдовством.

Когда я вернулась, Джоан крутила радиоприёмник, изучая и так, и этак.

— Прими, как данность, — посоветовала я, ставя радио на место. — Я, честно, сама

точно не знаю, как там чего крутится-ловится, и нормально живу. Пойдём, надо тебя прибрать.

К косметике Джоан отнеслась подозрительно.

— Я не хочу быть похожа на... — она осеклась, искоса глянув на меня.

Я хмыкнула.

— Что, и до вашего Альбиона слухи обо мне дошли?

Девушка промолчала.

Ладно, не хочешь краситься — не заставляю. Сама после вашего Средневековья хожу как мышь бледная.

Я машинально посмотрела на Джоан в зеркало. Вот кому не грозит быть бледной мышью. С такими внешними данными.

— Ты красивая, — тихо заметила я, расчёсывая её волосы. — Похожа на Белоснежку.

— Кто такая Белоснежка? — заинтересовалась принцесса.

— У вас нет такой сказки? — удивилась я. — Ладно, слушай. Жила-была королева, которая никак не могла забеременеть...

Под “Белоснежку” хорошо пошли и укладка, и одевание. Я пожертвовала принцессе запасное нижнее бельё, и у Джоан случился культурный шок — зачем носить это, когда есть шоссы и корсет?

— Вот, так больше подходит, — оценила я, оглядывая одетую и причёсанную девушку. — Парни приставать будут — не пугайся.

— Парни? — ахнула Джоан. — Как? Мы без сопровождения пойдём?

— Здесь все без сопровождения ходят, — хмыкнула я. — И вот что, я обещаю, клянусь, если хочешь, что ничто из того, что ты увидишь, вреда тебе не принесёт. Поэтому на улице просто подыгрывай мне, ладно? Не бойся. Хорошо?

Принцесса медленно кивнула.

Думаю, всё вокруг должно было казаться ей просто ужасным. Даже мне не по себе было от громадных зданий, снующих туда-сюда машин, кисло-горького воздуха и...

— Так много людей, — тихо говорила Джоан, крепко держа меня за руку. — И они меня как будто не видят...

— Видят, — хмыкнула я. — Просто им на тебя плевать. Смотри лучше под ноги. Или вот, — я спохватившись, сняла солнечные очки и передала принцессе. Та недоумённо на них уставилась, пришлось остановиться и помочь одеть. Зато не так видно, как она озирается.

Метро Джоан поразило до глубины души, девушка дрожала как осиновый лист, но слава богу закатывать истерику из разряда “не пойду!” не стала. Видимо, это ниже достоинства принцессы. И слава богу.

До Красной площади мы так и не дошли. Осели в Макдоналдсе у фонтанчиков, гуляли по Александровскому саду. Я рассказывала Джоан всё (не очень многое), что знала из истории, где-то что-то придумывала.

Но больше всего Джоан понравился шоколад. Я пообещала узнать, как его готовят, а пока купила ей конфеты, и довольная принцесса даже обратную поездку на метро выдержала вполне спокойно.

Она заваливала меня вопросами — почему здания такие огромные, почему народу так много, где колокола и каминьы, как работают часы, как я могу так спокойно грубить мужчинам (ха, всего-то пару раз каких-то чудиков, пытавшихся к нам подкатить, послала).

На следующий день я проводила экскурс в крема и лосьоны — попутно мы обсудили

достоинства натуральных травяных масок и тонкости японских суши.

Погода снова задалась отличная, мы гуляли в парке, Джоан сокрушалась, что лошадей у нас нет, и воздух странный, и вода в реке грязная. И одеваемся мы чудно, зато шоколад — страшно вкусная штука...

А я с удивлением понимала, что вся неприязнь и зависть к ней уходят, как вода в песок. Джоан вела себя куда спокойней, чем я когда-то, не выказывала высокомерия, чего стоило ожидать от принцессы, и понимала меня (когда, например, мы сокрушались по поводу мини-юбок) лучше, чем кто-либо.

Как-то я даже поймала себя на мысли, что общаюсь с ней как с закадычной соперницей. А не как с невестой парня, в которого влюблена.

В общем, это были странные выходные и пролетели они слишком быстро.

Поздновечером в воскресенье вернулись родители. Мама завалила подробностями про картошку и смородину, пообещала наготовить всякие вкусности и отправила спать, “а то завтра в универ”.

Утром я жутко завидовала Джоан и подумывала даже прогулять. Но злить маму, когда у меня гостит “подруга”, не стоило. Так что я положила рядом с кроватью все номера “Космополитена”, какие нашла дома — Джоан нравилось разглядывать картинки, и ушла, надеясь, что за полдня с принцессой ничего не случится не успеет.

***

Пары текли безумно медленно. На французском обсуждали какой-то бредовый фильм, на английском чахли над временами. Третьей пары неожиданно не случилось, и довольные одноклассники разбрелись кто куда. Мне пришлось остаться — учительница французского вдруг вспомнила про какой-то несданный “долг”. И я, как бедная родственница, потащила к ней на кафедру, когда могла бы ехать домой. Мда. И торчала там целых полчаса, выслушивая, какая я безответственная и вырастет из меня... не очень хороший человек.

Я спускалась с четвёртого, “деканатного” этажа, когда — совершенно случайно, клянусь, — заметила на пролёте ниже золотую макушку.

Я замерла, крепко схватишись за перила, просто не в силах оторвать взгляда от стоящего внизу, на пустой лестнице юноши. И первое время только смотрела — как ему идёт классический чёрный костюм — так же, как пошёл бы Эдварду. Как знакомо падают на плечи волосы. Как — тоже очень знакомо — постукивают по перилам пальцы.

Юноша говорил по телефону, и я, когда отмерла, смогла разобрать:

— ... Desole, mais c'est une seule photo que nous avons... Oui... Bien sur... Encore une fois — elle s'appelle Joan. (“Сожалею, но это единственная фотография, которая у меня есть... Да... Конечно... Ещё раз — её зовут Джоан”)

Юноша закончил разговор, убрал телефон и, безумно знакомо кусая губу, пошёл вниз. Я проводила его взглядом и медленно выдохнула.

Джоан.

В принципе, достаточно традиционное французское имя. Наверняка таких Джоан во Франции с тысячу, а то и больше наберётся...

Вот только подозрительно всё это. Юноша Эдмунд, похожий на Эдварда как две капли воды. Принцесса Джоан, ехавшая на свадьбу во Фрэнсу и оказавшаяся здесь...

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула, точно перед прыжком в воду.

А что если... что если... если...

Домой я летела как на крыльях. И первым делом бросилась к Джоан.

— Расскажи, как ты здесь очутилась?

Принцесса отложила “Космополитен”, убрала расчёску, отодвинула мою косметичку и с удивлением уставилась на меня.

Но рассказала, как во время ночёвки в замке барона Как-то-там ей приснился странный сон о городе, утыканном горами-домами и муравейнике людей. Это потом она поняла, что это вовсе не сон. И испугалась тоже потом. А сначала наслаждалась, гуляя...

Дальше я не слушала. Просто всё сходилось — Джоан попала к нам до свадьбы, на свадьбе же вместо принцессы была метаморф Аглая. Насколько я помню, метморфы — жуткие колдуны, кто их знает, может, она смогла отправить Джоан к нам и занять её место? И есть маленькая, безумная вероятность, что Эдвард — если он жив — смог с помощью отца-колдуна отправиться к нам. Вот только не за мной, а за своей невестой. Король-колдун ему бы точно помог — вряд ли отец принцессы Джоан сильно обрадовался, что его дочь похитил метаморф, да ещё и, формально, подданный Фрэсны. Может даже война начаться между Фрэсной и Альбионом. Кто его знает, этот Альбион, ну как там тоже король — колдун? Или у него есть могущественные слуги? Там сумасшедший же мир у них там, похоже, и не такое возможно.

Догадка выглядела глупой со всех сторон, но прочно засела мне в голову. Уж слишком многое сходилось. Эдмунд этот, его поцелуй... зачем же делать тогда вид, будто он меня не знает? “Катрин”, будто узнал...

Вечером вместо домашнего я рылась в социальных сетях. Не может у Эдмунда, если он такой популярный, не быть аккаунта хоть где-нибудь. Просто не может...

Джоан тем временем освоила мой плеер, пришла в восторг и теперь валялась на кровати, от души наслаждаясь. Пару раз заглядывала мама, но слушала наш с Джоан фрэснийский, наверняка принимала его за французский и уходила, уверенная, что дочка практикуется, а это уже не плохо, даже если от домашнего увиливает.

В одиннадцатом часу аккаунт был найден, и даже не один. Найден, изучен вдоль и поперёк. Позже, лёжа без сна на кровати, я всё думала, сопоставляла, решалась... К утру, после сна урывками, я пришла к выводу, что попробовать стоит и, соврав маме, что первой пары у нас не будет, пару часиков поспала.

Джоан очень удивилась, когда узнала, что поедет со мной.

— В университет? Я? Но разве девушкам... Это нормально?

Я бросила ей платье, кофточку и запасной бюстгальтер.

— Ну, я же езжу. Нормально, Джоан, просто... э-э-э... ты тут сидишь одна, тебе наверняка скучно... да?

Девушка несмело улыбнулась и вопросов больше не задавала.

Я отдала ей плеер, так что поездка в метро прошла более-менее спокойно. Зато меня трясло от волнения: а если не сработает? А если сработает?!

На сайте среди личных данных случайно обнаружился телефон Эдмунда. Русский. Я не поленилась позвонить в компанию, узнать, действителен ли он. Телефон существовал и должен был работать. Так что, остановившись в сквере у универа и врубив Джоан музыку на плеере погромче, я отвернулась и трясущимися рубками достала свой мобильник.

В конце концов, это всего лишь звонок. Если что... он всего лишь отключится. Подумает, что шутка или номером ошиблись. Да?

Дрожащий палец, наконец, ткнул нужное место на экране и я, покосившись на Джоан (та явно балдела под Roxette), прижала мобильник к уху.

Гудки тянулись так медленно, так адски медленно, что, когда, наконец, знакомый голос по-французски поздоровался, я, злясь на собственные нервы, выпалила на фрэнсийском:

— Эдвард, дорогой, кажется, я нашла твою невесту. Джоан, да? Мы тут в сквере неподалёку. Хочешь присоединиться?

Пауза... и только потом гудки.

Я отключилась, облегчённо вздохнула и схватила Джоан за руку.

— Мы уже идём? — встrepенулась принцесса, вытаскивая наушники. — А в университете можно слушать музыку?.. Катрин? Катрин, кто это?

Я сжала руку девушки.

Охрана окружила сквер, точно из воздуха материализовалась. Я закусилa губу, глядя на них. И больше для себя сказала:

— Всё нормально. Успокойся. Всё хоро...

Потом взгляд упал на спешащего к нам юношу и стало не до разговоров.

Если раньше я ещё сомневался, то, когда Эд... вард подошёл ближе, увидел изумлённую Джоан и, церемонно поклонившись, произнёс что-то на непонятном языке, а принцесса ответила, все сомнения исчезли.

Эдвард жив. Это он. Он пришёл сюда, в мой мир.

Не за мной.

— Эдвард, — потрясённо выдохнула я.

Юноша, объяснявший что-то Джоан, осёкся. Посмотрел на меня.

Я вздрогнула. Такой же у него был взгляд, когда мы шли навстречу армии Проклятых. Когда он думал, что умрёт.

Юноша отвернулся и с лёгким поклоном взял Джоан за руку и кивнул охране.

Чьи-то руки легли мне на плечи.

— Эдвард, объяснись! — дёрнулась я, но меня уже поволокли в другую сторону. Ошеломлённая Джоан с моим плеером в руках, изумлённо смотрела на меня. А Эдвард... Он даже не смотрел.

— Эдвард! — что есть мочи завопила я. — Нет! Пустите меня! Пустите! Эд...

Дальше мне очень невежливо заткнули рот и запихнули в машину. Я пыталась скандалить всю дорогу невесть куда, угрожала рассказать о похищении и вообще истерила. Но меня выгрузили у метро, сунули в руки сумку и уехали.

Телефон Эдварда не отзывался. Я звонила раз тысячу, наверное. А потом прислонилась к стене и зарыдала.

Это всё время был он. Он делала вид, что не знает меня.

Он целовал меня.

Он бросил меня.

Мама, вернувшись, как обычно, первой с работы, обнаружила меня в комнате на кровати. Я лежала на спине, тупо глядя в потолок.

— А где Джоан?

— Уехала.

— Правда? — удивилась мама. — Не попрощалась? — и вдруг без перехода поинтересовалась. — Катерина, что ты скрываешь?

Я перевела взгляд на неё. Мама вздрогнула.

— Катя... Да что опять с тобой?

— Мне плохо, мам, — тихо произнесла я. А хотелось кричать. И бить посуду. — Меня

бросили.

— Кать? — после паузы тон в тон мне начала мама. — Скажи, а ты не делала тест на беременность?

Тут уже я ошеломлённо уставилась на неё.

— Чего?

— М-м-м, — отводя взгляд, кивнула мама. — Хорошо. А то я испугалась.

— Чего ты испугалась? — вскинулась я, чувствуя, как внутри всё клокочет и так хочется это на кого-то выплеснуть. — Ну? Что я залетела?!

— Полежи, успокойся, Катерина, — сухо бросила мама. — И за тоном следи.

Я швырнула в закрывшуюся дверь “Космополитен” и закусила подушку.

Пропади вы все пропадом!

— Эдмунд уехал, — вздыхая, сообщила следующим утром Таня. — Вчера. Кстати, чего тебя вчера не было?

— Ничего, — буркнула я, утыкаясь в учебник.

Ну конечно уехал. Что ему ещё тут делать? Свою Джоан-то он ведь нашёл.

— *Des le lendemain* — читала на паре французского кто-то из одноклассников. Мы проходили французские сказки, но мне совершенно не было до них дела, — *les noces furent faites, ainsi que Riquet a la houppe l'avait prevu, et selon les ordres qu'il en avait donnees longtemps auparavant.* (“Свадьба состоялась на следующий день, так, как Рике и предвидел и в соответствии с указаниями, которые он дал заранее” Ш.Перро “Рик с хохолком”)

— *Ils vesirent heureux,* — усмехнулся кто-то неподалёку.

Ну да. В сказках — оно конечно. “Долго и счастливо”.

Я же говорила, мне не везёт со сказками. Мой принц сначала изгнанник, потом женится на другой и бросает меня. Он даже не посмотрел на меня! Как... как он мог?!

Я прикусила и так искусанную до крови губу, закрыла глаза. Безумно хотелось спать — я всю ночь проревела. Жутко болела голова.

А когда рядом раздался голос преподаши, отчитывающей меня за невнимательность и требующей рассказать, что я думаю о морали сказки, у меня сдали нервы.

Я ругалась на фрэнсийском громко, грязно, а перед глазами плыло и крутилось, голова кружилась, дыхание перехватывало. А когда я, наконец, перевела дух и сморгнула слёзы...

Знакомо трещали поленья в камине, также знакомо звонили в отдаленье колокола. В принципе, знакомо пахло травами — нос тут же зачесался.

Я с удивлением обнаружила, что сижу на коленях, аудитории нет, зато у окна-бойницы, заделанного витражом, стоит этот... ну... а-а-а, вспомнила: герцог де Сиета. В шоссях и нижней рубашке. И поражённо смотрит на меня.

Минуту мы гипнотизировали друг друга, потом герцог вздёрнул бровь, бархатно произнёс на азвномском:

— Катрин?

А я выдохнула:

— О-бал-деть!

Глава 2

— Если она ведьма, то я — архиепископ, — устало вздохнула леди Адриана, отводя, наконец, взгляд от меня.

Герцог де Сиета, стоящий у камина, склонив голову, наблюдал за нами.

— Ты уверена? Она исчезает и появляется, где вздумается, — задумчиво поговорил он, вертя в руке изящный кинжальчик.

— Сомневаюсь, что ей уж очень хотелось появиться здесь, — улыбнулась леди. — Даже она не так глупа.

Я сжала кулаки. Да я вообще на мозги не жалуясь, так что хватит разговаривать так, будто меня здесь нет!

— И тем не менее, ей как-то удалось сбежать прямо с плахи и от самого короля-колдуна, — вскинул бровь герцог. — Как ты это объяснишь, Адриана?

Леди покосилась на меня. Яркая, ухоженная, собранная как обычно. Не то, что я — в сарафане с бесстыдно по местным меркам открытыми плечами, и без украшений. Почти как девка. Почти как шлюха.

— Я не знаю, — тихо ответила Адриана. — Но могу поклясться на Святом Писании, эта девчонка не колдунья.

Ей! Здравая мысль. Будь я колдуньей, я б вас всех тут сейчас... построила.

А вместо этого строят меня.

Герцог вздохнул.

— Что же нам с тобой делать, Катрин?

Я завороченно смотрела на сверкающий в его руках кинжальчик.

— Отдай её мне, Руи, — пропела Адриана, — я найду ей применение.

Я закусила губу. Эта... эта найдёт.

— Кажется, Катрин против, — улыбнулся герцог, пристально глядя на меня.

Я посмотрела в ответ, вложив во взгляд максимум отчаяния.

Эта злопамятная ведьма меня точно убьёт!

— Кого волнует мнение этой девчонки? — повела плечиком Адриана.

Я похолодела. Господи, ну что за...

— Думаю, кое-кого волнует, — протянул герцог. — Например, нашего принца. Как думаешь, Катрин? Захочет Эдвард приехать за тобой?

Я подавилась воздухом. Захочет?!

— Не глупи, Руи, у него свадьба, его невеста — принцесса Альбиона. Эта же простушка... — Адриана поджала губы. — Я не отрицаю, что у Эдварда были к ней... чувства. Но он тем более не так глуп, чтобы жертвовать ради неё положением при фрэнсийском дворе. Вряд ли альбионская принцесса и особенно её царственный отец будут рады знать, что у принца есть мистрис, да ещё и такая. Будь фрэнсийский двор нормальным, чти он традиции, её бы отослали в дальнюю деревушку. А так, только рады будут от неё избавиться.

— Король — быть может, — пожал плечами герцог. — А вот принц...

— Руи, — покачала головой Адриана. — Он не приедет. Это глупо, безрассудно и...

Герцог с размаху вонзил кинжальчик в стол.

— Я отправлю ему письмо. Ты и твои маги проследят, чтобы оно к нему попало, — Сиета посмотрел на Адриану и та, поджав губы, кивнула. — Если он откажет или оставит письмо без ответа, тогда — хорошо, отдам её тебе.

Я судорожно вздохнула, и герцог с улыбкой повернулся ко мне.

— Ах да, Катрин... Добро пожаловать в Азвонию!

***

В общем, да, здравствуй добрая старая Азвония! Холодно тут, снег идёт, колокола

звонят, камин трещит, за дверью переговариваются стражники.

Я заперта.

Из окон, забранных решёткой, как в темнице, дует. Я жмусь к камину, кутаюсь в меховую накидку, но холодно всё равно до чёртиков. А ещё тоскливо, но это мелочи. Пора уже привыкнуть, наверное.

Меня одели, как принцессу, устроили в удобные по местным меркам покои, прислали служанок, накормили, даже книги принесли. Чисто на всякий случай, если Эдвард всё-таки решится за мной приехать — я должна быть в хорошем состоянии.

Вот только я лучше всех знаю, что не решится. А потому чувствую себя почти как перед казнью. Эдвард не придет, меня отдадут Адриане, она сделает из меня что-нибудь вроде зомби-куклы, только живой — в лучшем случае, а в худшем — я буду мечтать о плахе.

Жизнь прекрасна и удивительна.

От нечего делать я читала, пробовала писать, практиковалась в азвонском и фрэснийском, слушала местные сплетни. Служанки, кстати, тоже считали меня никчёмной идиоткой.

Итого: азвонский престол формально пустует. Фактически он у герцога де Сиеты, но герцог тут на птичьих правах. Он скооперировался с Адрианой, которая, убегая из Фрэсны, прихватила с собой всех выживших волшебников казнённого лорда де Лашете и возродила азвонскую гильдию магов. Архиепископ в пух и прах рассорился с отравителем своего государя — герцогом — и грозит пожаловаться Святому престолу и предать всю Азвонию анафеме. Или проклятию. Или вообще отлучить от церкви. Как-то так. Герцог в ответ послал архиепископа к дьяволу и объявил его еретиком. Только он не Святой престол и его заявление веса не имеет. Зато у него есть маги. Короче, всё сложно и потихоньку назревает гражданская война.

Да, тут ещё фрэснийский король-некромант хочет посадить сына, вообще-то законного наследника, на азвонский престол. А что? Коль пустует. И все боятся новой Проклятой армии, но надеются на своего Сальвадо-Эдварда.

А ещё король Альбиона не прочь заполучить внука-наследника Фрэсны и Азвонии...

Короче, всё очень-очень сложно. И конкретно мне не несёт никакой пользы, ибо не касается никак. Я тут проторчу ещё месяцок, наверное, и поеду к Адриане. И там мне устроят весёлую жизнь. Прекрасную и удивительную.

Утро. За окном, как я уже говорила, снег. Я у камина, мёрзну и жалею себя. Местами вслух и по-русски, а то за неделю полного молчания и сидения взаперти, кажется, начинаю неметь.

И тут в ватной рассветной тишине раздаётся громкое: “Гхр!”

Сначала я, честно, подумала, что Адриана решила добраться до меня заранее. Ну, вроде как мясо для блюда заранее маринуют. Но “гхр!” доносилось из сундука и как-то это не похоже на благовоспитанную, ухоженную леди, пусть и ведьму — прятаться в сундуке. Или посылать кого-то прятаться в моём сундуке, или...

“Гхыр” повторилось, и сундук содрогнулся.

Я вскочила, уставилась на него и попыталась успокоиться. Это сложно, если в десяти шагах от тебя отплясывает мебель.

В голову сразу полезла всякая дрянь: от оживших мертвецов до насильников с приспособлениями из секс-шопа. Мда, странные у меня фантазии, признаю. Особенно для местного Средневековья.

Сундук содрогнулся снова и затих, когда я, готовясь визжать погромче, откинула крышку.

Сперва ничего не происходило: я только удивлённо изучала гору платьев, лент, воротников и шосс.

Потом гора зашевелилась и нечто с визгом, достойным стартующей ракеты, взвилось ко мне, целясь в лицо.

Я пискнула, отшатываясь, нечто пролетело мимо, грохнулось на стол, свернуло графин, поскользнулось в луже воды и, урча, разъехалось лапами по столу.

Я поражённо наблюдала.

Первым желанием было снять тапочек и врезать этому “нечто”, которое я поначалу приняла за громадного таракана. В Тайланде мне пару раз приходилось таких видеть.

Но тараканы не урчали. Максимум они жужжали — и то в полёте.

Это же урчало и выло. А ещё оно было мохнатым, серо-коричневым и имело треугольные уши торчком.

Спустя минуту, пока “оно” возило лапами по столу, пытаясь встать, я сообразила, что это...хм... кот. То есть, котёнок. Маленький, изрядно побитый котёнок с явными суицидальными наклонностями и повышенной агрессией.

Возможно, он даже болен бешенством.

Котёнок...э-э-э... мохнато-усато-рычащий монстр, наконец, поднялся. И попытался спикировать на меня снова — с низкого старта. Я успела вовремя отступить, и монстр с визгом “уя-а-а-у!” пронёсся мимо.

— С ума сойти, — прошептала я.

Ага. Оно ещё и летает.

Монстр, урча, пошёл на третий заход.

— Э-э-э... кис-кис-кис, — заюлила я, уворачиваясь и подхватывая юбки. — Хороший киса, хороший...

“Хороший киса” коварно вцепился мне в юбку, а следом — и в ногу.

Я заорала, стряхнула его с себя и очень быстро взлетела на кровать.

За дверью, наконец, опомнились стражники.

Следующие минут пять я наблюдала борьбу не на жизнь, а на смерть — котомонстр дорого продавал свою свободу. Наконец, особенно разозлённый азвонец выхватил-таки меч и приготовился разрубить бедное непокорное животное пополам.

У меня у самой саднили царапины на руках, но не настолько же! Да и потом, есть что-то неправильное в маленьком сжавшемся комке меха и здоровенном мужике с мечом наголо. Определённо это неправильный реслинг.

Размахивать мечом на пискляво ругающуюся дамочку азвонцы поостереглись. И потом, как я осознала минуту спустя, я же тут пока ещё нужна живой. Во-о-от.

Так что я на хорошем русском высказала ребятам принципы Гринписа и требовала повторить, пока они не убрались за дверь.

Не прикажи де Сиета меня не трогать, так легко я бы не отделалась. Мда. Что говорится, плюсы есть везде, особенно если хорошо поискать...

Котомонстр остался, рыча и глядя на меня единственным не заплывшим глазом.

“Это всего лишь котёнок”, - уговаривала я себя, подходя ближе. А царапины красноречиво саднили, и я ждала, что монстр опять прыгнет.

— Котя-котя-котя, кис-кис-кис...

— Фр! — откликнулся монстр, поводя хвостом.

Я прикусила губу и принялась раздеваться. Гоняться за котом в “капустных” юбках — то ещё удовольствие, так что я добралась до сорочек, а кот изумлённо следил за мной, урча и фырча, и бешено вращая зелёным дьявольским глазом.

Я медленно обошла его по кругу, добралась до шкафа, вынула пару сорочек, быстро обвязала ими кровящие руки...

Следующий час я носилась за монстром по комнатам, подмела все полы, собрала всю паутину и к концу охоты была вся в траве, которой местные устилают пол.

Котомонстр барахтался в сорочке, утробно рыча и явно призывая на мою голову все несчастья мира.

— А фиг тебе, — отдуваясь, объявила я.

К этому времени явились служанки, слава богу, с горячей водой. Кот им тоже не понравился, как и мой внешний вид (“А! Она наконец-то спятила!”), так что они были только рады оставить ванну и убраться по своим делам к чёртовой бабушке.

А я купала котомонстра. Он был пылен, вихраст и пахуч, у него обнаружилась прорва блох, которые не хотели бросать такую роскошную квартиру и желали если переезжать, то на подходящее место жительство, например, на меня.

А ещё он царапался и вырывался, пока я его не намылила, так что мини-потоп мы всё-таки устроили.

После убойной дозы местного аналога мыла кот чуть успокоился и перешёл на жалобное хныканье. Извлечённый из воды на свет, дрожащий и закутанный в третью сорочку, так, что наружу торчали только уши да кончик хвоста, он представлял поистине жалкое зрелище, а по его ранам, свежим и зажившим, можно было бы писать летопись славных кошачьих деяний — и весьма длинную.

Когда я обрабатывала их местным вином, котёнок уже и не дёргался, но плакал очень жалобно.

Потом я закутала его в меховую накидку, уложила на кровать и развлекала чтением азвонских книг.

Приятно проводила время.

Ночью кот попытался отойти в мир иной, но подогретое вино явно вселило в него надежду на лучшее будущее и в этой реальности. Вместо славного умирания он выл кошачьи песни, цапал меня за палец и дрыгал лапами, явно требуя ещё. Даже моя проповедь о вреде алкоголя его не впечатлила.

Зато утром он только вяло дрыгал кончиком хвоста, и дал себя нормально ещё раз помыть и перевязать.

Вот так у меня появился...хм... бойцовский котёнок.

***

Кот получил имя Бес. Никакое другое ему просто не подходило. Серьёзно, при виде его морды иных ассоциаций вообще не возникало. Бандитская морда юного соблазнителя кошачьего прекрасного пола и плохиша всех мастей. Ему только повязки на заплывший глаз не хватало. С черепом и скрещенными костями.

После третьего мытья обозначился настоящий цвет Беса. Рыжий. И здоровый зелёный глаз пятном на ржавом фоне. И жёлтый гной из порванной губы и глаза. Вином он не лечился, и я боялась, что спустя какое-то время мой кот рискует стать одноглазым навсегда.

Ночь, когда я решила раскалить шпильку и взяться за гной по-настоящему

запомнилась коту и мне надолго. Странно, но глаз остался на месте, хотя крови и гноя было так много, что я, пытаясь оттереть их с блию, чувствовала себя заправским садистом. Особенно, когда распятый на кровати котёнок вдруг перестал дрыгать лапами и сделал вид, что выпускает последний дух.

В общем, не убили мы друг друга только чудом, и Бес меня ещё два дня игнорировал.

Отдельная история — как я его кормила. Жрал он всё и как не в себя. Обожал вино. Изумительная картина — перекатывающийся на коротких лапах котёнок с головой окунается в кувшин — так, что только задние лапы торчат да хвост туда-сюда дёргается. От избытка чувств, наверное.

Меня он сторонился только первую неделю. Потом понял, видно, что за двуногая даёт ему жрать (под определение “кушать” то, что Бес с едой вытворял не подходило), и наше общение вышло на новый уровень. Очень скоро кот приручился настолько, что залазил спать ко мне на кровать (а не в сундук) и перестал гадить на мою одежду (головная боль служанок).

А больше ничего и не происходило. Честно, без Беса я бы свихнулась, наверное, от скуки. Служанки со мной не общались, стража игнорировала — кроме того случая, когда они обшаривали в потёмках мои комнаты, ища какую-то не то ведьму, не то беглую кого-то — я не поняла. Рейд вроде бы проводился по всему дворцу, и мы с Бесом наблюдали за ним (и слушали) с кровати на пару.

Остальные дни я дрессировала кота. По правде, он был первым домашним животным, которое у меня появилось. Как-то так получилось — у мамы аллергия на шерсть да и ухаживать за всей этой живностью, как говорил папа, тоже ведь надо. Я считалась для этого слишком легкомысленной, а родители постоянно работали, и времени у них не было.

Так что Бес стал моим первым котёнком и огрёб из-за этого по полной.

Думаю, я достала его кисточкой от балдахина — прыгать за ней он совершенно не хотел. И вообще был со всех сторон неправильным котом — игнорировал рыбу, хоть и любил молоко, был неуклюж, криклив и грязен (хотя я слышала, что кошки очень чистоплотны).

Но он любил лежать у меня на коленях и мурчать. Я гладила его уши и лобик, слизывая кровь с очередной царапины на руке, и мечтала оставить это ушастое чудо без когтей.

Спустя ещё две недели мы окончательно привыкли друг к другу. Бес даже как-то остепенился. Он по-прежнему отказывался себя вылизывать, царапался, но уже больше напоминал котёнка, чем хвостатого ушастого монстра, как раньше.

Я же нервничала с каждым днём всё больше и больше. Время шло, а про меня точно все забыли. Я ждала, что со дня на день, а позже — и с минуты на минуту, явится стража и потащит меня к Адриане.

Я даже уже была морально к этому готова — хотя всё равно, конечно, боялась до чёртиков. Так что, когда однажды поздно вечером, во внеурочное для служанок время, дверь открылась, у меня внутри всё похолодело. Даже Бес, до этого равнодушно мурчащий у меня на коленях, всполошился и шмыгнул под кровать раньше, чем вошедший его увидел.

— Добрый вечер, Катрин, — улыбнулся герцог де Сиета, проходя в комнату и швыряя на стол шляпу — как у себя дома.

Я встала.

— Вы пришли отвести меня к Адриане?

— Леди Адриане, Катрин, — усмехнулся герцог, по-хозяйски берясь за кувшин и пытаясь налить из него в кубок вино. Обнаружив, что кувшин пуст, герцог удивлённо

покосился на меня (а я что? Это Бес у нас алкоголик). И добавил. — Неужели моя мать ничему тебя не научила?

— Ваша мать, — откликнулась я, — учила, что молодая леди не может находиться в комнате с мужчиной наедине.

Герцог улыбнулся.

— Молодая леди — да. Ты, Катрин... ты не леди. Тебе не нужна дуэнья, не так ли?

Я сжала кулаки.

— Зачем вы пришли?

Герцог устроился в кресле и вытянул к камину ноги. Поднял взгляд на меня.

— Приятно провести время, Катрин. Не пугайся. Пока к леди Адриане тебя никто не поведёт.

Я жадно уставилась на него.

— Эдвард вам ответил?

Герцог усмехнулся.

— Что он вам ответил?!

— Катрин, ты утомительна, — вздохнул Сиета. — И как принц тебя терпел? Ты скучная и назойливая, и наверняка в постели быстро приедаешься. Но кое-что ты всё-таки можешь. Расскажи, как ты умудрилась сбежать из Фрэнсы?

Я скрестила руки на груди.

— Понятия не имею. Я не помню.

— Врёшь, — хмыкнул герцог.

— Вру, — пожалала плечами я. — И что? Вы не страшнее фрэнсийского короля и вы не причините мне вред, пока я нужна вам.

Герцог улыбнулся, точно я напомнила ему о чём-то приятном.

— Катрин, а знаешь, что я потребовал у твоего принца? Отказаться от звонского престола. Как думаешь, ты стоишь престола?

Я покачала головой.

— Вот и я думаю также, — вздохнул герцог, вставая. — Скучно с тобой, Катрин, скучно и пресно... Иди сюда.

Я отшатнулась.

Герцог снова вздохнул и шагнул ко мне.

Не будь позади меня стена, так бы мы и кружили по комнате — ещё долго, наверное.

— Что вы... что вы делаете?! — пискнула я, когда герцог, больно схватил меня за руку, содрал с моей кисти перчатку и вынул откуда-то давешний кинжальчик. — Не надо... Ай!

Не обращая внимания на мой писк, герцог уколол мой палец, поднёс к нему что-то чёрное, засветившееся... Дальше я помню только боль и дикий жар. И очень, очень долго.

Посреди ночи, когда я проснулась вся в поту, на кровати, на пальце клеймом горел какой-то знак, а подобравшийся фырчащий Бес порывался его облизать.

— Фу, пошёл отсюда, — еле ворочая языком, пробормотала я, то ли засыпая, то ли теряя сознание.

Во всяком случае, Бес не послушался. Я чувствовала его шершавый язычок ещё долго, и он прогонял боль.

А утром исчез и знак, а довольный кот блаженно шурился на солнце, лёжа рядом на подушке.

Я долго рассматривала руку и прислушивалась к себе. Ничего необычного.

Знать бы ещё, что это было.

***

Ещё неделя пролетела в странной апатии. Я перестала нервничать, я вообще иной раз думала, что перестала чувствовать. Ну нет, конечно. Просто мне было всё равно.

Так уже было пару раз — оба перед казнью. Хм, с одной стороны, я до сих пор жива. С другой — это может быть последний раз...

Бес, провалявшись так со мной пару дней, не выдержал и попытался меня растормошить. Даже когти в ход пускал. Не будь его, я, может быть, вообще бы не шевелилась и не ела. Трогательный момент — котяра притащил мне миску с печёными яблоками со стола. Половина яблок потерялась по дороге, а сладкий сироп вылился на кровать. Но притащил же!

Однако больше я спала. И видела яркие сны. Про университет, про то, как поехала во Францию. Как вдруг встретила там Эдварда. Как он за мной приехал сюда, в Азвонию. Как он за мной не приехал, и меня отдали Адриане. Как ко мне врывается стража, а Бес кидается на них урчащей ракетой. Как меня снова куда-то тащат...

Много снов. Я совсем в них запуталась. Совсем.

Было раннее утро. Рассвет только-только забрезжил, сумерки чуть-чуть посерели. Мне снился перестук копыт и лошадиное ржание. Резкие окрики — где-то далеко, не здесь, не у меня, не рядом.

Мне снилось, как тихо отворилась дверь, и знакомая фигура, закутанная в тени, как в плащ, прошла к кровати. Постояла немного, точно в нерешительности, держась за кисточку балдахина.

Откинула занавеску.

Я смотрела на неё сквозь ресницы, как сотни раз до этого во сне.

Он был прекрасен, мой принц, прекрасен, как сказка. Усталый и бледный, и с тенями под глазами. Но он был здесь, рядом. И смотрел на меня со странным выражением тоски и желания, как тогда, в университете.

Он часто снился мне таким.

И, как и в других снах, он, наконец, шагнул ближе, склонился надо мной — низко, я могла бы пересчитать каждую его ресничку, если бы захотела. И — я зажмурилась, почувствовав нежное прикосновение к губам.

А потом мы целовались — нежно и жадно, не в силах оторваться друг от друга, и это было правильно, это было, как надо: его рука на моём бедре, моя — в его волосах. И родной запах трав и конского пота, и нотка чего-то пряного...

Примерно на этом месте до меня дошло, что это не сон, и Эдвард действительно здесь. И он целует меня.

После всего, что... он ещё смеет меня целовать?!

Я вздрогнула, но Эд, не замечая, продолжал поглаживать (гад!) моё бедро, пока моя рука не нашла на сундуке у кровати кувшин с водой... и не треснула этим кувшином по золотой макушке.

Заехала я неудачно — по затылку. Да и размах был несильный, а жаль! Кувшин, впрочем, треснул и кровь у этого мерзавца потекла. Мне на подушку, вместе с водой.

— Обозналась я, значит, а, Эдмунд?! — прорычала я не хуже Беса, подаваясь к отшатнувшемуся юноше. — Сейчас я тебе покажу, как я обозналась!

Эдвард отступил к стене, потирая затылок и с явным удивлением разглядывая

окровавленную ладонь.

— Катрин, ты всё не так...

— Что?! — рывкнула я, швыряя в него кувшином. — Поняла я не так, да?! А ну иди сюда, объясни!

Идти Эд не хотел, наоборот он предпочёл стратегическое отступление — к камину, у которого как раз возлежал Бес, с удивлением глядящий на нас.

Я поискала рукой, нашла только подушку — одну из — и швырнула её в Эда. Потом схватила другую и бросилась следом.

— Ты! Ты женился! Ты умер! — вопила я, избивая опешившего юношу подушкой. — Ты меня игнорировал! А-а-а! Ты меня бросил!

— Катрин, я хотел, как лучше! — вклинился в мои вопли Эд, вырывая у меня подушку.

— А получилось, как всегда! — машинально добавила я, пиная его, куда придётся. — Пусти меня! Пусти, гад! Пусти! А-а-а, Бес, фас!

Урчащая ракета взвилась в воздух.

У кота получилось не в пример лучше, чем даже у меня с кувшином. Втроём: я, котомонстр и подушка, — мы оттеснили юношу к двери, а потом и вовсе заставили сдать позиции и спастись бегством.

Дверь захлопнулась, Бес с довольным урчанием прижался к ней спиной, умильно выставив круглый животик. Я, отдуваясь, прислонилась рядом к стене.

Снаружи послышался странный грохот.

Мы с Бесом переглянулись.

— Теперь меня точно отдадут Адриане, — весело заметила я.

Бес зажмурился и, кажется, улыбнулся разбитыми губами.

Я хмыкнула и ударила кулаком об открытую ладонь.

— Правильно. Ну и фиг с ней!

***

— ... и после всего, — возмущалась я, выхаживая кругами по комнате. Бес, мой единственный собеседник, сидел на столе, водя головой из стороны в сторону — следил за мной. — И после всего он ещё приехать посмел?! Нет, ну ты представляешь, а?! Я тут мучаюсь, а он...

Логическая цепочка возмущений стала ускользать даже от меня, заставив остановиться, подыскивая слова.

— А он... он...

От дальнейших мыслительных усилий меня избавила вломившаяся в комнату стража.

Я профилактически завопила, ещё когда дверь только-только распахнулась, но этим мужланам дела не было до моих криков.

Меня схватили, мне заломили руки за спину, нахлобучили меховую накидку и куда-то поволокли.

А я вопила, мешая азвонский, фрэнснийский и русский:

— Что вы делаете?! Куда вы меня... как вы смеете! Пустите! А-а-а!

Последнее “А-а-а” получилось особенно сокрушительным — именно в этот момент Бес спикировал со стола и, вцепившись мне в юбки, полез под накидку, конечно, не подумав пощадить мою нежную, непривычную к когтям кожу.

Меня выволокли во двор, где как раз собралась целая толпа — поглазеть. До этого они чего-то кричали, теперь орала я — зато громче. Очень громко. Я решила — всё равно ничего

не теряю: такой репутации, как у меня, подобные мелочи повредить уже не могут. Так хоть оторвусь напоследок.

Бес уютно устроился у меня на груди под блию и только мявкнул недовольно (я его успешно заглушила), когда меня забросили кому-то в седло. “Кто-то” пришпорил лошадь, ветер ударил мне в лицо, и я захлебнулась криком.

Мимо проносились дома, потом — луг, и, наконец, деревья.

На какой-то поляне мы всё-таки остановились. Всадник спешился и протянул мне руки.

— Спускайся, Катрин.

Я задумчиво потеревила поводья.

— Не-а. Мне и тут неплохо.

На самом деле, с непривычки (успела забыть, да) высота с седла до земли казалась... в общем, если я гордо прыгну мимо его рук, сломаю ноги. А если он меня поймает, я окажусь... мягко говоря в стратегически неважном положении.

Эдвард вздохнул.

— Ладно. Как хочешь, — и, после молчания, ведя лошадь под уздцы, добавил. — Позволь мне всё-таки всё объяснить.

Я громко фыркнула, упрямо вскидывая подбородок.

— Можешь не трудиться. Мне это неинтересно. Я тебе не нужна, и ты мне не нужен. Убирайся в свою Фрэсну, женись на этой Белоснежке, правь и... — слова предательски кончились, — и...

— Катрин, ты должна меня выслушать, — преувеличенно спокойно сказал Эдвард. — В конце концов, я же не кричу на тебя за то, что ты решилась продать ради меня душу...

— Ради тебя? — ахнула я. — Я тебе задолжала, милый мой, только и всего. Если ты думаешь, что это я от большой любви, то ты крупно ошибаешься, и вообще..!

Эдвард посмотрел на меня и с улыбкой покачал головой.

— Это душа, Котёнок. Поверь, я ценю...

— Не смей называть меня Котёнком, не смей вообще ко мне обращаться! — вскипела я. — Я не хочу с тобой разговаривать! Всё! Отвези меня обратно! Видеть тебя не...

— Катрин, я люблю тебя, — тихо, глядя мне в глаза, сказал Эдвард. — Прости меня.

Я подавилась возмущением. Больше всего на свете хотелось сползти с лошади и разукрасить ему физиономию... или выцарапать глаза... или...

— Ты меня бросил.

— Я...

— Ты меня бросил! — закричала я, смаргивая слёзы. — Уйди! Не хочу тебя видеть! Ненавижу тебя! Уйди-уйди-уйди!!

Он стянул меня с седла, прижал к себе, целовал мои безобразно исцарапанные затихшим Бесом руки...

Я повторяла себе, что всё это ложь, что он также делал другим, другим... клиенткам, когда они были также разгневаны. Но зачем он так мучает меня?

— Я хочу быть с тобой, Катрин. Больше всего я хочу быть с тобой, — хрипло произнёс он, пряча глаза. — Я не могу без тебя. Я отдам за тебя всё, что у меня есть. Я...

— Ты меня бросил, — жалко повторила я.

Он криво улыбнулся.

— Я надеялся, что, вернувшись домой, ты будешь счастлива. Твое место там. Здесь ты в опасности — во многом из-за меня. Я думал, если я оставлю тебя, ты всё забудешь.

Я смотрела на него, склонившегося над моими руками. И не понимала: он делал вид, что мы незнакомы — из-за меня?

Мне снится очередной, ещё более идиотский сон?

— Но я не могу, Катрин, — шептал Эд. — Я не могу тебя оставить. Когда я увидел тебя там... у тебя... я понял, что не смогу. Я пытался. Я думал, когда исчезну... Ты была дома, ты была в безопасности, а здесь я не смогу тебе это обещать. Тебя убьют тут, Катрин, а я не могу этого допустить. Так что лучше было бы... Так было бы...

Я вырвала руку и от души вlepила ему пощёчину.

— Типа жертва, да? Типа ты решил, что для меня лучше, да? Ушёл вместе с невестой, весь такой в шоколаде, да? А ты, Катюша, оставайся и будь счастлива, да? А то, что я... я... я, — я собралась с духом и выпалила. — А то, что я без тебя не могу и не хочу, ты не подумал, да? Твой папаша меня чуть не казнил, здесь чуть чокнутой колдунье не сбaгрили — а всё потому, что тебя! Не было! Рядом! Тихо! Молчи, я ещё не закончила! Так вот, если ты считаешь, что дома без тебя мне было бы чудесно, то ошибаешься! Я думала, что ты погиб из-за меня, я видела, как ты умирал! И после этого... после этого — счастлива, да? После того, что со мной здесь произошло? Пациентка в психушке — обалдеть какое счастье! Счастлива! А сейчас что — явился меня домой отправить, да?

Эдвард покачал головой, глядя на меня.

— Я не могу. Больше нет. Портал разрушен и...

Дальше я не дослушала. Смысла не было.

— Тогда что? Сам ведьме отдашь или запрёшь в каком-нибудь замке, как любовницу, а? Зачем ты вообще приехал? Быть со мной, ха! Любишь, да? Да ты вообще знаешь, что такое...

Эдвард резко шагнул ближе и прижал меня к себе, крепко, целуя в щёку, лоб, нос... куда придётся.

— Я никому тебя не отдам. Ты будешь рядом со мной. Если захочешь. Сколько захочешь.

— Вместе с твоей женой? — выдохнула я.

Эд усмехнулся.

— Для тебя это важно?

— А для тебя было бы неважно?!

— Это брак по расчёту, Катрин, — шепнул юноша, глядя на меня по голове. — Джоан — хорошая девушка. Но я не люблю её.

— Врёшь, — неуверенно пробормотала я.

Эд приподнял мой подбородок и, не отводя взгляда, поцеловал — долго, глубоко, жадно.

***

Снег искрился и поскрипывал под копытами. Деревья тихонько позвякивали обледеневшими ветвями на ветру.

Мы медленно ехали по заснеженному, сонному лесу, и Эдвард, посадив меня впереди, обнимал крепко-крепко. Я чувствовала его спиной — тепло, дыхание, осторожные прикосновения, — когда он носом зарылся в мои волосы, целуя макушку.

— Я не могу поверить, что ты здесь, что ты настоящая, — шепнул он, обжигая мне щёку горячим дыханием.

Я закрыла глаза и выдохнула.

Я сама ещё не до конца уверилась, что это не сон.

Но лёгкие поцелуи в шею и за ушком были вполне реальны.

— Не думай, что я тебя простила, — фыркнула я, тряхнув головой.

За спиной вздохнули.

— Катрин, я должен отдать тебе.

Я, нахмурившись, повернулась к нему.

Эдвард коротко улыбнулся и, осторожно взяв мою руку, надел на палец кольцо — веноч алых роз, рубины, изумруды и брильянты.

Я ошеломлённо уставилась на него. Вместе с обветренной, исцарапанной кожей это ювелирное чудо выглядело совершенно неуместно.

— Я даже не заметила, как потеряла его.

— Я знаю, — кивнул Эд. — Но ты его не теряла. Я его снял, там, перед твоим университетом. Ты действительно не заметила.

Да уж. Я тогда была занята несколько другими вещами.

— Зачем же сейчас отдал? — буркнула я, отворачиваясь.

— Потому что оно твоё, Катрин, — голос юноши звучал тихо и очень серьёзно. — Вместе с ним ты попала домой, и оно было моим маяком, когда я искал Джоан. Просто я думал, что уйду, и у меня должно быть что-то твоё, что-то, что ты носила.

Я хмыкнула.

— Как трогательно. А остаться со мной, в моём мире ты не думал?

Эд вздохнул.

— Я не могу. У меня отец, я наследник и я должен...

Дальше можно было не слушать. Прекрасный принц скачет зарубать дракона, оставляя даму одиноко махать платочком.

Как-то всё это нечестно. И грустно.

— А сейчас у тебя невеста и брачные обязательства, — перебила я. — Что же ты приехал? “Потому что я не могу без тебя” я уже слышала. Теперь, пожалуйста, правду.

— Это правда, Катрин, — возразил Эдвард. — Что бы ты ни думала. Но я наследный принц, и на мне лежат другие обязательства, кроме брачных. Я не могу их бросить.

— Даже ради меня? — поддела я.

— Катрин, — голос юноши погрузнел. — Не заставляй меня. Я не могу. Но я могу забрать тебя и сделать так, чтобы ты всегда была рядом.

— Статус любовницы меня не устраивает, — вставила я.

— Катрин, давай обсудим это позже, — напряжённо отозвался Эд.

— А давай сейчас, — вскинулась я, оборачиваясь. Но поймала его затравленный взгляд и тихо выдохнула. — Ладно. Но мы это обсудим.

Эд слабо улыбнулся и, потянувшись, потёрся носом о мою щёку.

Я вздохнула, сдаваясь, и приникла к его губам.

Потом он целовал мою шею, щёки, лицо, а руки распутывали завязки блио, и нам было всё равно, где мы, что происходит вокруг, как... пока Эд не наткнулся рукой на дремлющего под накидкой Беса.

Кот, не задумываясь, вцепился ему в перчатку зубами и заурчал.

— Катрин, ты завела личного демона? — поднимая руку вместе с висящим на перчатке котёнком, поинтересовался Эд. — Что... это?

— Это Бес, — хихикнула я. — Бес, фу. Брось, он не вкусный. И он мой.

Кот, покосившись на меня, разжал зубы и меховым шариком упал мне на руки.

— И, кстати, Бес поедет со мной, — добавила я, устраивая котёнка под накидкой. — Так что обеспечить меня переноской, миской и “Кити-кэтом”.

— Чем? — удивился Эд. — Ладно, Катрин, если хочешь, пусть едет. Ты тут больше никого не завела? Волко-человека, например? Потому что это явно дьявольский кот.

Бес вытащил морду из-под полы накидки и зашипел.

— Тише, — я осторожно шлёпнула кота по носу. — Не бойся, только Бес. Может, ещё наряды, если герцог отдаст.

— Я подарю тебе другие, когда вернёмся, — улыбнулся Эд. — На долгие сборы сейчас времени нет. Мы уезжаем сразу же, как только вернёмся во дворец.

— Если герцог позволит, — хмыкнула я. — О чём ты думал, когда сунулся сюда без армии или Проклятых?

— О тебе, — с убийственной честностью отозвался Эд. — Катрин, Руи нет смысла меня задерживать. А стоит ему попытаться, отец сравняет Азвонию с землёй, и он это знает.

— Мне кажется, — медленно начала я, — твоему Руи нужен престол. Сильно. А кто наследник Азвонии?

Эд улыбнулся, не сводя с меня взгляда.

— Уже не я.

Я нахмурилась.

— То есть?

— Это было условием моего приезда, — спокойно объяснил Эд. — Я отказываюсь от азвонского престола, Руи отдаёт мне тебя.

— И ты отказался? — неверяще хмыкнула я.

— И я отказался, — улыбнулся Эд.

Под накидкой завозился Бес, но я не обратила на него внимания.

— Ты сдурел?! Отец тебя убьёт! А меня...

Эдвард снова приник к моим губам.

— Успокойся, Катрин, всё будет хорошо. Обещаю.

Как, интересно?!

— Просто доверься мне.

— Я и так тебе доверяю, — вздохнула я.

А зря, наверное.

Лес кончился, мы выехали на луг, и Эдвард взялся за отпущенные было поводья.

— Всё будет хорошо, Катрин, Котёнок. Скоро мы вернёмся домой.

Это ты вернёшься домой. А я — в компанию ненавидящего меня колдуна и твоей невесты.

Конь вскинул голову и прибавил шагу, торопясь к крепостной стене.

Вдали протыкал шпильями небо королевский замок.

Я крепче прижалась к Эду.

Довериться, да? А что ещё мне остаётся?

Глава 3

Народ валил ко дворцу. Площадь перед воротами представляла сплошное людское море, волнующееся и голосящее. У меня дух перехватило от одного только взгляда на мешанину лиц — серо-коричневую, точно все краски с них разом смыли. В который раз мелькнула мысль — как же здесь всё отличается от того, к чему я привыкла. Даже краски — у нас они

ярче.

Эдвард придержал коня, заставив его перейти на шаг — быстрее ехать всё равно бы не получилось.

Я прижалась к груди Эда, спрятала лицо. Прошлый раз примерно также всё и начиналось. Сначала народ кричит: “Сальвадо!”, потом решает, что я тут лишняя, и восклицает: “Шлюха!”.

— Всё хорошо, Катрин, — шепнул Эд. — Не бойся.

Угу.

Бурлящая мешанина серого и коричневого, вонючая, опасная, наседающая.

Я зажмурилась, кусая губы.

Придерживая поводья одной рукой, Эдвард поднял вторую в приветствии, чем вызвал бурю оваций, напомнив мне толпу у нашего университета. Здесь голосили громче, не сверкали фотоаппаратами, зато лезли к коню, мечтая дотронуться до любимого принца. Я брезгливо поджала ноги, думая, что если вдруг сейчас кто-нибудь меня стянет вниз, никакой Эдвард не поможет.

Под накидкой на груди завозился Бес. Устроился поудобнее и словно по заказу замурчал. У меня чуть отлегло от сердца, да и азвонцы не торопились бросаться на Эда, максимум пытаюсь дотронуться. Наш конь медленным шагом пробирался к воротам сквозь неохотно раздающуюся толпу, а над площадью то и дело взлетало это “сальвадо”. В какой-то момент, когда толпа хлынула ближе, смыкаясь перед нами, мне почудилось, что Эда с седла всё-таки снимут и примутся качать на руках — от избытка чувств (а что тогда станет со мной?). Но обошлось.

Эд царственно улыбался, держался прямо и очень уверенно — прямо-таки по-королевски. Честно, думаю, именно это нас и спасло — нарушать ту грань, что разделяет их идеал (или лучше сказать “идола”?) от “простых смертных”, азвонцы не решились.

Лишь один раз улыбка на лице принца потускнела — когда кто-то в толпе крикнул не то “Ваше Величество!”, не то “да здравствует король!”. Меня кольнуло чувство вины — Эд хотел азвонский трон, так или иначе. И только из-за меня... Но помилуйте, в чём я-то виновата? В том, что появилась в Азвонии?

Когда мы въехали во внутренний двор и тяжёлые, украшенные золотом створки за нами захлопнулись, я облегчённо вздохнула. И тут же напряглась, увидев, что все пространство от ворот до широкой мраморной лестницы занято азвонской стражей — кроме небольшого пятючка с десятком фрэснийских солдат верхом и запряжённой шестёркой лошадей каретой.

Эд подъехал к фрэснийцам, быстро приказал что-то, спешил и снял меня с седла.

Я удивлённо посмотрела на него, когда передо мной распахнулась дверца кареты.

— Садись, Катрин, — держа меня за руку, кивнул Эдвард. — Вы сейчас выезжаете — через Восточные ворота, потом, когда подъедете к Фрэснийскому тракту, я вас встречу, — и подтолкнул меня к карете.

Я схватилась за дверцу.

— Ты остаёшься? Почему? Эдвард..!

— Катрин, так нужно, — бросил Эд. — Пожалуйста, не спорь, — и, смягчившись, добавил. — Я присоединюсь к вам очень скоро, ты и заметить не успеешь. Не бойся. Я же сказал, что всё будет хорошо.

Молчи, женщина. Я обожгла его обиженным взглядом и забралась в карету, тёмную и весьма неуютную, хотя, надо отдать должное — довольно удобную. Дверца тут же

захлопнулась, раздалась быстрая команда на фрэснийском, и мы тронулись.

Я тут же высунулась из окошка, отодвинув занавески, но мало что смогла разглядеть — карету окружали фрэснийские всадники, а на них смотреть не хотелось. Я лишь успела краем глаза увидеть спускающегося по мраморной лестнице герцога и ждущего его Эдварда верхом.

Зачем он остался?

“Всё будет хорошо”. Ага. Всё всегда хорошо — ты, Кать, только, не волнуйся. А потом свалившиеся их ниоткуда Проклятые, папаша-колдун и метаморфы. Чего волноваться-то, правда? Сиди себе в башне и, знай, маши платочком — твой рыцарь сам всё сделает.

Бес выбрался из-под накидки и спокойненько устроился на сиденье рядом. Зевнул и замурчал пуще прежнего. Я машинально протянула руку, почесала торчащие ушки.

— Всё будет хорошо, да? — скептически повторила я вслух.

Бес приоткрыл здоровый глаз, глянул на меня и снова зевнул.

Мы ехали какими-то дворами, в смысле, пустыми улицами и остановились только на выезде из города. То ли подорожную у нас смотрели, то ли ещё что, но была заминка у ворот (Восточных?) и из обрывков разговоров азвонцев и фрэсницев я услышала, что Эд только что на дворцовой площади прилюдно отказался от прав на азвонский трон, и теперь столицу лихорадит, ибо Сальвадо здесь любят, а герцога — нет. Но ещё крепче не любят ту блондинистую нахалку, околдовавшую прекрасного Сальвадо. Интересно, толпа ли сложила два и два, или герцог просто всех просветил, ради чего вдруг Эд пожертвовал своим положением... вряд ли, конечно. И так несложно догадаться, учитывая мою репутацию.

Стража боялась волнений, нам посоветовали скакать быстрее, что мы и сделали. И больше нигде не останавливались до самого тракта.

Я старательно запахнула занавески, не желая ни видеть моих фрэснийских охранников, ни дать увидеть себя. И прижалась лбом к стенке кареты.

Перед глазами всплыла счастливая улыбка Эда — когда его впервые назвали “Сальвадо” и подхватили на руки. Такая же толпа, как сегодня. Тогда я единственный раз видела Эда абсолютно счастливым. Можно только представить, что он чувствовал сегодня, объявляя, что отказывается от них.

Для меня.

Бес подумал и завалился на бок, грациозно вытянувшись и зевнув.

Я закусила губу.

Я уже заставила Эдварда выбирать. Ладно, Джоан, но у него только-только всё наладилось — отец его любит, у него перспективы во Фрэсне. Вот, и Азвония была. Он пожертвовал ею ради меня. Что дальше? Во Фрэсне меня тоже не шибко жалуют, я уже молчу про короля-колдуна. Да, там никто не заставит Эда отказываться от трона, но одним присутствием я здорово подпорчу прекрасному фрэснийскому наследнику репутацию.

Разве я этого стою? Чёрт возьми, почему ради меня он должен чем-то жертвовать?

Чем жертвую я? Это же просто нечестно...

Я успела задремать, когда карета остановилась. Бес, тоже проснувшись, недовольно фыркнул и метнулся под сиденье. Забравшийся внутрь Эдвард устало улыбнулся, глянув на котёнка, и устроился напротив. Тут же, потянувшись, взял меня за руку.

Я вздрогнула, когда карета, дёрнувшись, тронулась. Хмыкнула.

— Странно. У нас машины мягче ездят.

Эд коротко улыбнулся.

— Да, мне тоже было странно. Они у вас очень маленькие и... закрытые...

Да, по сравнению с этой машиной наверняка рожают клаустрофобию.

Я трянула головой, убирая волосы со лба.

— Этот мерзавец заставил тебя отказаться от трона прилюдно?

Эд погладил мою руку, смотря с осуждением.

— Катрин, тебе не идёт, когда ты ругаешься.

— Это не отменяет того, что эта сволочь сделала. Эдвард, зачем?

Юноша пожал плечами.

— Это были его условия.

— Ты не был обязан их выполнять.

— Катрин, — улыбнулся Эд. — Ты отдала за меня душу. Ты полагаешь, мне жаль отдать за тебя какое-то королевство?

— Эдвард, я...

— Катрин, — перебил Эдвард. — Ты серьёзно думаешь, что я оставил бы тебя? Правда? С этим, как ты верно выразилась, мерзавцем?

Я замялась.

— Нет, но...

— Тогда давай закончим на этом, — отрезал Эд, и я тут же подумала, что он успел набраться королевских замашек за то время, пока мы...хм... не общались.

Бес прыгнул мне на колени, свернулся калачиком и уставился на юношу зелёным немигающим глазом.

Я улыбнулась, потрепала его за ухом и, глянув на Эда, нерешительно произнесла:

— Сядь рядом?

На лице юноши мелькнула улыбка, но он покачал головой.

— Не сейчас, Катрин. Мне нужно подумать. С тобой думать... не получается.

Мне пришлось отвернуться к окну, чтобы он не заметил, как заалели щёки.

Наверное, нужно считать это комплиментом. Мда. Чего я вообще волнуюсь? Эд сам сказал, что мне ничего не грозит, и я ему верю. У него неприятности, да. Из-за меня — но я же не специально. И потом — он сильный и он справится.

Но гаденькое чувство вины грызло меня до самой остановки — у придорожного трактира в каком-то небольшом городишке.

***

Бес, как и полагается коту, зашёл в комнаты (да, для принца расстарались приготовить апартаменты из трёх комнат... с ума сойти) первым, тут же учуял еду, и, когда я справилась с накидкой, уже повис на кувшине с вином.

— Как тебе не стыдно, — вздохнула я, проходя к столу. — Алкоголик.

Кувшин гулко фыркнул, но больше никак не отреагировал.

Я прошлась по комнатам, оказавшимся спальней, гостиной и кабинетом (точнее, средневековыми их вариантами), вернулась к столу и без аппетита принялась ковыряться в миске с рагу.

Мне бы сейчас пиццу... или гамбургер...

Когда зашёл Эд, я кое-как расправилась с блюдом (без ложки и вилки это ужасно неудобно), а Бес, судя по довольной роже — с вином. И теперь лежал на столе кверху пузом и дрых, то и дело дрыгая лапами.

— Катрин, — улыбнулся юноша, снимая плащ и проходя к столу. — Тебе приготовили

комнату. Я провожу?

Я удивлённо уставилась на него. Примерно тем же взглядом Эд смерил Беса, но ничего не сказал, просто сел и потянулся к мясному пирогу.

— А почему я не могу остаться? — наконец, выдавила я.

— Катрин, — подняв голову, осуждающе посмотрел на меня принц. — Ты моя леди. Но делить спальню... это просто неприлично.

Да ладно?!

— Раньше тебя такие мелочи не беспокоили, — бросила я, вставая. — К тому же, я хочу остаться.

— Катрин...

— Прикажи мне, — хмыкнула я, подходя к нему. — Ты же теперь принц. Посмотри, что будет. К тому же, — я коварно погладила его шею, просунула пальцы под воротник и принялась разминать затёкшие мышцы. — К тому же ты и сам хочешь, чтобы я осталась.

— Катри-и-ин, — простонал юноша, разбудив Беса. — Прекрати...

— Не спорь со мной, — пригрозила я, коварно пробегаясь пальцами по шее и выше — к макушке.

— Ты не представляешь, как я тебя за это люблю, — тихо произнёс Эд минуту спустя. — Тебе плевать на приличия.

— Тебе тоже, — отозвалась я, думая, поцеловать его в макушку или не стоит. Такую золотую и шелковистую...

Он ухмыльнулся.

— Да... Но мне надо поработать.

Это так теперь откладываются серьёзные разговоры?

— Да пожалуйста, — я поманила Беса и котёнок неохотно, но побежал за мной к камину. — Работай.

Я потом за тебя ещё возьмусь.

***

Я в который раз пыталась заставить Беса прыгать за сверкающей штуковиной на ниточке. Теперь — за одним из перстней Эда. Моё собственное колечко красиво поблёскивало в отсветах пламени. Время от времени я поглаживала его пальцем — машинально, просто чтобы быть уверенной: оно тут.

Бес игнорировал перстень, отпихивая его лапой, если я слишком уж начинала докучать. В итоге я перевернула кота на спину и принялась щекотать брюшко. Тут уже никакой уважающий себя кот не смог бы остаться равнодушным. Меня сначала попытались царапнуть, но потом включились в игру. В итоге перстень Эда оказался у котёнка на лапе, чем Бес очень заинтересовался и принялся рассматривать украшение то так, то эдак, поворачивая его второй лапой.

Эд сидел за столом и что-то писал уже, кажется, третий час. Время приближалось к полуночи, и мне было интересно, отвлечётся ли он хотя бы на молитву, когда пробьют хвалитню.

В камине привычно потрескивали дрова, рядом фыркал Бес. Я прислонилась к сыроватой стене, закрыла глаза и, наверное, задремала, потому что стук двери застал меня врасплох и заставил подскочить.

Бес моментально юркнул мне под юбку (умный кот). Эдвард, отложив перо, поднял голову, с удивлением глядя на фрэснийца — одного из наших сопровождающих — и

Адриану.

— Леди, — сказал он по-азвонски, кивая фрэснийцу. Тот, поклонившись, вышел, закрыв за собой дверь. — Не ожидал вас увидеть.

— Я тоже, мой принц, — откликнулась ведьма, осматривая комнату и с удивлением поднимая брови при виде меня. — Или уже не мой?

— И тем не менее, — Эд вернулся к незаконченному письму, — я всё ещё принц. Что вы хотели?

— Глупый принц, — пожала плечами Адриана, усаживаясь в кресло у камина. — Променять трон на... Девчонка, налей мне вина.

Я не пошевелилась. Эдвард поднял голову.

— Вам позвать служанку, леди?

— А то та, что здесь сидит, оглохла? — хмыкнула ведьма. — Нет, не стоит.

— Хорошо, — кивнул Эд. — Тогда говорите, зачем вы пришли. И убирайтесь. Я не потерплю неуважительного отношения к моей леди. Кажется, я уже имел честь ни один раз напомнить вам об этом.

— Не вижу здесь леди, — хмыкнула Адриана. — Эта цепкая простушка уже отняла у тебя положение в Азвонии, и я склонна предположить, на этом не остановится. Сколько времени пройдёт, прежде чем посол Альбиона от имени своего патрона поинтересуется, почему свадьба откладывается, если обручение уже состоялось? Мне почти жаль короля Дерика, что он ответит? Что сын укатил за шлюхой?

Кубок с вином, который Эд до этого держал, резко опустился на стол, плеснув красным на так и не дописанное письмо.

— Вон отсюда, — вставая и указывая на дверь, тихо сказал Эдвард. — У меня больше нет настроения вас слушать. Уходите.

Адриана смерила его задумчивым взглядом, усмехнулась и встала.

— А знаешь, мальчик, я бы на твоём месте проверяла еду и особенно напитки. Не исключаю, что там найдётся пара капель приворотного зелья.

— Не заставляйте меня звать стражу, леди, — холодно отозвался Эд.

Адриана хмыкнула и уже в дверях, обернувшись, сказала:

— Мы ловим сбежавшего метаморфа. Очень сильного. К твоей “леди” они просто липнут, мальчик, я бы задумалась.

Дверь закрылась и наступила тишина.

Эд медленно сел, посмотрел на дрогнувшее в руке перо и с треском сломал его. Удивлённо глянул на остатки, швырнул их в огонь.

Я поморщилась от струйки неприятного дыма и словно между прочим спросила:

— М-м-м, Эдвард, а что... приворотные зелья действительно существуют?

Эд повернулся ко мне, смотрел с минуту со смесью недоверия и удивления, потом вдруг расхохотался.

— Э... Эдвард, — засуетилась я, отпихивая сунувшегося было под ноги Беса. — Тебе нехорошо?

Кубок с вином юноша принял и благодарно улыбнулся, осушив.

— Всё нормально, Катрин... Просто ты такая... Знаешь, сколько я этих зелий намешал, когда служил в домах терпимости? А сколько раз мне их подмешивали...

— Так ты что, — воодушевилась я, — и рецептик знаешь?

— Катрин, — взяв меня за руку, улыбнулся юноша. — Тебе это ни к чему. Я тебя люблю

без всяких зелий.

— Ну, ты любишь, — протянула я. — Но так... для интереса... вообще...

— Поверь, оно того не стоит, — сказал Эд, поцеловав мои пальцы и с сожалением глядя на испачканное письмо. — Иди спать, Катрин, у тебя глаза слипаются. Я скоро приду.

В конце концов, я его послушалась. Глаза и впрямь слипались.

***

Я честно ждала Эда до хвалитни, потом не выдержала и заснула. Тёплый пушистый комочек под боком — спящий Бес — этому только способствовал.

Эд лёг лишь под утро, согнал недовольного котёнка, но разбудить меня не смог.

Проснулась я от приглушённого шума: за стенкой в коридоре кто-то суетился, за дверью — в кабинете, кажется — слышался чей-то голос, что-то быстро, по-военному докладывающий на фрэснийском.

Эда не было. Зато вместо него лежал довольный Бес, то и дело порывающийся мурчать.

Я со вздохом уставилась в щель занавесок. Судя по свету, сейчас ранее-раннее утро. Ну и? У наследного принца Фрэсны непрерывающаяся работа?

Голос за дверью затих, потом что-то сказал Эд, но прозвучало это отдалённо, словно обладатели голосов шли... ну да, вот и дверь хлопнула. Ушли, ага.

Я ещё чуть-чуть повалялась, потом не выдержала, встала и толкнула дверь.

В комнатах было пусто, зато у двери в наши апартаменты стояли стражи-фрэснийцы. Они окатили меня поражёнными взглядами (хм, кажется, не стоило в одной сорочке разгуливать... но ведь не голая же!), один дёрнулся было, когда я шагнула в коридор, но я не обратила на него внимания.

Вокруг и так было слишком интересно.

Туда-сюда сновали фрэснийские и азвонские солдаты, так что я решила было, что герцог Руи приехал нас обратно забирать. Но потом заметила в этом столпотворении Эдварда — в конце коридора — и решила лучше узнать у него, чем теряться в догадках и заранее бояться.

На меня внимания не обращали, так что я по стеночке пробралась к столпившимся у дверей в какую-то комнату фрэсницам, уже потянулась было к Эду... и замерла, различив за его спиной, собственно... комнату. Точнее, комнатой это уже назвать было сложно. Там всё красиво и невкусно дымилась, а дыра в полу от самого порога впечатляла невероятно.

Ого тут некто развлёкся.

К фрэсницам тем временем присоединились азвонцы во главе с Адрианой, и я различила из разговоров, что кто-то на комнату, которая была пустой, ночью напал (мда), сжёг, и Адриана винит во всём таинственного метаморфа (начерта это метаморфу?), а Эд, в свою очередь — Адриану (начерта это Адриане?) и теперь они друг на друга шипят, а солдаты, набежавшие сюда, как муравьи на сироп, внимают и чего-то ждут.

— Леди Катрин? — раздался позади тихий голос, и я вздрогнула, когда меня мягко тронули за локоть. Обернулась: молодой человек, лет двадцати пяти, в одежде дворянина быстро поклонился и мягко попросил по-азвонски. — Леди, вам не стоит здесь находиться. Идёмте, я отведу вас в комнаты принца.

Я пожалала плечами, недоумеваю: что, я сама дороги не найду?

Стража у дверей дёрнулась было заслонить азвонцу дорогу, но заметила меня и... не решилась.

Всё страньше и страньше.

— Вам стоит пока подождать здесь, леди, — сказал азвонец, пропуская меня вперёд, в кабинет. — И вам лучше одеть это. — Мне на плечи легла моя меховая накидка, в которой я немедленно утонула. Сразу стало очень тепло и уютно.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась я. И остановила идущего к двери азвонца. — А что там происходит?

— Всё хорошо, — в точности копируя Эда, сказал незнакомец. — Вам не нужно беспокоиться, опасности нет.

О, ну тогда конечно.

— А чья это была комната?

Улыбка на лице азвонца стала ещё шире и довольней.

— Ваша, леди. Но не стоит беспокоиться, покушение не удалось.

Я тупо уставилась на него, когда дверь распахнулась и в комнату вбежал Эд. С подозрением посмотрел на азвонца — тот поклонился в ответ и исчез в коридоре. Эд повернулся ко мне.

— Катрин, ты уже встала, — пытаюсь скрыть злую дрожь в голосе, попробовал мягко улыбнуться принц.

— Ага, — отозвалась я. — Кажется, проспала самое интересное, да? Кто хотел меня убить?

Юноша вздохнул и, встретившись со мной взглядом, успокаивающе произнёс:

— Катрин. Это необязательно было покушение на тебя. Возможно...

— Возможно, они идиоты и ошиблись комнатой? — раздался от двери голос Адрианы.

Леди вплыла в комнату и, поймав мой взгляд, улыбнулась.

— А ты что думала, девочка? Быть любовницей принца и не завести врагов? Король Альбиона из кожи вон вылезет, лишь бы тебя не стало. И хорошо, если только он...

Эд перебил её, бросив что-то резкое, незнакомое на азвонском. Адриана фыркнула, также резко ответила и, окинув комнату задумчивым взглядом, скрылась за дверью.

— Мы сейчас же уезжаем, Катрин, — выдохнул Эд в звенящей тишине. — Тебе стоит одеться. Позвать служанок?

— Эдвард, — протянула я. — Меня, что, теперь убьют?

Юноша натянуто засмеялся.

— Никто тебя пальцем не тронет, — твёрдо сказал он, успокоившись. — Я не позволю. Но знаешь, Катрин... С этого дня ты живёшь со мной. По крайней мере, пока не вернёмся во Фрэсну.

Одеваться мне помогал Эдвард — от служанок я гордо отказалась, но и с платьем сама справиться не смогла. Теперь наверняка отрывала фрэснийского наследника от чего-то важного... мда.

— А если они и тебя за компанию? А?

— Катрин, — расчёсывая мне волосы, отвечал Эд. — Ну подумай, кроме стражи, которая меня охраняет — кто тронет сына некроманта? Кому не терпится в ад пораньше?

— А, может, кому-то не терпится? — буркнула я.

— Со мной ты будешь в полной безопасности, — подытожил Эд, закрепляя мне волосы гребнем. — Но постарайся без меня никуда не ходить. Ладно? Катрин? По крайней мере, пока не мы не приедем во дворец. Но и там тоже... просто будь осторожна, хорошо?

— Угу, — откликнулась я.

Класс. Теперь я вроде как пленница.

***

Интересно, мужчины всегда заняты, когда назревает серьёзный разговор?

— Эдвард, — пропела я. — Мне всё-таки очень интересно узнать твоё мнение.

Было солнечно — настолько, что золотистые лучи проникали даже сквозь занавески кареты. Хотя то и дело набегала тень от то одного, то другого едущего у кареты всадника. Но всё равно солнышко, снег по обочинам дороги сверкает, птички поют — благодать.

— Да, Катрин, — вздохнул сидящий напротив Эд, тоном показывая, что пока его лучше оставить в покое.

Ну-ну. Ночью он весь такой усталый, вечером он “работает”, сейчас он, видети ли не настроен. Нет уж!

— Так что ты собираешься делать со мной, когда мы приедем?

Эд заметно погрузнел.

— Катрин, пожалуйста, ложись на меня, я...

— Я просто хотела напомнить, — перебила я, — что твой отец от меня не в восторге, а Джоан, конечно, милая девушка, но у неё ей вроде как коронованный папочка, и он, кажется, мной тоже не доволен...

— Я знаю!

Я замерла, удивлённо глядя на него.

— Извини, Катрин, — вздохнул Эд. — Я, правда, всё понимаю. Я пообещал тебе, что мы теперь будем рядом. Так и случится.

— Я не хочу быть твоей любовницей, — я скрестила руки на груди. — Мне надоело, что обо мне болтают гадости на каждом углу.

Эд потянулся, взял меня за руку.

— Я знаю, — и, очевидно чтобы замять неприятный разговор, перебрался на свободное место ко мне. — Катрин, ты моя. Моя леди. Никто это не изменит.

Я посмотрела в его глаза и, хмыкнув, повернулась к окну.

Его бы устами да мёд... эх!

Мне ещё много о чём хотелось спросить: как он оказался в нашем мире, как оно ему показалось, про какой портал он говорил, какие отношения у него и Джоан... Но только я собралась задать хоть один вопрос, как почувствовала, что о моё плечо мягко ткнулось что-то тяжёлое.

Я обернулась. Эд клевал носом, пытаясь пристроить голову мне на плечо.

Я вспомнила, что со своей работой он закончил только сильно за полночь, а потом ещё невесть когда проснулся, и подвинулась поудобнее.

— Ложись.

Эд благодарно улыбнулся и тут же устроился, положив голову мне на колени и, кажется, тут же уснув.

Я смотрела, как он спит, такой расслабленный, беззащитный во сне, такой красивый... И на сердце было так хорошо и спокойно — странные чувства для этого мира.

Интересно, он всё ещё играет на флейте?

***

Поле полудня мы остановились, и Эд, проснувшись, пробормотал что-то про портал и выбрался из кареты. Какое-то время мы стояли — я кусала губы и, чтобы занять руки, тискала Беса, который словно ночью не наспался.

Голова закружилась почти сразу, как карета, дёрнувшись, поехала вперёд. Испугаться я

не успела — всё прошло и мы, проехав совсем немного, снова остановились. Сидеть взаперти уже было выше моих сил, так что я оставила Беса и выбралась наружу.

Местность изменилась — только что мы ехали по лесу, а теперь были на лугу, в предгорье, и внизу сверкал в вечерних золотых лучах город. Я различила пару крестов, потом знакомый дворец... Ясно. Очевидно, голова кружилась из-за портала. О как, они целую карету и всадников переносить научились, хм.

Эдвард обнаружился неподалёку, верхом. А ещё к нашему небольшому отряду приближался ещё один — в клубах пыли и грохотом копыт по камням.

Я замерла, когда один из всадников вырвался вперёд, и я разглядела, кто это.

— За договором, значит, поехал, — прожигая Эда взглядом, хмыкнул король-колдун, осаживая коня. — Ну и как? Договорился?

Эд, не отвечая, повернулся к окружившим карету фрэснийцам:

— Отвезите леди Катрин во дворец. Через Северные ворота. И не останавливайтесь по дороге.

— Умно, Эдвард, — усмехнулся король, но в глазах его при этом не было ни следа улыбки. — Рад, что ты хоть это понимаешь.

Я вот ничего не поняла, но поспешила сесть обратно в карету, пока этот колдун меня не заметил.

Вскоре мы тронулись, но без Эдварда, как я убедилась, чуть отодвинув занавески.

Похоже, меня везли примерно так же, как из столицы Азвонии.

Зачем?

Мы не останавливались до самого дворца. Я гладила развалившегося на сидении Беса и кусала губы. Странная тишина угнетала. Я подспудно ожидала опасности и чувствовала себя без Эдварда очень неуверенно.

Зря боялась. Доехали мы без приключений. Меня отконвоировали в приготовленные для комнаты — другие, не те, что уже были у меня — богаче и удобнее. Молчаливые служанки, бросающие на меня странные, но отнюдь не дружелюбные взгляды, принесли воду, помогли разобраться с одеждой, сервировали ужин. А после — с удовольствием исчезли.

Я, держа мясной пирог, прислонилась к окну, выходящему на дворцовую площадь. Позади Бес, фырча, булькал в кувшине с разбавленным вином. Я хотела было его оттащить, но передумала, заметив, что от улицы — широкой для местного города — движется народ. И чуть позже разглядела в центре живого коридора небольшой отряд.

Очень это походило на то, как мы уезжали из Азвонии. Народ радовался, народ славил своего короля и принца — я явственно различала золотую макушку среди бурлящей людской массы.

А до меня, наконец, дошло, почему я ехала в карете и дворами.

Да. Странно было бы думать, что после казни... да и раньше ещё, наверное... в общем, что меня тут любят. И даже интересно, что было бы, отправься я вместе с Эдвардом. Толпа — это толпа, она не рассуждает. Просто закидали бы тухлыми яйцами или стащили с лошади и разорвали на месте?

Дверь резко отворилась, и я поперхнулась пирогом. Какой-то сухонький неприятный придворный объявил, что ко мне пожаловала принцесса Альбиона, невеста наследного принца Фрэсны... там было ещё много титулов, и процессия, с которой Джоан явилась, тоже была долгой.

Я, вздёрнув бровь, удивлённо наблюдала, как все её фрейлины wpływают в мою... хм...

гостиную, как приседают в реверансе — вместе с принцессой. Стоило бы ответить им тем же, но у меня в руке был пирог... и вообще было лениво. Так что я осталась стоять, вызвав парочку поражённых вздохов и грубое замечание на непонятном языке.

Джоан шикнула на спутниц и выпрямилась.

— Катрин, как я рада, что с тобой всё хорошо! — сказала она, порываясь взять меня за руку. Ну, вроде как мы подруги.

Я быстро отдернула руку и спрятала её за спину. Кивнула на остывающий пирог.

— Извини, грязная. Испачкаю ещё, — сахарную принцесску, вон как нарядилась.

Одна из фрейлин глянула на меня зверем, но сама Джоан только улыбнулась. Повернулась, быстро что-то сказала спутницам, и те, закончив раскладывать на сундуке наряды, потянулись на выход.

— Катрин, я, правда, рада, — снова улыбнулась принцесса.

— А я — нет, — хмыкнула я, кладя пирог на блюдо. — Это что?

Джоан посмотрела на сундук и расцвела.

— О, Катрин, я подумала, тебе не успеют вызвать портного, а если и успеют, то платье за такое время не сделаешь, а свадьба уже завтра, и... в общем, я принесла свои. Может, они тебе подойдут?

— Ты принесла мне платья? — вскинула брови я. — На свою свадьбу?

— Да, — улыбнулась принцесса, а я уставилась на эти её очаровательные ямочки на щеках, чёрт бы их побрал!

— А ты помнишь, что я говорила про то, что случится, если ты хотя бы задумаешься о женитьбе на Эдварде?

— Катрин! Но это же не мой выбор!

— Плевала я, чей, Эдвард мой! — прошипела я. — Убирайся отсюда вместе с платьями, пока я действительно тебе физиономию не расцарапала.

Джоан грустно вздохнула. И выудила из декольте... мой плеер.

— Вот. Я должна тебе отдать. Он твой.

— Как... — начала я, но тут же вспомнила. И слова Эда — тоже. — Чёрт, маячок... Так это из-за тебя я здесь?!

Девушка медленно кивнула.

— Ты дура? — не выдержала я, крутя в руке наушники. — Зачем ты притащила сюда... любовницу твоего жениха, как меня тут все называют?!

— Потому что он тебя любит, — невинно сообщила девушка. — И ты его. А я хочу, чтобы мой супруг был счастлив. К тому же, ты тоже хорошая, так что лучше мистрисс и не придумать. Катрин, ну ты же хотела быть с ним!

Да что б тебя!

— Счастлив? — заводясь, начала я. — Доб...

Бурю прервал звон разбившегося кувшина.

Бес как ни в чём не бывало восседал на столе посреди лужи с вином и делал вид, что он тут ни причём.

— Ой, кто это? — засюсюкала принцесса, подходя к котёнку. — Катрин, какая...

Бес распушился и вхолостую махнул когтистой лапой.

— Это Бес, — тихо отозвалась я. — И аккуратней, он кусается. И царапается. Знаешь, Джоан, кажется, нам надо поговорить.

Девушка отвлеклась от кота, подняла голову и с готовностью кивнула.

— Ага.

В саду, куда для серьёзного разговора предложила выйти принцесса, было холодно, величественно и красиво. Здесь тоже лежал снег — на дорожке, на деревьях и кустарниках, облепив беседки. На секунду я почувствовала себя, как в детстве, когда с радостью бегала по такому вот заснеженному парку. Но только на секунду.

Нас сопровождали служанка Джоан, принёсшая принцессе накидку, и пара стражников. Но они шли в достаточном отдалении, чтобы позволить нам разговаривать, не понижая голоса.

— Тут красивее, чем у меня дома, — выдыхая облачка пара, сказала принцесса, глядя на заснеженный пруд.

Я вспомнила, как у этого же пруда забавлялась с кувшинками (или это были лилии?), когда Адриана обвинила меня в предательстве. И поскорее отвернулась.

— Да, без мертвецов — прямо благодать. Я даже дворец еле узнала. Король, похоже, ради тебя расстарался.

Джоан улыбнулась.

— Или хочет показать, что не боится доверять людям.

— Зачем ему это? — фыркнула я. — Он же тут бог. Кстати, тебя не смущает, что ты будешь жить в стране еретиков? И свёкор у тебя — некромант.

Джоан вздохнула. Остановилась, взяла мои руки в свои — почти как Эд. И, глядя в глаза, серьёзно сказала:

— Катрин, пойми: у меня нет выбора. У принца Эдварда нет выбора. Наши отцы решили, и даже если кто-то из нас сейчас попытается что-то изменить... это, по меньшей мере, приведёт к войне. У нас и так натянутые отношения. Поэтому никого не волнует, что я думаю о короле Дерике, лишь бы я не говорила это вслух. И никому не интересно, что чувствует принц ко мне, лишь бы он вёл себя, как подобает. И также никто не хочет знать, что обручение происходило не со мной — пока я молчу, о том, что провела это время в твоём мире.

— Твой отец не знает? — удивилась я.

— Когда Его Высочество привёз меня обратно, король Дерик, — Джоан запнулась, — король настоятельно посоветовал мне никогда не говорить, о том, что я видела у тебя... и вообще, что со мной было.

Я непонимающе уставилась на неё, и принцесса неожиданно рассмеялась, ломая руки.

— Катрин, им нужен только наш ребёнок! Моему отцу — чтобы претендовать когда-нибудь на Фрэсну, королю Дерикку — для того же с Альбионом, а ещё — для торговли, а ещё — для того, чтобы заполучить союзника и диктовать свои условия Святому Престолу, — принцесса спрятала лицо в ладонях.

Я придвинулась к ней, положила руку на плечо.

— То есть ты не хочешь этого? Свадьбу.

— Кого волнует, что я хочу?! — зло откликнулась Джоан.

Я не отводила взгляд.

— А зачем всё-таки я здесь? Зачем ты меня сюда притащила, Джоан?

Принцесса посмотрела на меня.

— Потому что я была должна тебе. И потому что это был единственный способ отдать долг.

Мне хотелось сказать ей что-нибудь злое, обидное. Из-за неё я снова здесь, из-за неё

Эдвард вынужден выбирать...

Из-за неё?

— Катрин, мы можем стать подругами. Здесь, — сказала Джоан, помолчав. — Я была бы этому рада, клянусь. Ты чуть ли не единственное неиспорченное во всём этом существо.

То есть достаточно глупа, чтобы понимать всю вашу политику и интриги. Ага.

— Предлагаешь стать твоей дуэньей?

— Нет, — улыбнулась девушка. — Я просто хочу, чтобы завтра, когда меня поведут к алтарю... ты не держала на меня зла. Хорошо?

Я отвела взгляд.

— Хорошо.

Её Высочество печально улыбнулась, прекрасно всё поняв. Извинившись, Джоан вернулась к дуэнье и стражникам. Я смотрела им вслед. Как Джоан улыбается, и как вежливо и почтительно — намного почтительней, чем мне, ведут себя с ней те же стражники — фрэснийцы, между прочим.

Мне никогда и в голову не приходило улыбаться стражникам. Я слишком хорошо помню, как каждый второй из них норовил перерезать мне горло.

Но в то же время... положила руку на сердце, из Джоан выйдет прекрасная королева. Ведь если честно, Кать, из тебя она... мягко говоря бы не получилась.

Вот она — оборотная сторона любви принца.

Я укуталась в накидку, подула на руки — хоть и в перчатках, но всё равно замёрзли — и направилась вглубь парка.

Очень хотелось побыть одной.

***

Я ждала, что вечером ко мне придёт Эдвард. Конечно, я не перееду в его комнаты — может, и слава богу. Но вообще-то мне было бы спокойней в его присутствии.

К тому же раньше, до Джоан, он всегда приходил.

Бес, которого эти мелочи не волновали, растянулся на кровати и только перекатывался с боку на бок. Я попробовала его расшевелить, чтобы хоть чем-то заняться, но котёнок лишь сонно отмахивался. Пришлось оставить его в покое.

И, когда я уже устала ждать — глубоко за полночь, дверь моей спальни, наконец, открылась. Я подскочила, пытаясь одновременно привести себя в порядок и придумать, как себя вести... Но замерла, увидев, кто пришёл.

Король-колдун закрыл дверь, повернулся, встретился со мной взглядом и — с ума сойти! — попытался выдавить улыбку.

Я попятилась.

— Катрин. Нам нужно поговорить.

Ух ты! Он знает моё имя. Однако — раньше всё “девочка” да “девчонка”.

— Э-э-э, — проблеяла я.

Колдун, очевидно, не ожидавший большего, прошёл к камину, подвинул кресло удобнее. Налил в кубки остатки вина. Протянул один мне.

Я, холодея, взяла.

Неужели отравлено? Но Бес спит себе как ни в чём не бывало... А, может, потому и спит?

Но король, не колеблясь, залпом осушил свой и налил ещё. Кивнул на соседнее кресло.

— Садись, Катрин.

Я на ватных ногах прошла к камину. Села.

Где Эд? Где?! Меня, может, убивать пришли! А-а-а-а!

— Мне нужна твоя помощь, — огорошил колдун.

Я в немом изумлении уставилась на него.

Так. Девственность в жертву не отдам!

— Ты знаешь, что будет завтра, правда?

Я медленно кивнула.

— Свадьба, — отпив, сказал король. — Моего сына и принцессы Альбиона. Чудесные перспективы, выгодные договоры, счастье и процветание для наших народов. Вот, что она принесёт.

И посмотрел на меня долгим изучающим взглядом.

Я сидела, как кролик перед удавом, не шевелясь.

— А ты знаешь, что собирается сделать Эдвард? — сказал, наконец, колдун.

Очевидно, вопрос относился не к принесению брачных клятв и возни с кольцом, так что я помотала головой.

— Он собирается расторгнуть помолвку.

Моё сердце упало в пятки и тут же подскочило к горлу.

Серьёзно?!

— И назвать своей невестой тебя, — добил колдун.

Я смотрела на него, идиотски хлопая ресницами.

— И ты этого, конечно, хочешь.

— А кто бы не хотел? — вырвалось у меня.

Рука колдуна на подлокотнике сжалась в кулак. И тут же, не успела я запаниковать, расслабилась.

— Катрин, ты любишь моего сына?

— Да, — отозвалась я, спокойно глядя ему в глаза.

Я ждала вспышки гнева, криков о том, что я недостойная простушка, что...

— Не думай, что я не знаю, кто вернул мне сына, — со вздохом сказал король. — Ты сделала то, на что бы не отважился, возможно, никто из нас.

Ага. Отдала демону “то, не знаю что”. Великая, блин, жертва.

— И вполне естественно, конечно, — продолжил король, — что ты хочешь быть с ним.

Я смотрела на него, не в силах отвести взгляд.

Да. Да хочу.

Король перевёл взгляд на догорающее в камине пламя. И глухим голосом произнёс:

— Хочешь быть с ним. Конечно. Катрин, девочка, а ты понимаешь, что твоя так называемая “любовь” погубит его?

Я вжалась в спинку кресла.

— Ты разрушишь его благополучие, ты украдёшь его счастье, заберёшь надежду, — король глянул на меня. — Ты всё ещё хочешь быть с ним?

— Я не понимаю, — дрожащим голосом пробормотала я. — Чем я так мешаю? Если я просто останусь? Мне переубедить Эдварда, чтобы он не останавливал свадьбу? Да?.. Да, я понимаю. Я попрошу его...

Король усмехнулся.

— Он тебя не послушает. Я уже просил. Только что. Мой сын упрям... как и я. Он, видите ли, — колдун отвернулся, тени скрыли его лицо, — намерен быть счастливым. Он

надеется, что альбионцы проглотят оскорбление, что эта бешеная псина, Эрик, заткнётся, если ему кинуть кость. Он ошибается. Он ещё молод. У него нет опыта, он... Катрин, я вынужден просить, потому что знаю, что стоит мне тебя хоть пальцем тронуть, я потеряю Эдварда навсегда. Я не понимаю, что в тебе такого... Правду говорят про злую любовь.

— И что же я должна сделать? — я подалась вперёд, прекрасно понимая, что предложение мне не понравится.

— Уехать, — глядя на меня в упор, ответил колдун. — Сегодня же. Сейчас. Я отослал Эдварда на приём к альбионцам. А ты сейчас спустишься во двор, там тебя ждут Проклятые. Они отвезут тебя в... скажем так, маленький уютный домик... на отшибе. Там тебя никто не найдёт. Даже мой сын. Перед этим ты оставишь ему прощальную записку и то кольцо, что он тебе подарил. А после, когда всё утрясётся, я даю слово, что найду способ отправить тебя домой, в твой мир.

У меня дрожали руки, когда я скрестила их на груди.

— Почему вы просто не увезёте меня силой?

— Потому что я не хочу быть врагом для собственного сына. Потому что я хочу, чтобы он верил, что ты сделала это добровольно. Ложь всегда может раскрыться. Я знаю это лучше других, я маг.

— Трогательная забота о чувствах сына, на которого вы десять лет охотились, — не смогла удержаться я.

И, когда колдун это проглотил, я поняла, что всё действительно серьёзно, и его слова — правда.

И прикусила губу до крови, чтобы не застонать.

“Плевать на политику, плевать на альбионцев, — кричала часть меня, — ты знаешь, что если бы у Эда не было туза в рукаве, он никогда бы не стал жертвовать всем ради тебя”. А вторая часть вежливо напоминала, что от Авзонии этот дурак уже отказался. И что это я настаивала на том, что хочу стать его невестой, и никак не меньше. То, что я при этом думала... тем самым местом, он знать никак не мог.

И к чему нас это приведёт? Мы будем вместе, да. О да, но что с нами станет? И, если я, может быть, когда-нибудь вернусь домой, то дом Эда здесь. И я действительно могу разрушить его одним своим присутствием. Я же сама это понимаю.

Вместе можно быть и на эшафоте, в конце концов.

— Я не хочу, — всхлипнула я. — Я не хочу!

— Я знаю, — тихо откликнулся король и протянул руку, кажется, чтобы меня успокоить. Его пальцы замерли в сантиметре от моего плеча.

Я вскинула на него полные слёз глаза.

— Почему мы просто не можем быть вместе? Ну почему?!

— Потому что он принц, — почти неразличимо сквозь мои всхлипы ответил колдун. — И потому что твоё место, девочка, не здесь. Твоё место в другом мире. Не рядом с ним.

***

Я ехала на коне — из этих, Проклятых. Они обычно пыхтят, как пыточная машина, но сейчас, слава богу, молчали. И они не скидывают, никого, даже такую наездницу, как я.

Вокруг скакали Проклятые — ничуть не изменившиеся, с того момента, как я видела их последний раз. Бездушные, пустые изваяния, демоны.

С ними я и правда была в безопасности. Колдун намекнул, что если уеду и меня спрячут, моей жизни ничто не будет угрожать — даже обиженный альбионский король. Я

хорошо помнила, что осталось от моей спальни в трактире Азвонии и не стала спорить.

Мы скакали, не останавливаясь — достаточно долго, чтобы я успела устать и натереть себе всё, что можно. Даже на Проклятом коньке. На мне была спешно наброшенная на сорочку меховая накидка — и всё. Король настаивал, что времени мало, если я вообще хочу сбежать. Он явно боялся, что Эдвард может вернуться раньше, чем мы исчезнем.

Я глотала слёзы и была не в состоянии сочинить “прощальную записку”. Король диктовал, а я писала на французском — во всём этом мире только я и Эд могли бы её прочесть. На то и расчёт.

И венка из роз на пальце больше не было...

Я держалась за поводья, хотя управлять конём вовсе не требовалось, и сглатывала слёзы. Проклятым было плевать на мои всхлипывания. Им вообще было на меня плевать.

И не только им.

Я не хотела, господи, как же я не хотела уезжать! И до сих пор не могла поверить, что больше Эда не увижу.

Но я хорошо помнила его, мёртвого, тем пасмурным проклятым утром. Я никогда не позволю повториться чему-то подобному. Никогда.

Да, даже у такой эгоистки, как я, есть что-то святое.

Я сжала поводья, впиваясь ногтями в ладонь, и глухо, отчаянно застонала. Всё, на что я сейчас была способна.

Это несправедливо. Кто позволил, кто превратил меня в пешку, которая не может ничего изменить?

Отряд остановился внезапно — я чудом не вылетела из седла. И, шмыгая, непонимающе посмотрела на моих сопровождающих. В чём дело?

Паника накрыла липкой ледяной волной. Может, у этого таинственного альбионского короля есть свой маг, умеющий даже с Проклятыми договориться? Чем чёрт не шутит, может...

Из темноты галопом вынырнул всадник и осадил коня шагах в десяти от меня. Я подавилась испуганным возгласом, когда конь взвился на дыбы и тяжело ударил копытами о землю.

Нормальный конь, не Проклятый.

— Далеко собралась? — хватая моего конька под уздцы, поинтересовался Эдвард, прожигая меня яростным взглядом.

Я облизнула искусанные губы. И с трудом произнесла:

— Далеко. Отпусти.

Эд сжал руку в кулак.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мой отец, да? Он заставил? — быстро спросил он.

— Нет! — с вызовом отозвалась я, хотя больше всего сейчас хотелось броситься ему на шею, а не препираться. — Я. Сама. Отпусти, я сказала! Хватит! Мне до смерти надоело, что я постоянно должна за тебя трястись, за тебя... и за свою жизнь — из-за тебя! Надоело! Оставь меня в покое!

Эд отпрянул, а я попыталась пришпорить Проклятого конька. Но тот, как известно — как и все Проклятые — слушался только двух людей: короля-колдуна, которого тут не было, и его сына, который был прямо тут... и не давал мне совершить, может, самый правильный поступок в моей жизни!

— Дай мне уехать! — уже уверенней потребовала я.

— Катрин, — с отчаянием глядя на меня, выдохнул Эд. — Я тебя люблю. Больше...

— А я тебя — нет! — теряя терпение, бросила я ему в лицо.

В следующее мгновение меня нагло выдернули из седла и забросили в другое, да ещё и прижали так, что не шевельнуться.

— Врёшь, — прошипел Эд, пришпоривая коня.

Возмущаться, а уж тем более вырываться на полном скаку было глупо, так что я кусала губы и ждала, когда мы остановимся — сильно подозревая, что эта бешеная скачка продлится до самого дворца. Эд подхлестывал коня, ветер свистел в ушах, мороз жёг щёки, а серебристо-синие краски ночи смешались в одно аляповатое пятно.

Когда конь на каком-то заснеженном лугу, в конце концов, перешёл на рысцу, а потом и на шаг, я не смогла сдержать вздох облегчения. И тут же им подавилась — Эд, не стесняясь и не колеблясь, сунул руку мне под накидку, нащупав сорочку, а сквозь неё — и грудь.

Я, рискуя свалиться, всё-таки повернулась и попыталась вlepить ему пощёчину, но этот мерзавец уклонился.

— Так торопилась, что даже не хватило времени прилично одеться? — поймав меня за руку, глухо поинтересовался Эдвард.

Я ожгла его злым взглядом.

— А что? Очень мне подходит. Меня же здесь везде зовут шлю...

Он зажал мне рот и, приблизив лицо, тихо выдохнул:

— Никогда не говори о себе так.

Я попыталась его укусить, но он вовремя убрал руку.

— А то что? Я не твоя собственность, Эдвард. Как ты вообще смеешь меня останавливать, раздавать приказы? Что хочу, то и делаю, и ты мне...

— Ты моя леди! — перебил юноша. — И я...

— Леди? — воскликнула я. — Твоя? Кто так решил? Ты? Я не согласна! Я на это не подписывалась! Так что будь добр, оставь меня в покое и езжай домой. У тебя завтра свадьба.

— Так ты из-за этого? — подхватил Эд и его голос смягчился. — Катрин, я хотел завтра объявить, что...

— Знаю я, что ты хотел! — не выдержала я. — А я не хочу! Я хочу домой! Да оставишь ты меня в покое, наконец, или нет?!

Дальше следовало продолжение, долгое, эмоциональное, после которого он бы вряд ли согласился находиться рядом со мной дольше пяти минут... Но Эдвард его просто не стал слушать.

Я попыталась его оттолкнуть, когда он наклонился ко мне, целуя. Я пыталась взять себя в руки. Я...

Я отвечала ему, прижимаясь крепче, ближе, страстно желая, чтобы...

— Плохая из тебя лгунья, Котёнок, — отодвинувшись, улыбнулся Эдвард.

Я, онемев, смотрела на него.

— Катрин, ты, правда, думаешь, что я не в состоянии отвечать за свои поступки? — грустно спросил Эд. — Что я не в состоянии тебя защитить? Что я не могу сделать так, чтобы ты была счастлива?

— Я хочу, чтобы и ты был счастлив, — пробормотала я.

— Тогда к чему это спектакль? — ласково проводя пальцем по моим губам, выдохнул

юноша. — Я счастлив с тобой. Катрин, мне не нужен ни один трон мира без тебя.

Я смотрела на него, не в силах произнести ни слова.

— Я отпущу тебя только, когда ты сама захочешь уйти, — добавил Эд.

Я хотела сказать, что хочу уже сейчас. Но, смотря ему в глаза... не смогла.

Эд улыбнулся.

— Тогда позволь мне самому решать, как сделать так, чтобы мы оба были счастливыми.

Хорошо, Катрин? Ты мне доверяешь?

Я молча кивнула.

— Тогда поехали домой, — сказал юноша. И, вдруг задорно улыбнувшись, взял меня за руку. — И прекрати терять, наконец, мой подарок, — и поцеловал мои пальцы, на одном из которых сверкнуло рубином кольцо-венки.

Я смотрела на него, мечтая, чтобы его слова оказались правдой. Я верила, что он может справиться с чем угодно, что он умнее меня, опытнее. Это же Эдвард, он всегда со всем справится, в отличие от меня.

Но из головы не лезли слова короля-колдуна. И Джоан.

— Что ты собираешься делать? — спросила я, когда мы шагом выехали на дорогу.

— Просто ложись на меня, — улыбнулся Эд. И больше ничего не сказал.

Я прижалась к нему крепче, когда конь перешёл на рысцу. И попыталась сделать то, что он меня и просил. Довериться.

Глава 4

Бес валялся на столе в окружении опрокинутых кубков, пустого кувшина и липких фиолетово-розовых пятен. Перевернулся на бок, вытянув пушистые лапы в “носочках”, покосился на меня здоровым глазом и с видом “А, это опять ты”, зевнув, вернулся к кошачьей дреме.

Эда, поддерживавшего меня за талию (очевидно, чтобы не сбежала) больше заинтересовал ворох платьев на сундуке.

— Что это? — удивился он, разглядывая украшенное жемчугом светло-зелёное блио.

Я скинула меховую накидку и, оставшись в одной сорочке, поскорее полезла в кровать под одеяла — огонь в камине не горел и комната жутко выстыла.

— А, это... это я убрать не успела... Ну, точнее, в сундук они не влезли, и я боялась, что помнутся. Не умею я с такой тканью обращаться...

Эд повернулся ко мне.

— И кто их принёс?

— Джоан, — грея руки под мышками, отозвалась я.

Эдвард глубоко вдохнул и медленно, преувеличенно сосредоточенно принялся разжигать огонь в камине.

Я наблюдала.

— Что?

— Тебе нет нужды принимать подачи альбионской принцессы, — снимая перчатки и протягивая руки к робкому ало-золотому “язычку” пламени, отозвался Эдвард.

Я перевернулась на живот, чтобы быть поближе к камину. Потянула покрывала за собой.

— А что такого? Она просто хотела, чтобы у меня был приличный наряд для церемонии. Вот и всё.

Эдвард метнул на меня странный взгляд.

— Ты полагаешь, я об этом не позаботился?

Я пожала плечами.

— Ну да. У меня пустые сундуки, а ты, в конце концов, мужчина и вам, мужчинам, вообще неважно, что одевать... нет?

— То есть, по-твоему, мне неважно, во что одета моя леди? — дёрнув щекой, осведомился принц.

— Эдвард, — зевнув, позвала я. — Честно... Мне неважно. Могу завтра в сорочке прийти. Я серьёзно. Они всё равно уверены, что я — чернь, плебейка, невеста из какого борделя тобой вытащенная, и явно воспользовавшаяся приворотом, а то и не одним, и что бы ты ни говорил, но леди из меня, как из козы...

Эдвард, во время моего монолога поднявшийся и оказавшийся у кровати, рывком сдёрнул с меня покрывало и приник к губам, не дав договорить.

Поцелуй вышел долгий, страстный и больше похожий на борьбу — всякий раз, когда я пыталась отстраниться, меня не пускали его руки, поглаживающие шею, плечи, спину...

— Эдвард, что ты делаешь? — прошипела я, наконец-то сумев увернуться.

Вместо ответа он обнял меня — так, что я не то что двинуться, дышать с трудом могла.

— Знаешь, Катрин, — шептал он мне на ухо, прижимаясь всем телом, и я замерла от его голоса, как птичка перед змеёй. — Я не позволил бы тебе уехать даже, если бы ты захотела. Я не могу без тебя. Я хочу, чтобы ты была рядом. Всегда.

Я хотела возмутиться: что, моё мнение для него — пустой звук? Но это было сложно, пока он целовал меня, пока гладил, пока я сама, с трудом понимая, что делаю, помогала ему избавиться от одежды...

— Нет, — выдохнул он в тот самый момент, когда я послала все доводы разума к чёрту и решила получить удовольствие сполна. — Мы не должны... не сейчас.

— Почему? — выдохнула я ему в плечо.

Он поцеловал меня — последний раз, очень мягко, очень нежно.

— После свадьбы, Котёнок.

“Ух ты, ещё и свадьба будет”, — пронеслось в голове, пока я лежала, тяжело дыша, а он поправлял на мне сбившуюся сорочку, искал свою, давно сброшенную вроде бы на пол.

Эд укрыл меня покрывалом и быстро поднялся. Я схватила его за руку.

— А зачем нам ждать свадьбы?

— Потому что ты моя леди, кто бы что ни говорил, — отозвался он, высвобождая руку. — И, Катрин, не смей больше повторять слухи. Ещё раз услышу — накажу.

Я, опешив, проследила, как он идёт по комнате.

— И у тебя будет лучший наряд, Катрин. Я об этом, конечно, позаботился, — добавил он, прежде чем скрыться за дверью.

Я повернулась на бок, провела пальцем по губам. На кровать прыгнул Бес, покрутился и устроился прямо у меня на груди, проведя пушистым хвостом по моему подбородку.

— Не, ты видел, а? — пробормотала я, косясь на дверь. — Накажет он. Как, интересно?

Бес покосился на меня и зевнул, показав розовый загнутый язычок и внушительные остренькие клычки.

— Бес.

Котёнок снова открыл глаз, лениво глянул на меня.

— Прикинь, у меня свадьба будет.

Кот закатил глаз и, дёрнув кончиком хвоста, замурчал, всем видом показывая: “Да спи уже”.

В другой ситуации я бы в жизни не уснула. Мне тут такого наговорила, меня так зацеловали, меня так... хм. Но вечер был слишком насыщенным, так что я очень быстро задремала под аккомпанемент мурчания. И даже не слышала, как в комнату проши Проклятые и рассредоточились у окна, камина и двери.

Принц-наследник заботился о безопасности будущей невесты.

***

Утром — очень рано, кажется, рассвет только-только забрезжил (хотя фиг его знает, за окном серо, как вечером, и снег идёт) — в комнату проскользнули служанки и парочка Проклятых, неся внушительных размеров сундук.

Мы с Бесом наблюдали, как они его ставят у окна, как подкладывают поленья в камин, как готовят в соседнем со спальней закутке лохань для умывания. Потом парочка девушек очень вежливо, прямо в реверансах приседая, осведомилась, не желает ли госпожа освежиться. Госпожа опешила, но из кровати вылезла и тут же была подхвачена под локотки и отведена мыться.

Мда, чего это с ними? То смотрят как на...хм... женщину низкого поведения, то воркуют: “Ах, какая у леди нежная кожа! Ах, какие волосы! Ах, мы умастим вас лавандовым маслом, и вы будете благоухать, как цветочный луг”. Я не выдержала, от масла отказалась — тогда мне на выбор были предложены флакончики с розовой эссенцией, вересковой, мятной, сиренью, фиалкой... С ума сойти какое богатство. Я, осторожно перенюхав каждое (и ожидая смешков — зря), выбрала вересковое. И тут же: “Ах, леди, Его Высочество тоже очень любит этот запах!”. Да ладно! Потом было мытьё головы в разных водах и с разными запахами, потом что-то вроде обёртывания... Всю процедуру я была уверена, что кто-то надо мной очень изощрённо пошутил. Так за мной никогда ещё не ухаживали — даже в Азвонии, когда Эдвард был наследным принцем. Ворковали тоже, но исподтишка косились и хихикали. А тут — словно угодить пытаются. Чего это с ними?

Волосы мне забрали, пока сохли, замотали как-то по-особенному, и повели в спальню, где из сундука была извлечена тонюсенькая, иссине-белая сорочка с таким тончайшим кружевом, что я его тронуть боялась — а ну как разлезется. Потом всё закружилось-завертелось: кто-то меня одевал, кто-то унизывал пальцы-запястья-шею украшениями, кто-то прибирал волосы, украшая жемчужными, алмазными гребешками, нанизывая маленькие камешки прямо на пряди...

Наконец, кутерьма закончилась и служанки, приседая и сгибаясь в поклонах попятились к двери. Я закружилась, пытаюсь рассмотреть себя — малюсенького мутного зеркала для этого явно не хватало.

Помню, взгляд Беса с кровати — котёнок, провалявшийся всё это время вольготно на покрывале, уставился на кружащуюся меня с таким поистине человеческим изумлением, что я впервые усомнилась — а насколько он, собственно, котёнок?

Я была в пурпурном. Рубиновые шпильки, рубиновое ожерелье, блио пурпурного шёлка, тонкое, переливающееся, струящееся, богато украшенное вышивкой, золотом и тоже рубинами, с королевскими лилиями по рукавам и поясу — тоже рубиновому.

Пурпурный. Запрещённый цвет, цвет королей. Простые смертные его не носили.

Я тронула прихотливо свисающий на блонды локон, и тот заискрился алмазами, точно звёздами.

Класс. Меня одели, как новогоднюю ёлку. Эдвард сделал всё, чтобы прояснить моё положение. Только что табличку на грудь не повесил: “Из королевского рода”.

Да лучше бы я то, светло-зелёное одела.

Дверь неслышно открылась, в комнату проскользнул один из Проклятых. Приблизился, поклонился и равнодушно предложил следовать за ним.

Я была уверена, что если картинно заявлю: “Нет” и попытаюсь остаться, меня перекинут через плечо и понесут.

И потому мне больше ничего не оставалось.

Мы шли дворцовыми подворотнями, а то и потайными ходами — ибо они были пустынные, пыльные и мне приходилось задирать подол чуть не до колен, чтобы не испачкаться. Зато очень удобно подобралась к дворцовой часовне, и, хоть Проклятый постарался встать так, чтобы заслонить меня и, соответственно, мне обзор, я всё равно видела.

Видела стоящих у скамеек людей — все сплошь придворные, если я хоть что-то понимаю в их броских, богатых одеждах. Видела мозаику и крест, и хоры (и там кто-то пел — очень красиво и сладко, прямо как в Нотер-Даме, когда я там была), видела короля-колдуна, стоящего на возвышении слева, и каких-то господ в очень богатых тёмно-синих котах и накидках, так украшенных брильянтами и сапфирами, что у меня в глазах зарябило. Эти стояли справа. В центре же величавый священник со служками нараспев читал на латыни молитву, воздев руки над коленопреклонёнными Эдвардом и Джоан.

Всё было очень чинно и так величественно, что я даже умудрилась забыть, что вот там, собственно, мой Эдвард сейчас будет приносить клятву верности альбионской принцессе.

А, может, я просто ему слишком верила?

Молитва кончилась. Жених с невестой, словно по команде, поднялись. Величественный священник с серьёзной миной, кажется (у меня очень скудные знания латыни, правда), велеречиво спросил, согласен ли Эдвард взять в жёны, беречь и заботиться и т. д. Джоан, принцессу Альбиона и т. д. и т. п. (на титулах я поплыла).

В звенящей напряжением тишине Эдвард бодро сообщил: “Нет, не согласен”.

Тишина взвизгнула непониманием, а наследный фрэснийский принц, повернувшись, сошёл с возвышения, подошёл к нам, взял меня за руку и повёл к священнику.

Я очень остро чувствовала все их взгляды, все. И да, они все меня ненавидели. Люто. Особенно те господа в синем. Если бы я взглядом прожигалась, во мне уже была бы автоматная очередь. А то и не одна.

Толкнув меня на колени, Эдвард опустился рядом и, склонив голову, смиренно (тоже, чёрт возьми, на латыни, так что я очень отдалённо понимала, что происходит) напомнил священнику и вообще всем о праве чего-то там кого-то там и закончил всё это вопросом, а не может ли достопочтимый святой отец засвидетельствовать помолвку его, Эдварда, вот со мной.

Святой отец затравленно покосился в сторону короля-колдуна. Я не видела, что сделал тот, но Эдвард снова заговорил — уверенно и совершенно непонятно, а его рука так сжала мою, что я чуть не скривилась от боли.

Потом была тишина, и снова голос священника, уже намного менее величественный, и Эдвард встал, а за ним и я.

Когда Эдвард, всё ещё правой рукой сжимая мою, протянул её к священнику и кто-то из служителей обвязал наши запястья тонкой кружевной летной, слева раздался громкий глухой

стук.

Эдвард не шевельнулся, священник сбился, но продолжил читать на латыни, а я потянулась посмотреть, что происходит.

Джоан в обмороке лежала в двух шагах от нас и над ней приглушённо ворковали фрейлины.

Тогда мне в первый раз захотелось убежать отсюда — в том числе и от Эдварда. Главное, чтобы подальше.

***

У меня было стойкое желание, что меня посадили в клетку. Красивую, золотую, но клетку.

Сразу после церемонии на Эдварда коршунами налетели эти, в синем, и подняли такой гам, что хоть уши затыкай. К ним присоединился кто-то из придворных и, конечно, король. Меня же взяли в кольцо Проклятые и вывели из часовни — на этот раз через парадный выход.

Я шла в центре кольца роботоподобных демонов — подобрал подол, но всё равно то и дело спотыкаясь, и не знала, куда деть глаза.

На меня смотрели абсолютно все — и все с ненавистью. Я могла бы даже прочитать их мысли — без всякого колдовства. “И вот это станет нашей королевой?”. Я их понимала. Я очень хорошо осознавала, что вряд ли когда-нибудь смогу соответствовать титулу, который у меня скоро будет. Что в их глазах всё равно останусь, мягко говоря, выскочкой. Что любовь Эдварда выходит мне боком — и ему тоже.

Из-за меня.

Слова моего... хм... будущего свёкра начинали сбываться.

Никакого пира и поездки в коляске по столице не было. Но даже и так парочку арбалетных болтов Проклятые вытащили, словно из воздуха. А мы всего лишь вышли на дворцовую площадь.

В такой ситуации я прекрасно понимала, почему меня посадили в клетку — мои апартаменты и личный выход в маленький садик, огороженный со всех сторон так, что не подступишься. И везде Проклятые, на каждом углу, куда бы я ни пошла.

Мда, не так я представляла себе помолвку с принцем.

Ко мне теперь обращались “Ваше Высочество” — служанки, которые меня переодевали. Лебезили. Пытались угодить. Но неискренностью от них несло за километр.

Высочество! Если я что-то и понимаю, то у Высочества должны быть придворные дамы-фрейлины из высоких родов. У меня таких не было и не появилось. Ни одной.

Я всё ещё оставалась выскочкой в дорогом наряде со свободой выхода в сад — две-три дорожки. Примерно так было в Азвонии, когда нас везла Адриана. Но тогда я не была королевской невестой.

Почему со мной так обращаются? Почему Эдвард позволил этому случиться?

Вечером, когда я изучила и садик, и комнаты и содержимое сундуков, принесённых слугами, вдоль и поперёк и в очередной раз выгуливалась (нервно бродила) в саду, глядя на тёмно-серое низкое небо, ко мне проскользнул... хм... паж.

Проклятые попытались заступить дорогу, но “паж” выставил руку, на ней что-то блеснуло, и демоны отступили. Я удивлённо наблюдала, как “паж” бежит ко мне — слишком легко одетый для зимнего вечера.

И даже не слишком удивилась, поняв, что это Джоан.

Кого ещё могли пропустить Проклятые — только короля-колдуна, Эдварда... и его бывшую невесту.

Первым желанием было сбежать. Особенно когда “паж” приблизился почти вплотную и размахнулся.

Я отступила машинально, пропустила пощёчину, но запуталась в юбках и упала в сугроб на краю дорожки. Как на трон. Альбионская принцесса зависла надо мной, и вид у неё был... ну, кроме мужской одежды, которую ни одна местная леди под угрозой немедленного расстрела не оденет... в общем, зверский был вид.

— Что ты натворила?!

— Избавила тебя от угрозы ходить с расцарапанным лицом! Не ори на меня!

— Ты хоть представляешь, чем это грозит?!

— Тем, что ты осталась без жениха?!

Джоан поперхнулась очередной репликой на повышенных тонах, взглянула на меня и вдруг простонала:

— Катрин, ты действительно не понимаешь, что происходит?

— К твоему сведению, меня тоже никто ни о чём не спрашивал. Меня просто притащили сегодня в церковь, — отозвалась я, пытаюсь встать.

Джоан, помедлив, подала мне руку.

— Ты же хотела стать королевой.

— Я хотела, чтобы Эдвард был моим женихом! — прошипела я. — Ни о каком королевстве и речи не шло.

Джоан сжала мою руку.

— Он же принц.

— Плевать я хотела, кто он, я его люблю! — рывкнула я, выдёргивая руку. — Зачем ты явилась? Выразить своё недовольство? Тогда это не ко мне, моим мнением тоже не интересуются!

Принцесса отпрянула. И, странно глядя на меня, медленно потянулась к шее.

— Катрин, я уезжаю сегодня. После моего отъезда начнётся война.

— И зачем ты мне это говоришь? — буркнула я, наблюдая за ней.

Принцесса вытащила неброский медальон, быстро сняла и потянулась ко мне. Я отшатнулась.

— Что это?

— Защитный амулет, — зло отозвалась Джоан. — Есть у каждого члена королевской семьи. Без него тебя убьют, дурочка, — и, изловчившись, напялила медальон на меня. — Никогда его не снимай. Никогда.

— Зачем? — выдавила я, глядя как сапфир в центре медальона загорается сам по себе. И мигает, кажется, в такт моему дыханию.

— По моей вине ты здесь, — отозвалась Джоан. И, отвернувшись, расправив плечи, чинно и гордо, как настоящая принцесса, направилась к выходу из садика.

Я звала её, даже пыталась догнать, но в юбках это было бесполезно, а откликнуться принцесса не пожелала.

Амулет у меня на груди мерно моргал и еле заметно грел — снежинки, падая на него, текли по золотой узорчатой пластине. Как слёзы.

***

— Шш-ш-ш, всё хорошо, Катрин, моя леди. Скоро ты станешь моей королевой. Потерпи

немного. Я просто боюсь за твою безопасность, — шептал ночью Эдвард, когда я жаловалась на клетку. — Совсем немного. Наша свадьба на Рождество. Ещё несколько дней. Чуть-чуть, Катрин.

— Я не хочу быть королевой, — выдохнула я. — Я не умею. Я не хочу...

— Катрин, ты выходишь замуж за наследного принца, — проведя большим пальцем по моей щеке, улыбнулся Эд. — Ты не можешь не быть королевой. Но ещё не сейчас, не бойся. В конце концов, я ещё не король.

— Я не хочу быть принцессой, — шепнула ему в плечо. — Принцессы — самые бесправные существа в вашем мире. Я не хочу.

— Шш-ш-ш, Катрин, — успокаивал Эдвард. — Почему ты так решила?

— А разве нет? — вскинулась я. В комнате горел только камин, а мы задёрнули полог, но я прекрасно различала его лицо даже в сумраке. — Джоан...

Эд прижал палец к моим губам.

— Не говори о ней. Не всему, что ты видишь, можно верить, Катрин. К тому же, ты не Джоан.

— Да, я не родилась принцессой, — усмехнулась я.

— Это не важно, — мягко глядя на меня, возразил Эд. — И ты не Джоан. Меня всегда будет волновать, что ты думаешь. Я никогда не стану обращаться с тобой...

— То есть если я сейчас скажу, что не хочу за тебя замуж, всё отменится? — усаживаясь на подушках, спросила я.

Эд долго смотрел на меня.

— Нет. И те не хочешь этого, не так ли, Катрин?

— Эдвард, я боюсь, — шепнула я, схватив его за руку.

Он улыбнулся и поцеловал мои пальцы.

— Чего, моя любовь, моя леди, моя королева? Ты будешь в безопасности, клянусь...

— Я боюсь за тебя.

Он посмотрел на меня, не отпуская руку. Потянулся, прижал палец к моему лбу.

— Не думай об этом, Катрин. Я могу о себе позаботиться. Доверься мне. Всё будет хорошо.

Я легла и уткнулась лицом в подушку, чтобы он не видел, как кусаю губу, сдерживая слёзы.

Я не верю тебе. Разве ты не видишь? Да, я тебя не верю. Что ты можешь, один против всех? Я же не настолько дура, чтобы не понимать.

Я боюсь.

Он целовал мою руку — нежно, палец за пальцем, выцеловывая дорожку к локтю, к плечу, шее.

Я смотрела на потолок и мне хотелось кричать.

***

Следующие два дня прошли в снегу, тумане, в клетке.

Мне по-прежнему никуда не разрешалось выходить. Эдвард подарил с десятков украшений, которые тоже были амулетами, а я почему-то не сказала ему про медальон Джоан. Я не снимала его, даже когда ложилась спать — как и браслеты-кольца Эдварда. Я спала под дорожущими мехами в дорожущей сорочке, в дорожущих украшениях и чувствовала себя настолько не на своём месте, что хотелось выть.

Компанию мне составляли служанки и их “Высочество” — по утрам и вечерам, когда

они были мне нужны, чтобы привести меня в порядок. Больше я их вынести не могла.

Проклятые легко могли сойти за памятники — как и всегда. Разговаривать с ними — то же, что и со стеной. Я пару раз пыталась, помня Чёрного. Бесполезно. Они меня не видели.

Бес с утра надирался вином, которое приносили к завтраку, и весь день дрых, разве что давая мне себя гладить и чесать.

Эдвард в конце концов позволил мне выходить из дворца, но только под охраной Проклятых. И очень просил пока повременить с прогулками. Он не говорил, но я и так чувствовала, что происходит нечто нехорошее.

На дворцовой площади казнили троицу бедолаг — из криков глашатая я поняла, что это те, с арбалетами, напавшие на меня возле церкви.

Примерно тогда же в моём завтраке Проклятые, дисциплинированно пробовавшие всё, что я собиралась есть, нашли яд.

Я боялась за Беса, присосавшегося к вину ещё до этого — но котёнку всё было трын-трава. Наверное, этот яд на животных не действовал.

Тем же вечером на площади сожгли женщину и двух мужчин. Вроде тоже за покушение на королевскую невесту.

Я завесила окно мехами, закрыла дверь и заткнула уши, чтобы не слышать их криков.

Даже если приказ отдавал не Эдвард, а король-колдун, которому потребовались жертвы для заклинаний, я не могла понять, как Эд позволил. Он дорожил человеческой жизнью, всегда. Да, даже если они пытались меня убить, я, чёрт возьми, понимала, почему. И я жива. За что их?

Я была одна, совсем одна среди теней-Проклятых, среди куриц-служанок. Даже с Эдвардом я чувствовал себя одинокой. Он не хотел меня слышать. Он твердил, что обо всём позаботится. Говорил, что я не должна думать. Он дарил мне красивые, дорогие наряды и украшения. В ответ я не должна была спрашивать ни о чём, что творится за пределами дворца. Я не должна была думать. Хрустальная хрупкая кукла в дорогой упаковке.

Вечером после казни я сидела на шкуре у камина и грела руки. На мне была сорочка и обязательная меховая накидка. Убранные в косу волосы. Всё это складывалось в гротескную тень, скачущую по стене, потолку... Я не заметила, когда в тень вплелась ещё одна, тонкая, чужая.

— Здравствуй, Твоё Высочество, — произнёс незнакомый голос, а рука в шёлковой дорогой перчатке закрыла мне рот. Я чувствовала запах мороза, дыма и конского пота. И забавно — не боялась. Я устала бояться. Совсем. Ещё краем сознания отметила, что Проклятые почему-то даже не шевельнулись, хотя стоят в двух шагах. — Или мне лучше сказать — королевская шляха?

Меня рывком развернули, схватили за плечи.

Я рассматривала его лицо — тоже незнакомое. Мужчина, около сорока. Шрам на левой щеке. А так, может, был бы симпатичным. Не знаю. Меня никогда не привлекали мужчины настолько старше меня. С седыми волосами. С сеточками морщин на лбу и вокруг глаз.

И так остро пахнувшие конским потом. Сколько дней он провёл в седле?

Меня опрокинули на пол и нависли сверху. Достаточно, чтобы, наконец, испугаться. И рассматривали — жадно, с нездоровым любопытством.

— Что, даже на помощь не позовёшь, девочка? — почти нежно поинтересовался незнакомец, наклоняясь, и я замерла, не в силах отвести от него глаз. — Давай, милочка. Кричи.

Щас. А то я не знаю, что даже если сорву голос, на помощь никто не придёт — кроме Эдварда. Но вероятность того, что наследный принц случайно проходит сейчас по коридору к моим комнатам, близка к нулю.

Что-то холодное коснулось моей шеи. Я скосила глаза — перстень. Странный. Светящийся. А незнакомец наклонился совсем уж близко ко мне и шепнул:

— Ну-ну, девочка, не дрожи. Я всего лишь хочу оставить послание от моего господина принцу-наследнику. Он побрезговал нашей принцессой ради какой-то простушки. Но тебе нечего бояться, крошка. Ты ведь даже можешь получить удовольствие. Или ты не любишь, когда с тобой грубо обходятся? — и впился в мои губы.

Вот этого уж точно оказалось достаточно, чтобы скинуть оцепенение.

Я закричала, точнее, замычала, забилась, паникуя уже по-настоящему.

Мужчина засмеялся, прижимая светящееся кольцо к моей щеке. Не знаю, какого эффекта он ждал. Но, кажется, не того, что его отбросит к кровати.

Медальон Джоан мягко пульсировал у меня на шее и грел — я чувствовала сквозь сорочку.

— Не может быть, — пробормотал незнакомец во все глаза смотря на меня. — Откуда у тебя...

Я нащупала рядом кинжал — минуту назад его не было, но я помнила, что что-то такое блестело у меня перед глазами, когда этот мерзавец меня целовал.

Мужчина поднялся и, не спуская с меня глаз, шагнул ближе, потянулся к моей шее.

Я замахнулась.

***

Моя сорочка промокла от крови. Руки болели от напряжения, а на груди наверняка остался жуткий ожог, но я пока его даже не чувствовала.

Я сидела на заляпанном кровью полу и методично давила на подушку, прижатую к груди, но в опасной близости от шеи мужчины-альбионца. Я ничего не чувствовала, кроме лёгкой вибрации медальона — всякий раз, когда мужчина пытался меня сбросить и подняться.

Когда дверь распахнулась, и в спальню влетел Эдвард, я даже не сразу осознала, что всё закончилось. Альбионца скрутили, а Эдвард держал меня, а потом суетился, осматривая, не ранена ли я, отпаивая меня какими-то настоями. Помню, он с трудом отобрал у меня нож.

— Ты обещал, что всё будет хорошо, — шепнула я, когда он, сорвавшись на крик, в очередной раз попросил меня “сказать хоть что-нибудь”.

Он уткнулся лицом в мою грудь, заставив вздрогнуть от боли и шептал, что это больше никогда-никогда не повторится, что никто никогда...

— Я не верю тебе, — шепнула я, и он вздрогнул так, будто я его ударила.

— Катрин, хорошая моя, пожалуйста, не говори так, я всё сделаю, чтобы ты была счастлива...

— Отпусти меня, — попросила я, повернувшись к нему. — Эдвард, пожалуйста. Я больше не хочу. Я не могу. Не могу быть твоей куклой. Отпусти меня и прекрати это.

Он попытался поцеловать меня, но я отпрянула. Мне было больно, когда я увидела отражение такой же боли в его глазах.

— Нет, Катрин. Никогда.

Я отвернулась. Я думала, что он уйдёт.

Но он остался. И всю ночь обнимал меня.

Всю ночь он был рядом — жуть как много, по сравнению с теми крохами за последние дни, когда мы приводили время вместе.

Если бы он ушёл, я бы точно свихнулась.

Утром он по-прежнему был рядом и гладил меня по голове.

Я приподнялась, поймала его грустную улыбку и сказала:

— Сегодня я поеду за город. На весь день. Я не могу больше сидеть взаперти. Можешь приставить ко мне Проклятых или мертвецов, мне всё равно. Но я поеду.

Он долго смотрел на меня, потом кивнул.

— Хорошо, моя королева.

— И не называй меня так.

— Я люблю тебя, Котёнок.

Я промолчала.

***

Меня одели как королеву. Меня посадили в карету и везли по странно пустынному городу. Я с жадностью выглядывала в окно, но Проклятые старательно заслоняли весь обзор.

Забавно, что мне не дали сопровождающих-людей. Наверное, Эдвард совсем никому здесь не верил. В том числе и колдовству отца, иначе со мной поехали бы и зомби. Вряд он стал бы думать, что меня смущает вид мертвецов.

В лесу, куда меня привезли, было тихо и спокойно. Шёл снег, я бродила между деверьями пока не замёрзла. Вспоминала, как Эд вёз меня обратно во дворец. Рядом с ним было очень тепло.

Обедать пришлось в карете, зато там нашёлся заботливо завернутый глинтвейн. Я отогрелась, снова выбралась наружу, увязла в снегу, но дошагала до скрытого кустарниками озера.

И чего я добилась этой вылазкой из дворца? Здесь также одиноко, да ещё и тихо. Разве что очень красиво.

Я пробовала лёд носочком сапога, когда из кустов вылетела стрела. И ещё одна. Все они вонзились в Проклятого, возникшего передо мной точно из воздуха. Второй Проклятый схватил меня в охапку и потащил к карете. Краем уха я слышала звон стали и предсмертные крики.

Ненавижу этот мир.

Конечно, моя прогулка на этом месте и закончилась. Сначала меня запихнули в карету, потом, уже на подъезде из города, почему-то из неё вытащили, посадили в седло кому-то из Проклятых, окружили и так повезли.

Я не спорила. Я смотрела на город во все глаза — было на что. В зимних сумерках столица пылала. Отдалённое зарево костров я различала отчётливо — тревожные желто-алые отсветы. Безумно пахло гарью — отовсюду.

Мы скакали по улицам, сметая по пути горожан — половина из которых, кажется, хотела на нас напасть. На Проклятых-то. Я слышала их крики за спиной, видела кровь на мостовой. Дома с закрытыми ставнями и дверьми, куда врывались счастливо избежавшие нас мародёры. Женские крики. Детский плач. И снова кровь, и огонь.

Мы остановились перед забаррикадированной улицей. Там осталась половина отряда Проклятых, остальные вломились в ближайший дом, и, не обращая внимания на испуганные угрозы и мольбы хозяев, провели меня чёрным ходом в соседний переулок, пока ещё пустой.

Теперь пришлось идти пешком. Я придерживала подол, смотрела на лежащие на

мостовой трупы и не могла отделаться от мысли, что уже видела подобное.

Когда я споткнулась в третий раз — и с трудом удержала тошноту — идущий ближе всех демон спокойно подхватил меня на руки.

— Это чума? — выдохнула я, забыв, с кем иду.

Но, наверное, им теперь разрешили со мной разговаривать.

— Нет, госпожа, — равнодушно откликнулся демон. — Это война.

— Война? — повторила я, старясь не смотреть по сторонам.

— Бунт, — отозвался Проклятый. — Спровоцированный Альбионом.

Я не успела уточнить — мы выбрались на что-то вроде смотровой площадки, откуда уже рукой было подать до дворца.

И я видела, как в ближайшую улицу внизу серебристой рекой стекаются рыцари в доспехах, сметая...хм... повстанцев-горожан.

— Что там? — успела спросить я, прежде чем мы свернули в соседний переулок.

— Принц, госпожа, — отозвался кто-то из демонов.

Я обернулась. Эдвард? Там? В этом хаосе?

Мысль о том, что его могут легко убить, промелькнула и заставила поёжиться. А потом и запаниковать.

— Мы должны вер...

Меня схватили в охапку и очень быстро куда-то понесли, не успела я договорить. Совсем рядом зазвенели клинки, засвистели стрелы и закричали люди.

Проклятые пробивались к дворцу.

Я мало что запомнила из этой беготни. Только запах гари, который будет, наверное, снится в кошмарах, жуткие хрипы, и ещё статую короля-колдуна на дворцовой площади. Разбитую. Она смотрела в горящее заревом небо не хуже лежащего рядом с ней трупа в доспехах.

Мне казалось, что мир вокруг, и раньше-то не очень дружелюбный, скалитесь, мерзко хихикая, готовясь меня сожрать.

Меня трясло, когда ворота во дворец захлопнулись за нами, отрезав от безумных криков.

А в спальне, куда меня притащили, ещё долго тошнило.

И Бес сидел на кровати, глядя на меня серьёзными человеческими глазами.

***

— Отведи меня к королю, — потребовала я у Проклятого у двери, почти ожидая, что меня проигнорируют.

Демон кивнул и с троицей сопровождения повёл меня по затихшему дворцу.

Была полночь или около того — время тут сбилось, потому что колокола звонили, не переставая. От их звона у меня волосы вставали дыбом, и я убеждала себя, что с Проклятыми мне волноваться не о чем. Сама же и не верила.

Некромант сидел в кресле у камина, глядя в огонь и знакомо глушил что-то спиртное. Вино, наверное, как мой Бес. Удивлённо обернулся, точно не был предупреждён о моём приходе. Оглядел меня с ног до головы. Отвернулся.

Я медленно подошла, не зная, как себя вести.

Нет, не вино. Наверное, арманьяк — золотистая жидкость в деревянном кубке.

Хотелось и самой выпить — полбутылки минимум, чтобы забыться.

Колдун продолжал смотреть в огонь, и я заметила, что запястья у него перевязаны.

Интересно, он поднял все трупы в городе себе на службу?

— Ваше Величество.

И, прежде чем он махнул Проклятым или зомби увести меня, встала перед креслом на колени. Совсем легко, оказывается. Тем более желаемого эффекта я тут же добилась — на меня наконец-то посмотрели с интересом.

— Если вы знаете, что сделать, — нервно произнесла, срываясь на жуткий акцент, — пожалуйста, помогите. Остановите это. Пожалуйста.

Интерес в глазах колдуна разгорелся — как огонь в камине.

— Ты сейчас просишь остановить моего сына? — хрипло поинтересовался он.

Я судорожно кивнула.

— Я давал тебе шанс уехать.

— И я уехала, — выдохнула я. — Я просила его отпустить меня. Я не хотела, я не могу...

Он не слушает меня, Ваше Величество. Я для него никто.

— Ты для него — всё, — вздохнул колдун и махнул мне. — Поднимайся. У меня болит шея — смотреть на тебя сверху вниз. Садись.

Я устроилась в соседнем кресле — неловко, на самом краешке.

— Ты боишься.

Я кивнула.

— Что тебя убьют? — спросил зачем-то колдун.

Я покачала головой.

— Я не понимаю, что происходит.

— Это? — колдун кивнул на окно. — Всего лишь небольшая провокация от Альбиона.

Будет хуже. Посмотри в огонь.

Я глянула и тут же отвела взгляд.

— Видела? — улыбнулся колдун. — И так тоже будет.

Я перевела взгляд на него.

— Но вы же...

— Я один, девочка, — усмехнулся король. — У Альбиона колдунов намного больше. И они отваливают неплохие деньги Святому Престолу, чтобы тот закрыл на них глаза. А поход на Фрэсну и вовсе приравнивают к Крестовому. Очень скоро на нас ополчится весь материк — потому что мы богаты, а у них слишком много голодных рыцарей, которые больше не могут грабить голодных крестьян, потому что грабить уже некого. Думаешь, мои щиты выдержат хотя бы сутки?

— Но почему Эдвард...

— Эдвард ещё плохо разбирается в политике, — грустно улыбнулся колдун. — И верит, что всю эту свору можно остановить, что они скорее переругаются друг с другом. Так бы и случилось, не будь у своры поводыря. Альбиона не остановят никакие спорные территории и даже золотые рудники...

— Но вы же справлялись столько лет? — пробормотала я.

— Правда? — усмехнулся король. — Знаешь, чего мне это стоило? И почему все эти барончики пытались поднять восстание, хотя я так хорошо справлялся? Кто им помогал?

Я опустила голову.

— Скажите... что-нибудь ещё можно сделать? — Или я зря слушала эту дрянную лекцию про политику?

Колдун долго молчал. Потом встал, обогнув моё кресло, подошёл к громадному письменному столу, порылся в ящичках и протянул мне маленький прозрачный флакончик.

— Предлагаете мне отравиться? — фыркнула я, смотря на флакон.

Колдун усмехнулся, точно это была хорошая шутка.

— Нет, это зелье... эликсир забвения. Заготовка. Если добавить туда твою слезу, девочка, а после вылить в вино моего сына, он забудет тебя. Навсегда.

Я застыла.

— Этот эликсир оставляет следы, а я даже сейчас не хочу поить сына этой дрянью, — спокойно заметил колдун. — Позже он может узнать, что я что-то вытащил из его памяти и заинтересоваться, что это было. И всё начнётся с начала. Поэтому ты не рыдаешь сейчас в пыточной, девочка.

— А вы полагаете, что я своего жениха этой дрянью напою? — зло отозвалась я, со всех сил сжимая флакончик.

Колдун кивнул, пристально глядя на меня.

— Потому что ты любишь его, девочка. И ещё это единственный выход. Разве не за ним ты пришла?

Не говоря ни слова, я поднялась, пошатываясь, подошла к двери.

— Тебя будет ждать карета. И уютный домик в горах, девочка. Полная безопасность, — в голосе колдуна совершенно точно слышалась усмешка. — Если ты, конечно, решишься.

***

Эдвард выглядел ужасно усталым. И зашипел, когда я, выбравшись из кровати, бросилась к нему и обняла.

— Ты ранен?!

— Нет, Котёнок, — шепнул юноша, глядя меня по волосам. — Просто устал. Я же говорил: не надо бояться.

Я прикусила губу изнутри. И, поколебавшись, сама поцеловала его — сначала легонько, робко, а потом я просто не могла остановиться.

Я люблю тебя. Господи, как же я тебя люблю.

Эд смотрел на меня уставшими, печальными глазами.

— Котёнок...

Впервые я поняла, почему он солгал мне тогда, у университета. И поняла, что он тогда чувствовал.

Чем я могу пожертвовать, чтобы ты был счастлив? Всем.

Он подхватил меня на руки и отнёс на кровать. И целовал — тоже жадно, страстно, горячо.

Но он-то не знал, что это в последний раз.

— Моя леди, моя королева, мой Котёнок, я никогда тебя не отпущу, ты будешь со мной всегда...

Мне почти хотелось вырваться, сбежать. Но не такой ценой. Не так.

Я чуть не вырвала кубок у него из рук.

Эдвард странно посмотрел на меня, когда я отказалась от своего.

— Слишком много сегодня выпила, — поспешила объяснить я. — Мне было страшно.

Он осушил свой кубок и принялся сбивчиво объяснять, что всё будет хорошо — и ни слова про бунт. Только что он очень волновался. И я уверяла, что конечно я была в порядке под охраной Проклятых.

Это был скомканный, жуткий вечер.

— Эдвард, я люблю тебя, — шепнула я, и Эд улыбнулся — радостно, впервые за вечер.

— И я тебя. Мой Котё...

Потом его глаза закатились, а дыхание выровнялось.

Я прижала руку ко рту и прикусила до крови, глядя, как он спит — такой красивый, такой родной, такой... мой.

Я ещё не верила, хотя сама, своими руками вылила этот треклятый флакон в вино.

В спальню проскользнул Проклятый и сунул мне какой-то свёрток, оказавшийся простеньким платьем — служанки, кажется. Вместе с запиской от короля, советовавшего мне скорее переодеться и поспешить.

Я содрала с себя блию и драгоценности, и гребешки — всё, кроме медальона Джоан и кольца Эда. Кое-как натянула платье, благо оно было куда проще, чем моё — слоёв меньше.

Эдвард спал, и я не могла оторвать от него взгляда. Если бы Проклятый неожиданно не подал голос: “Поторопитесь, госпожа”, так бы и стояла, как столб, до утра.

И тогда я тоже ещё не верила.

Тихий родной голос остановил меня у двери.

— Что ты здесь делаешь?

Я медленно обернулась. Надо было просто выскочить за дверь, но я обернулась.

Эд, мой Эд смотрел на меня непонимающе. Как на чужую.

— Кто ты такая?

У меня подогнулись колени. Вот тогда, под его взглядом, я поверила, что это не сон, что это ужасная, проклятая правда. Что уже ничего нельзя изменить.

Эдвард приподнялся на кровати, прищурился и громко поинтересовался:

— Почему у тебя на пальце кольцо моей матери?

Я содрогнулась. Кусая губу и пряча взгляд, изобразила неуклюжий реверанс, стягивая кольцо-венюк. Быстро положила его на столик.

Пролепетала:

— Простите, Ваше Высочество... Я уже... уже уйду.

Его взгляд преследовал меня всю дорогу до кареты.

— Господи, что я наделала?

В последний момент, прежде чем дверцы захлопнулись, в карету заскочил Бес и устроился у меня на коленях.

— Что я натворила...

Бес равнодушно глянул на меня, зевнул и, свернувшись в клубок, заурчал.

Я прикусила губу до крови.

У меня даже не осталось ничего от него. Ничего.

Что, что я натворила?!

“Кто ты такая?”

Я упала на пол и забилась головой о сиденье.

А потом, глядя на взъерошенного Беса, прохрипела:

— Всё. Теперь-то всё и правда будет хорошо?

Бес уставился на меня с непередаваемым презрением, и я захохотала.

Я смеялась и не могла остановиться

Карета ехала по укутанному снегом лесу, всё вверх и вверх. И никто нас уже не догонял.

Больше было некому.

Ну я и дура. И, чёрт возьми, это правда. Почему я поверила — кому! — королю? Он же хотел меня убить — два раза. И всё равно, чуть что — прибежала к нему, поджав хвост.

У кого я помощи просила?!

А если бы никакого домика в горах не было? Если бы меня просто отвезли подальше, прибили — и никаких проблем? Кто я такая, чтобы король-колдун держал слово? У меня был только один защитник в этом дурацком жестоком мире. И я сама, своими руками его лишилась.

Ну и кто я после этого?

Дом, слава богу, был. Колдун так или иначе слово держал — меня везли всю ночь, но в итоге выгрузили не на укромной поляне в лесу, где труп закопать удобно, а в живописном, тихом-тихом ущелье. И жить мне предстояло не в какой-нибудь хижине, а в полноценном коттедже — жутко дорогая, кстати, штука даже по местным меркам.

Меня оставили на крыльце, выдали ключи и спустя минуту всадников с каретой и след простыл. Я стояла, ёжась на ветру, и непонимающе смотрела на открытую калитку.

Бес сориентировался первым. На красоты природы ему было плевать — громадные, до небес каменные стены гор и неподвластная льду река где-то внизу кота не впечатлили. Встряхнувшись, Бес чинно перекатился через порожек — первый, как и положено истинному коту.

Я в последний раз непонимающе огляделась и, придерживая подол, шагнула следом.

У дома имелся неплохой садик — даже с собственным прудиком и ручьём, от которого поднимался пар. Я подошла ближе и тепло горячего источника мягко дохнуло в лицо, точно ластящийся зверёк.

Ух ты. У меня есть свой термальный источник.

На самом деле это решало уйму проблем. В доме не было слуг, и я в жизни не смогла бы, наверное, даже ванну сама набрать. Здесь это и не требовалось — в подвале, больше похожем на пещеру, имелся бассейн с тёплой водой. Пахла она, правда, тухлыми яйцами, да как сильно... Но я принялась. Правда, не сразу.

Всё это я рассматривала на следующий день, да и то не слишком тщательно. Не знаю, как тогда, ночью, добралась до спальни, но я рухнула на кровать, как подкошенная. И спала, кажется, весь следующий день. Потом немного осмотрелась и снова спала. Потом металась по дому, словно в клетке, то плача, то смеясь в истерике. Потом силы кончились, и я просто спала. Наверное, было ещё очень много “потом” и все они слились в один тусклый калейдоскоп у меня перед глазами.

Где-то там, за горами наступало Рождество. Я вспомнила об этом где-то в промежутке между сном и явью, но мысль не вызвала никакого отклика. Наверное, Эдвард праздновал вместе с новой невестой. С Джоан, скорее всего. Наверное, без меня он был счастлив.

Вот эта мысль заставила себя хорошенько и качественно пожалеть, но всё в итоге закончилось тем же — сном.

Я была не только глупа, но и не приспособлена жить одна. Я привыкла, что за мной ухаживают и следят. Одной мне пришлось бы делать всё самой, и я была к этому совершенно не готова.

В очередной раз меня разбудил жар. Я хорошенько пропотела, прежде чем проснуться, и попыталась во сне скинуть меховую накидку. Не вышло, заколка-брошь оказалась слишком жёсткой, я укололась и проснулась.

Я всё ещё была в спальне, но, конечно, не во дворце, как мне снилось, а всё в том же

горном домике. Но кто-то растопил камин, и от огня по стенам и потолку скакали густые тени, яркие и гротескно-жуткие.

На кровати рядом сидел Бес, и больше никого. Я попыталась было сосредоточиться на мысли, кто же мне так с камином помог, но не вышло. Я просто избавилась от накидки, закрыла глаза... и получила пушистой лапой по щеке.

— Проснись, лежебока.

Я открыла глаза, посмотрела на распушившегося котёнка. И снова закрыла.

— Вставай, рохля! — повторил тот же голос, и я вздрогнула.

Глаза пришлось открыть снова. Я огляделась, ища, кто же со мной так общается. Голос звучал странно знакомо.

— До тебя ещё и доходит долго. А ну подъём! Живо! Ну, чего уставилась? Подъём, я сказал!

Я внимательно осмотрела Беса, особое внимание уделив рту, который двигался явно в такт словам.

— О. Ты разговариваешь.

— Я тебе сейчас ещё и спою, — пообещал кот, и я улыбнулась, вполне уверенная, что это тоже часть сна.

— Серьёзно? Давай.

Кот ощерился, нырнул куда-то вниз, под кровать и, когда я снова задремала, выплюнул мне прямо под нос... мышь! Здоровенную, придушенную, но от того не менее бойкую. Первое, что зверюга сделала, освободившись — бросилась в мою сторону.

Я боюсь мышей. С Заглеса, где пугала их с крысами, и где и те и другие властвовали над чумным городом. Так что меня (и мышь) смело с кровати в мгновение ока. Выпутавшись из одеяла, полога и, кажется, гобелена, мы бросились в разные стороны, вопя, как резаные (у меня особенно хорошо получалось).

Меня остановил смех — человеческий.

Бес, катаясь по кровати, дрыгал лапками и бессовестно хохотал — по-человечески.

Я выпустила подол и, пошатнувшись, схватилась за пыльный сундук — чуть на него не упала.

— Ты...

Смех оборвался.

— Значит так, — объявил кот, садясь и обмахиваясь хвостом. — Сейчас быстро находишь ключ и открываешь мне погреб.

— Какой ключ? — опешила я.

— От погреба, — закатил глаз кот.

— Э-э-э, — выдала я, всё ещё озираясь и пытаюсь понять, что это за розыгрыш. — Ты... м-м-м... разговариваешь?

Бес угрожающе заурчал.

— Серьёзно? — тряхнула головой я. — Ты? Кот?

Урчание прервалось жутким “вжжиик!”, когда кот ввинчивался в воздух и ракетой пытался спикировать на меня. Я отшатнулась, кот промахнулся, снова прыгнул... В общем, таким макаром мы добрались до входной двери, а там и до садика.

Я вывалилась в снег и забарахталась, пытаюсь встать.

— Вот, освежись, — буркнул кот. — Может, хоть мозги включатся. Должны же они где-то быть в этой белокурой головке? Раньше-то ты думать хоть немного умела.

— Раньше? — отплёвываясь, пробормотала я. Сейчас голос казался особенно знакомым.

Голос, а ещё сильнее — интонации.

Бес, фыркнув, потрусил к порогу.

— Так ты что... не кот? — осенило меня.

Бес обернулся и одарил меня очень красноречивым взглядом.

— Святые угодники! Ну конечно, нет! Где ты видела говорящих котов?

— Да кто его знает, что вы в этом мире напридумывали, — выдохнула я, наконец-то подымаясь. — Ну, кот... И кто же ты?

Бес попятился.

— Спокойно, девчонка, спокойно. Открой мне погреб, и я от тебя отстану, хорошо?

— А зачем тебе погреб? — поинтересовалась я.

Кот воровато оглянулся. Да, когда на тебя надвигается двуногая махина, только что извалявшаяся в снегу да и раньше бывшая, мягко говоря, не в настроении... Ты, по крайней мере, задумаешься, а не пора ли сматываться?

— Пить. Я чую там вино. И очень неплохое, — отозвался, наконец, Бес, видимо, решив, что я не такая уж страшная угроза. Зря. — Коль уж ты решила помереть голодной смертью, не вынуждай меня...

У меня на руках были перчатки, меховые, так что эта бестия ничего серьёзно мне сделать не могла.

Но очень старалась.

— Напиться решил? — ласково пропела я, макая зверюгу в снег, благо сугробы этой зимой удались на славу. — Голодный, да? Винца вкусить решил?

Кот урчал, вхолостую (в большинстве) махал лапами (боже, какие у него когти...), кусал перчатки, потом орал.

Когда у меня засветился амулет Джоан, в голове шевельнулось очень неприятное подозрение. Вопящий кот его только подтолкнул.

Я вздёрнула Беса за шкурку и душевно поинтересовалась:

— Метаморф ты, да?

— У-а-а-а! — воскликнул кот.

Я, пользуясь правом сильной (похоже, только на данный момент), тряхнула его ещё раз.

— Молчишь?

— А-а-а-а!

Я тряхнула в третий раз и уже подумывала, как в русских сказках, огреть котяру о землю — у нас в России порядочные говорящие коты от этого очень неплохо в добрых молодцев превращаются. В сказках. Но нащупала ключи на поясе и передумала.

— Тогда я буду топить тебя в твоём любимом вине.

Кот опешил настолько, что даже заткнулся.

Дорога в погреб нашлась быстро, с ключом, правда, пришлось повозиться. Да, и темно там было, не гори медальон Джоан, заблудилась бы и испугалась. А так — просто сбегала в спальню за свечкой, когда поняла, что в погребе туго с освещением.

— Извращенка! — заорал кот, когда я примеривалась, как открыть ближайший бочонок. Краник-то у него был, да, но мы ж не ищем лёгких путей. Да и топить в кранике проблематично. — Ты что творишь?!

— Вуаярист, — отозвалась я, вспомнив, как я с этим котярой в одной кровати спала.

— Сноб! — не остался в долгу кот, и я вздрогнула. Ругались мы по-русски.

Не может быть...

— Пусти! — проорал кот и задёргался.

Я машинально его тряхнула, прижала к стене... а спустя мгновение (между прочим, без всякого дыма и других спецэффектов) обнаружила, что держу за шею мальчишку в жутких, страшных даже на вид лохмотьях.

Мальчишка дёрнулся, я от неожиданности его выпустила, но когда этот паршивец вознамерился сбежать, заломила руки за спину (у кого нет младшего двоюродного брата, тому не понять всей переплести ощущения, когда тебя пятнадцать, а этому негоднику пока десять, и ты, чёрт возьми, всё ещё сильнее. Особенно, когда до этого паршивец пошуровал в твоей косметичке).

Мальчишка стукнулся о бочку, ахнул и совсем по-кошачьи зашипел. А я наклонилась, рассматривая его лицо.

Как и голос, оно было знакомым. Очень.

— Ну, чё уставилась? — буркнул “кот”. — Я это, я.

— Ты — это кто? — уточнила я.

Мальчишка закатил глаза — один подбитый — и завопил:

— Господи, убей идиотов!

У меня дрогнули руки. Что бы местный да стал так богохульствовать?!

— Знаешь, — тихо начала я. — Ты мне крайне напоминаешь одного... ммм... демона...

Проклятого, который заключил со мной...

— Договор! — воскликнул пацанёнок. — Я это, я!

Я отшатнулась, обалдело глядя на него, а мальчишка расправил плечи и выдавил:

— Я тут тоже договор заключил.... Кое с кем. Так что я теперь живой. И не демон.

— Не демон, — протянула я.

Мальчик зыркнул на меня и, сорвавшись с места, ракетой бросился к двери.

— А ну стоять! — отмерла я. — Щас ты мне за всё ответишь! Помнишь, как с де Лашете подставил?! Чёрный! Стоять!!

***

— И у меня есть имя, девочка, — сообщил закутавшийся в покрывало мокрый мальчишка. Нет, я не искупала его в вине, как обещала. Но в пахнувший тухлыми яйцами бассейн всё же запихала.

— Угу, — отозвалась я, рассматривая его в неровном свете камина. — У меня тоже.

Мальчишка... он действительно только напоминал Чёрного. У того даже в образе человека оставалось нечто демоническое. Не знаю, что. Сейчас же передо мной сидел именно человек. Он дрожал от холода и кутался в покрывало, и с мокрых кудряшек у него капало, и он смахивал чёлку со лба, когда она падала на глаза. Не могу представить Проклятого таким.

Так вот, мальчишка задумчиво поглядел на меня в ответ и буркнул:

— Ален.

По-французски (или по-фрэнсийски?) это звучит немного не так. Круче, мужественнее — “А-лэн” и заканчивается на носовую гласную, от которой дёргается загадочная увула и немного немеет нёбо — да, всё это тоже придаёт шарм. Это я к тому, что мокрый, похожий на дрожащего воробушка мальчонка на “А-лэна” не тянул никак.

И он, похоже, это знал, потому что тут же набычился:

— Только улыбнись, девчонка. Ну!

— Меня зовут Катя, — усмехнулась я, поборов протвиеоеетественное желание протянуть руку и погладить влажные вихры. — Катрин, если хочешь. Мне всё равно.

— ...только не называй Котёнком, — вставил мальчишка, возвращая мне усмешку.

— Лучше не стоит, — кивнула я.

Мальчик... Ален глянул на меня исподлобья и вдруг выдавил:

— Спасибо.

Я вскинула брови.

— За что?

— Ты спасла меня. В Азвонии, — опустив голову и не глядя на меня, прошептал мальчик.

— А ты меня убил во Фрэсне, — хмыкнула я. — Квиты?

— Я был демоном! — вскинулся он, шмыгая носом. А я вздрогнула, поймав себя на мысли, что боюсь, как бы этот чудик не простудился. С каких это пор у меня проснулся материнский инстинкт? — И если ты была настолько глупа, что заключила договор с демоном, то уж извини — пеняй на себя.

Я хмыкнула. Ясно было, что извинений я не дождусь. Да я уже была и не уверена, а нужны ли они.

— Может, тогда объяснишь, почему я жива? Если уж ты выполнил свои условия и вернул Эдварда.

Ален провёл пальцем по полу — проследил какую-то трещинку — и поднял голову.

— Хорошо. Но ты меня, наконец, накормишь.

Я сама почувствовала голод, стоило ему это сказать. Сколько я уже не ела?

Ален улыбнулся, когда мой живот издал этот жуткий, смущающий звук, сообщающий, что голод не тётка и пора бы подкрепиться.

А я, вставая, вдруг поймала себя на мысли, что у Алена красивая открытая улыбка. У демона она тоже была красивой, завораживающей. Но от неё не замирало в груди, никогда.

С едой возникли проблемы. Мы нашли кухню, там даже были припасы и даже не успевшие ещё стухнуть. Но плита топилась дровами и... поверьте, вы не хотите знать все прелести готовки на дровяной плите. Нет-нет.

В итоге мы обошлись для начала мочёными яблоками и вином с травами, которое я с трудом подогрела. Зато бледный мальчишка наконец-то раскраснелся.

— Да, я метаморф, — бормотал он с полным ртом. — А ты знаешь, как тут любят метаморфов? Нас все ненавидят — даже другие маги. Особенно другие маги. И мы тоже. Когда я... когда меня не стало, я ненавидел их всех так страстно, я так хотел отомстить, что когда смог выбирать — а я знал, когда выбирать, Катя, не то что другие люди — туннель света или что вы там все видите? Я знал, когда выбирать и что выбирать. И я отомстил — первый счастливый момент в моей жизни... не-жизни, конечно, — тут он покосился на меня и выпалил. — Я не жалуясь, Катя, не думай. Просто ты не представляешь, как это паршиво знать, что ты можешь на самом деле и позволять всяким садистам пользоваться тобой как... — он уставился куда-то в угол, в темноту и лишь спустя какое-то время продолжил. — Я знал, что договор с тобой будет не просто очередной рутиной. Я знал, что на тебе можно сорвать хороший куш — не знал, почему, но понимал, что выиграю больше, чем выторгую у тебя. Так и случилось. Это всё некромант, у них у всех есть эта чёрточка, эта слабость, которую они так тщательно прячут и которая подводит их в самый ненужный момент. Дерик знал о нашем с тобой договоре и в шутку, напившись, пообещал мне одно условие — если ты

согласишься умереть за его сына, я верну тебя в твой мир, а Дерик договорится с Той Стороной за меня. Так и вышло — твоя душа на мою жизнь. И смерти всех заговорщиков де Лашете в залог.

Я присвистнула.

— То есть моя душа со мной?

Ален улыбнулся, и тень бывшего демона промелькнула... но быстро исчезла.

— Да. Так я снова стал живым. Но я забыл, не учёл, что умер десятилетним мальчишкой и на земле современной Азвонии. Адриана, в замке которой я появился, когда договор вступил в силу, была очень, очень довольна.

Я поёжилась, поймала взгляд Алена. Мальчишка вздрогнул и быстро отвернулся.

— Я смог сбежать, только когда появилась ты. Порталы — всегда громадный всплеск энергии, мои цепи на мгновение исчезли. Мне хватило. Но далеко уйти не получилось — дальше ты знаешь. Честно, Катрин, я не поверил своим глазам, когда тебя увидел. Думал, это морок Адрианы.

— Что же переубедило? — хмыкнула я.

— Её морок никогда не стал бы тыкать мне в глаз раскалённой шпилькой, — с убийственной честностью ответил Ален.

Я поёжилась и с трудом выдавила:

— Я тебя лечила.

— Угу, заметил, — мальчишка потёр глаз. — Ты как на кухне неумеха, так и в целительстве... Но я всё равно тебе благодарен — без тебя я бы погиб.

— Если бы я знала, что это ты, — начала я, но осеклась, глядя на него, такого маленького, такого жалкого, несчастного...

Ален кивнул, поняв меня по-своему.

— Я знаю. И всё равно.

— Что теперь делать будешь? — спустя паузу поинтересовалась я.

Ален пожал плечами.

— Пока останусь у тебя, — и, улыбнувшись, подмигнул. — Ты не против? Твой дом защищён так, что никакая тварь не доберётся, кроме самого Дерика. А потом — посмотрим.

Я кивнула.

— Если хочешь, потом я мог бы отправить тебя домой, — предложил вдруг мальчик, и я уставилась на него. — Да. Я могу. Я же метаморф. Мы многое можем. На это требуется силы, на портал, но я всё-таки перед тобой немного в долгу, так что...

Я медленно кивнула.

— Да. Конечно.

Домой — а что мне ещё остаётся? Эдвард...

— Про принца своего думаешь? — ухмыльнулся Ален. — Я всё не устаю восхищаться, как тебя король-то развёл, как дуру малолетнюю.

Я вскинулась.

— Что?!

— Ну как же, — продолжал улыбаться маленький паршивец. — Вычеркнуть тебя из жизни ненаглядного сына — его слабости, его ахиллесовой пяты... Дерик здорово сыграл на твоей любви, не удивлюсь, если даже бунт был подстроен. Теперь парочка маленьких побед — он это умеет, Дерик, уж поверь мне — и договор с Альбионом у него в кармане. А тебя, девочка, наверняка объявят ведьмой, окрутившей его невинного бедного сыночка — но

ничего, милая Джоан позаботится о благополучии жениха...

— Прекрати! — рявкнула я, вскакивая. — Я всё равно тут не к месту, я только несчастья приносила, я...

— А ты попробовала стать к месту? — хмыкнул Ален. — Ах, меня тут не уважают, бедная я бедная, но ничего, давайте я отдам вам последнее, что у меня есть — любовь прекрасного принца, и вы будете счастливы, а я буду страдать в дали, но я же такая добрая, я вовсе не шлюха, посмотрите, я даже монашка, я...

— Умолкни! — прорычала я, не двигаясь, впрочем, с места. — Это не мой мир, это не моя сказка, это...

— Да нет, Катенька, — снова улыбнулся мальчишка, и его улыбка — единственное, что не позволило вцепиться ему в физиономию прямо сейчас. — Это твоя сказка. И это твой конец. Не “жили долго и счастливо”, а “и мучилась она в глуши, потому что была дурой”. Что? Не так? — и, в свою очередь вскочив, бросился ко мне. — Тебе в голову, девчонка, не приходило, что счастье ни на кого просто так не сваливается?! За него надо бороться — даже в сказках, Катенька, даже в сказках героини живут “долго и счастливо” после испытания и живой, и мёртвой воды! Что? Не задумывалась? Нет, ты решила проехаться на шее своего Эдварда, а когда он, бедный, выдохся, ты его предала — не задумываясь!

— Нет! — я почти кричала. — Я его спасла! Они воевали из-за того, что он выбрал меня, я могла разрушить всё, что он любил, я...

— Ты его бросила! — выплюнул мне в лицо мальчишка, и я отшатнулась. — Бросила! Помнишь, как он бросил тебя в твоём мире? Так вот, ты поступила так же!

У меня подогнулись колени, и я упала на пол, сражённая этой простой мыслью.

— Тебе тогда ой как не понравилось, правда? — добивал меня Ален. — А теперь ты поступила точно так же! Как я сказал — дура.

— А что я могла сделать? — жалко пролепетала я.

— Что? — фыркнул мальчишка. — Включить мозги. Бороться. Соответствовать. Святые угодники, Катя, у тебя было всё — всё! Я в своё время даже мечтать о таком не мог... Ты же как сыр в масле каталась. И ты всё прошляпила. Дура.

И, отвернувшись, бросив на меня последний уничижительный взгляд, ушёл, оставил одну, на полу, раздавленную его словами.

Не знаю, сколько я так сидела, но, наверное, долго. Сумерки сгустились, превратившись в чернильную зимнюю ночь. Где-то шумел ветер — где-то далеко, плакал на разные голоса. Но здесь было тихо, и, если прислушаться, можно было даже различить тихий шорох лежащих на подоконник снежинок.

Откровение на меня так никакое и не снизошло, да я и не надеялась. Просто после слов Алена, слов, повторивших то, что и так в глубине души знала, вдруг всё стало понятно.

Помню, я дрожала от злости. Или от холода — да так, что с трудом смогла встать.

Зато задремавшего в спальне мальчишку ждала весёлая побудка.

— Ты же маг?! — я была в том состоянии, когда говорят только восклицаниями. Причём минимум с тремя знаками. — Ты же маг?!!

Забавно, но бывший демон чуть было не сделал рукой расхожий здесь жест — “чур меня”.

— Д-д-да...

— Тогда помоги мне!!

— К-к-как?!

— Расколдуй Эдварда!!!

— Катрин, ты головой ударилась? — совершенно серьёзно спросил Ален. — Ты его зельем забвения напоила. Причём сама, что тоже влияет. Что ты от меня хочешь?

Я его отпустила — отшвырнула к стене — и забегала по комнате как умалишённая.

— Но должно же быть противоядие!

— Нет от него противоядия, — вздохнул мальчик, потирая затылок. — Катька, успокойся, прими уже как данное: тебе нужно найти другого жениха. Я верну тебя домой, всё образуется...

— А-а-а-а!!!

В комнате было мало мебели — такой, что можно легко сломать. Но гобелены я в камин отправила, попутно попытавшись порвать. Тряпки же.

Боже, тут даже тряпки не убиваемые.

— Ладно, — пробормотал вдруг Ален, и я тут же заткнулась, с надеждой глядя на него. Мальчишка продолжил, гипнотизируя пол, — есть слабая надежда... если акнолию для настоя собирали не в новолунье, что, вообще-то вряд ли... в общем, если в течение трёх месяцев твой Эдвард снова в тебя влюбится, он всё вспомнит. Нет — значит нет.

На мгновение у меня камень с души упал... потом обратно поднялся.

— Как он меня полюбит, если я сижу здесь?

— Хор-р-роший вопрос, — фыркнул Ален.

Я снова забегала по комнате.

— Надо отсюда выбраться...

— Тебя сторожат демоны, девочка, — тоном “я беседую с идиоткой” сообщил Ален. — И даже если по счастливой случайности ты доберешься до дворца, твой принц будет уже женат и уж тем более не обратит на тебя внимания, он же благородный и даже мысли не допустит об измене. Поверь, я на таких святош насмотрелся. Тем более, кто знает, что он ещё вместе с тобой забыл? Может, ему вообще мозги промыли? И да, Дерик от тебя тут же избавится, стоит тебе выйти за пределы этого ущелья. Просто, чтобы не мешала. И укромным домиком ты уже не отделаешься.

— Тогда что мне делать? — простила я.

Ален развёл руками.

— Понятия не имею.

Я упала на колени и спрятала лицо в ладонях.

— Катя, — спокойно позвал Ален какое-то (долгое) время спустя. — Если ты вдруг станешь королевой, если это чудо произойдёт, что ты сможешь мне предложить?

Я повернулась к нему, не понимая, шутит он или говорит серьёзно.

— Что ты хочешь?

— Свободу, — отозвался Ален, внимательно глядя на меня.

— Ты получишь всё, что угодно, — выпалила я, подаваясь вперёд. — Ален, пожалуйста...

— Никогда так не договаривайся, девочка, — усмехнувшись, прервал меня бывший демон. — В пожизненную кабалу попадёшь... Ладно. Я тебе помогаю, и ты делаешь так, чтобы моя дальнейшая жизнь была максимально комфортной. Я не попрошу ничего сверхъестественного. Лабораторию, состояние...

— Ален!

Мальчик окинул меня долгим взглядом и покачал головой.

— Какая же ты ещё дурочка, Катя... Хорошо. Приблизительно через две недели я открою портал и ты вернёшься к своему принцу, — и, прежде чем я успела обрадоваться, добавил. — Но до этого тебе придётся поработать. Что бы ты ни думала, принц никогда не обратит внимания на такую, как ты сейчас.

— Но раньше же... — начала я, но Ален надменно перебил.

— Раньше так сложились обстоятельства. Сейчас... Сейчас ты должна стать настоящей леди, чтобы он хотя бы посмотрел на тебя. Поверь, я знаю, о чём говорю

— Леди? — пробормотала я.

— Именно, — ухмыльнулся Ален. — И мы её из тебя сделаем.

***

Ален слёг с простудой на следующий же день. Потом она плавно перетекла в грипп или в бронхит или вообще не знаю во что — он кашлял, не переставая, задыхался и кашлял...

Я поила его подогретым вином и училась справляться с печкой. Это были жуткие дни — я чуть не спалила дом. Не будь он каменным, мы бы точно превратились в погорельцев. Но потом стало легче — может, я перестала бояться или просто было уже всё равно, но после сожжённой каши и выкипевшей похлёбки я всё-таки смогла соорудить нечто съедобное. И с каждым разом оно становилось всё съедобнее.

У нас в универе говорят “practice makes perfect” — да, и дело времени, конечно. Я дни и ночи проводила или у печки, или у больного Алена и, когда мальчишка, наконец, выкарабкался, наши отношения с печкой заметно потеплели.

Ален пугал меня не меньше готовки. Болел он как человек... как ребёнок. Мой двоюродный брат, когда чуть не утопил меня в речке, болел так же — мы здорово тогда вместе простудились. Но он не кричал и не стонал в бреду и не отбивался, когда я пыталась напоить его вином с травами. У меня всё внутри замирала, когда из спальни раздавались эти крики — полные ужаса, настоящего, безрассудного ужаса. И сколько я ни успокаивала мальчишку, он только сжимался в комок — дрожащий худенький комок — и бормотал что-то на непонятном языке, и плакал. Бредил.

Я плюнула на карантинные меры и засыпала теперь, крепко прижимая к себе мальчишку, укутывая его в покрывала и мою накидку, так, что наружу торчал только нос. Ален, когда приходил в себя, пытался возмущаться, но я не слушала.

Спустя неделю этот кошмар закончился, мальчишка пошёл на поправку, но вместо того, чтобы сказать спасибо, заставил меня учить латынь. “Колдовать я сейчас всё равно пока не могу, — сказал он. — Ну и ладно. Пока научись-ка читать. Поверь, Катрин, любая леди может прочесть Библию без запинки. И ты тоже сможешь”.

Я зубрила день и ночь — незабвенная матушка герцога Руи надо мной так не издевалась, как этот кошак недоделанный. А спустя ещё неделю, когда мальчишка окреп, то стал куда-то исчезать — за ингредиентами, как он объяснял. Я не могла возражать — всё равно ничего в магии не понимала. Но когда загадочные ингредиенты были собраны, выяснилось, что нужны они для изменения моей внешности.

— Катенька, — преувеличенно ласково пел мальчик, наступая на меня с гребешком, зеркальцем и котелком чего-то оранжевого, — настоящие леди так не выглядят. Ты обязана стать ожившей мечтой, а у мечты должны быть длинные волосы.

Он всё-таки загнал меня в угол, мальчишка-маг. Амулет Джоан останавливал отнюдь не все его заклинания, особенно, когда этот паршивец окреп. Так что в итоге меня поймали, примотали к стулу и долго издевались над моими прекрасными светлыми волосами,

приговаривая: “Расти шевелюра длинная-длинная”. Я ругалась, думаю, Ален узнал много новых русских слов, но его это несколько не смущало.

С лицом, фигурой была та же история. Меня посадили на жесточайшую диету, меня заставили обливаться какой-то дрянью и есть какую-то дрянь, но результат превзошёл все мои и, кажется, Алена, ожидания.

В более-менее приличное зеркало, которое Ален тоже откуда-то притащил — как бы не из моего мира, кто его, метаморфа, знает? — на меня теперь смотрела фея. Серьёзно, феечка с длинными волнистыми кудрями до колен (обалдеть), с осиной талией (как она только такую грудь выдерживает?), светлокожая (бледнокожая, я бы сказала), и с такими точёными чертами лица, будто их какой-то кубист ваял.

— Господи...

— Не дрейфь, Катька, — фыркнул Ален, швыряя в меня кулёк одежды. — На вот, примерь.

Одежда была женской, дорожной и явно когда-то принадлежала минимум герцогине. Сама я одела её кое-как, но Ален заявил, что так даже лучше.

— Значит так, Кать, завтра твой принц охотится в Сассексе, там у графа чудесные лесные уголья. А ты будешь случайно проезжать мимо... или попадёшь в портал... и по ходу дела на тебя нападут разбойники.

— Настоящие? — испугалась я.

— Нет, — вздохнул Ален. — Я на тебя нападу, хочешь? Ну вот, и когда эти охотнички выедут, кидайся им под ноги. Только не голоси, леди не кричат. Леди вежливо просят о помощи. Поняла меня?

— Угу, — мечтая вцепиться ему в ухо, отозвалась я. — А ты где будешь?

— В твоём декольте, — ухмыльнувшись, ответил мальчишка и взвыл, когда я всё-таки цапнула его за ухо. — А чего ты хочешь? Я снова превращусь в кота, стану невидимым и прикинусь твоим воротником. Катя, пусти ухо! Ты ж пропадёшь без меня, дурында!

— Ещё раз... меня... обзовёшь... вообще без ушей останешься! — пропыхтела я.

— Ладно-ладно, — откликнулся Ален, и я его отпустила. Потирая ухо, мальчишка продолжил:

— Попытайся охмурить своего Эдварда сразу — но не как вы у себя это делаете. Помнишь: леди никогда...

— ...не навязывает своё общество, — передразнила я. — Помню я, помню. А это, — я дёрнула себя за волосы, — когда закончится?

— А это надолго, — “успокоил” меня Ален, на всякий случай отбегая подальше, — зато все будут уверены, что ты настоящая...

— Заткнись!

***

Вот так я попала в лес графа Сассекса — чтоб ему пусто было и черти на его могиле польку сплясали.

Кот у меня на плече был именно котом — за те две-три недели Ален отъелся и превратился уже в не забитого котёнка, а матёрого кошака, грозу ближайших подворотен. Глаз у него прошёл, порванное ухо — тоже, шерсть лоснилась и пушистилась — крутой кошачий обольститель получился. На плече “обольститель” повис тряпкой и давал мне дельные советы едва слышным шёпотом. Сначала — шёпотом. Потом мы спорили уже в голос — я брела по этому чёртовому лесу уже часа два и пока никаких охотников не

встретила. И вообще никого не встретила, и во-о-обще, не перепутал ли этот негодник лес?

“Негодник” огрызался, уверяя, что он порталы всегда ставит правильно, и знаю ли я, как трудно было обойти защиту сторожащих меня демонов и не всполошить некроманта?

Плевать я хотела на защиту, демонов и магию, я желала увидеть моего Эдварда, но пока передо мной были только деревья и сугробы по колению. Чудеса фрэснийской природы.

Ален в полголоса называл меня капризной, косорукой неумехой, а я примеривалась запустить им в ближайший сугроб, когда из-за дерева выглянул олень. Красивый, стройный, элегантный... такой... олень.

Я замерла, кот заткнулся, олень потянул носом и заглянул мне в глаза. Наклонил голову, дёрнул ухом, снова потянул носом и бросился наутёк. А тихий, спокойный лес вдруг взорвался собачьим лаем и пением рожков.

Я знала, как тут охотятся. Хорошо помнила кабана, который чуть не убил Эда, и загнанного тогда же оленя. Но я была верхом и под охраной, а собаки — далеко и внизу.

Сейчас эти твари — здоровенные мастифы, сбитые, крепкие с огромными клыками и ростом в пол меня — вынырнули точно из ниоткуда и всей стаей бросились на меня.

Я боюсь собак именно с тех пор. И ни о какой охоте никогда, даже речи нет...

Тогда меня парализовало от ужаса. Ален у меня на плече замер и качественно прикинулся воротником, а я... всё, что я смогла сделать — отступить на два шага, запутаться в подоле и упасть, прижимаясь спиной к дереву.

И да, я не кричала — не потому, что настоящие леди не орут от страха, нет, у меня просто голос отнялся. Да что там, я даже рот открыть не могла, а самый быстрый мастиф, скаля пасть, бросился на меня... Я зажмурилась и, может даже на минуту потеряла сознание, потому что когда открыла глаза, собак рядом уже не было — они лаяли где-то неподалёку, но рядом их, слава богу, уже не было. Зато надо мной склонился... нет, не Эдвард. Молодой мужчина, темноволосый, светлокожий, вполне симпатичный — по-мужски, хоть по отдельности черты его лица были абсолютно неправильные — слишком узкий нос, слишком тонкие губы, слишком высокие скулы... Но вместе всё это смотрелось приемлемо, но не настолько, чтобы поразить меня в самое сердце. Сомневаюсь, что что-то вообще могло поразить меня тогда — после собак-то. Я непонимающе уставилась на незнакомца и только спустя какое-то время осознала, что он интересуется, кто я такая.

Рот у меня по-прежнему не открывался, и вообще я двинуться не могла, а незнакомец смотрел на меня... опасно, по-мужски, пока я оглядывала его дорогой охотничий костюм... брильянты и изумруды... меховой плащ...

— Катька, — позвал на ухо Ален. — Уже пора отмирать и сказать что-нибудь. Сообщи этому лордику, как ты счастлива, что он тебе помог, и поинтересуйся, где очутилась.

Я, наконец, открыла рот, но не смогла выдать ни звука.

— Ну хоть сознание потеряй, — шепнул кот. — Сделай уже что-нибудь!

Я только-только собиралась красиво распластаться под деревом, когда этот... лордик... которому, видимо, надоело стоять, подхватил меня на руки и потащил к струдившимся неподалёку всадникам. И собакам!

— Катька, не дёргайся! — увещевал кот, нажимая мне лапами на шею. — Катька, не надо! Сейчас он тебя в седло посадит и всё. Слышишь? Успокойся!

Меня действительно усадили в седло, вскочили следом и, интимно так прижимаясь, глубоким голосом поинтересовались на ушко: “Леди, вы в порядке?”

Нет!!!

— Д-д-да, — заикаясь и дрожа, отозвалась я, встречаясь с лордом взглядом. Тут мне поплохело окончательно: когда мужчина так смотрит на женщину, а та находится лишь в нескольких сантиметрах от него... в общем, всё понятно. Мне, по крайней мере, было понятно, и если я не пришпорила лошадь тут же и не свалилась, то только из-за того, что рядом раздалось:

— Роберт, тебе повезло поймать лесную фею?

А вот это был уже Эдвард. Я вся вывернулась, чтобы увидеть его, наконец. И дальше только смотрела, не слушая, как Роберт со смешком объяснял, как нашёл меня во-о-он под тем деревом, куда “лесную фею” загнали собаки... Я смотрела на Эдварда — родного и незнакомого одновременно. На нём был тёмно-зелёный охотничий костюм, украшенный капельками изумрудов, богато отделанный мехом и прекрасно гармонирующий с длинными, до плеч, золотыми волосами, в которых сейчас брильянтами таяли снежинки. А на левой щеке, ближе к уху, появился тоненький, еле заметный шрам, и я прикипела к нему взглядом, не понимая, откуда он взялся. Он не портил Эда, совершенно, просто с ним Эдвард выглядел ещё дальше, ещё незнакомей, ещё холоднее.

Кажется, мне задали какой-то вопрос — в очередной раз — или Эд заметил, что я смотрю. Наши взгляды встретились, и я замерла, не реагируя даже на назойливое шипение Алена. Это было очень быстро — Эд просто мазнул по мне взглядом и снова посмотрел на этого Роберта позади меня, и это заставило прийти в себя — у меня даже голос прорезался. Это, а не крики Алена: “Катька, очнись!”.

Я, заикаясь и дрожа и вообще изображая из себя бедную родственницу, поведала хорошо отрепетированную историю о нападении разбойников, среди которых был маг, и да, кажется, это были азвонцы и да, эти мерзавцы украли мою карету и украшения, перебили рыцарей из моего сопровождения и в итоге я ещё и в портал угодила, так что не скажут ли благородные лорды, кто они такие и где я нахожусь?

Моя речь произвела фурор у всех — к этому времени к нам присоединились отставшие охотнички, тоже какие-то там лорды. Мне представили Эдварда, и я по совету Алена попыталась упасть в обморок от счастья, пролепетав “Ваше Высочество”. Ещё кого-то представили и, наконец, Роберта, оказавшегося тем самым графом Сассексом.

— Прекрасная леди, будьте гостьей в моём доме, — что-то такое он мне сказал, так улыбаясь, что я захотела выбить ему зубы в ту же минуту, пусть леди так и не делают.

Ален увещевал соглашаться, и я старательно повторила все цветистые фразы и, кажется, окончательно покорила графа. Его, а не Эдварда, даже не глянувшего больше в мою сторону.

— Катька, кончай пялиться, вообще закрой глаза, ты же испугана, — шипел Ален, пока мы скакали через заснеженный лес в замок графа. — Возьми себя в руки!

— Ты сказал, он точно обратит на меня внимание, — еле слышно пробормотала я сквозь зубы. Это Алена никто не слышал, а меня — очень даже. Граф Роберт, например, тут же предупредительно поинтересовался, в порядке ли я и не стоит ли остановиться — вдруг у меня голова закружилась?

— Да я понятия не имею, почему это не сработало! — прошипел Ален, когда я уверила Роберта в своём улучшившемся самочувствии. — В тебя влюбились все, с первого взгляда. В такую красотку-то. Того и гляди дуэли устроят.

— Но не он.

Кот фыркнул и перебрался поглубже под накидку.

— Ничего, у тебя ещё есть время. Может, он плохо тебя рассмотрел?

Я покосилась на скачущего впереди Эда, красивого, стройного, золотоволосого. И в который раз обругала себя идиоткой.

Ничего, за своё счастье надо бороться. И я буду!

Трепещите.

Глава 6

Я постоянно попадала впросак.

Начать с того, что на лошади я ездить как не умела, так и не научилась (я молчу про кошмарное дамское седло — феминисток на этих средневековцев нет!). А леди ездят на лошадях ровно, грациозно, легонько держась за поводья, и способны усидеть в седле, даже если лошади почему-то не понравился камешек на дороге, или она вязнет в грязи, или (если это конь) ему понравилась кобылка, скачущая неподалёку. Или что ещё взбредает в голову этим бестиям? Но — леди всегда усидит в седле, и будет до последнего грациозна, даже если тварь под ней выплясывает самую настоящую тарантеллу.

И уж конечно леди усидит на лошади позади всадника. Вот уж точно. Да как — грациозно, уверенно (и ни в коем случае не прижимаясь, ибо так делают только потаскушки) — в общем, чтобы всадник восхитился и пал жертвой любовных чар.

Ну вот. А теперь представьте в седле меня. Я на лошади ездила только позади или впереди Эдварда, ну или, на худой конец, привязанная к дамскому седлу чарами проклятых. К Эдварду можно было прижиматься. За него можно было схватиться и спокойно держаться, и с ним я точно знала, что из седла в жизни не выпадут. А тут... пока доскакали, я — серьёзно — вспомнила все когда-то выученные молитвы, а когда на третьей кочке испуганно пискнула, этот... Роберт так на меня посмотрел, что у меня всё внутри похолодело. А потом хохотнул и заявил:

— Моя леди, — (с каких пор я твоя?!) — может, мои собаки поймали не фею, а колдунью, прикинувшуюся прекрасной леди?

Я очумело уставилась на него, а Ален заорал на ухо:

— Смейся, дура!

— Ха-ха-ха! — ненатурально хихикнула я, думая, что, как доедем, одному пушистому монстру точно предстоит хорошая взбучка.

Граф засмеялся со мной в унисон — красивый у него был смех, да и голос тоже. Мужественный.

— Я не фея и не колдунья, — попыталась объяснить я, непроизвольно хватаясь за луку, когда лошадь снова трянуло. — Просто, на меня — всхлип, — напали — всхлип с надрывом, — и...

Лошадь снова задёргалась — точнее седло у меня под руками задёргалось, и я еле удержалась от красочного нецензурного слова (зато хорошо живописующего ситуацию).

— У вас странный акцент, леди, — заметил Роберт, успокаивая бестию под нами. — Откуда вы?

У меня акцент?!

— С севера! — заторопился Ален. — Ты с севера! С Атталии!

Я послушно повторила.

Граф удивлённо покосился на меня.

— Это очень далеко, леди, что вы делали...

Я перебила, испуганно прижала ладошку ко рту (чем весьма графа умилила) и

принялась рассказывать (внутренне посылая на него и его лошадь все кары мира), что ехала к любимому дядюшке, хотела успеть к Крещению, но...

Версия про портал всё-таки прокатила, хотя слушали меня слишком серьёзно.

— Леди, вам придётся описать напавших, — сказал Роберт, когда я закончила. — Возможно, у нас получится их найти и вернуть украденное.

Я выразила горячее желание сделать всё, что требуется, дабы наказать подлецов — но после того, как отдохну, а то я так испугалась...

Позже, когда мы всё-таки доехали (моя бедная, бедная попа, даже многочисленные юбки не уберегли её от мучений), граф отправил следопытов прочесать лес — очень его интересовало, почему мой портал открылся именно в его владениях. Я успешно строила дурочку, так что мне этот вопрос скоро задавать перестали. Слава богу.

Ален затих, я украдкой высматривала среди всадников Эдварда и старалась не морщиться — спина устала безумно и постреливала. Я боялась, как бы не застудила поясницу. А потому замок лорда Сассекса не очень-то рассматривала — сил не было. Но помню, даже так он поразил меня размерами и количеством построек. У графа ещё и большинство крестьян жили, как горожане, за стенами. Это потом до меня дошло, что, может, они так от войны прячутся. Да и зима, и в этой части как раз свирепствовал голод. Лорды, правда, им не страдали. В этот же вечер граф закатил такую пирушку в главном зале, что у меня дух захватило от разнообразия блюд — пирог с печёнкой гуся, утиные яйца в сладком соусе, оленина, запечённая в травах, пирог из куропаток, томлёная в масле свекла, сушёные сливы... Мы с Аленом, до того перебивавшиеся на моей скудной стряпне, уставились на это, как на манну небесную. “Еда”, — с наслаждением прошептал Ален, без зазрения совести вгрызаясь в отпиленный мне слугой кусок оленины.

А у меня с непривычки кружилась голова от ароматов и блеска драгоценностей знати.

М-м-м, кстати, знаете, как классно сочетаются клопы и драгоценности? Отлично. Частое мытьё и здесь, во Фрэсне, как в Азвонии, не в чести — господу просто не видят в нём смысла, а слугам лениво таскать бадьи с горячей водой. Они вообще, оказывается, ленивые, эти слуги. И пахнут, как и некоторые господа — отвратно. Во дворцах я этого не замечала, там идеальный порядок и чисто по возможности (насколько тут может быть чисто) — что во Фрэсне, что в Азвонии. А тут, в двух днях от столицы, в замке лорда Сассекса командовала его сестра, вдова с разноцветными глазами и потому почитавшаяся ведьмой. Жёстко командовала, но слуги умудрялись уваливать. “Успокойся, в ней магии не на грош”, — шепнул Ален, когда нас представили... точнее, когда меня отправили на женскую половину — в женскую башню замка. Здесь располагались все леди, служанки ютились в сарайчиках у башни — девушек в свите принца Эдварда оказалось немерено. “А чего ты хотела? — фыркнул Ален, когда меня представляли всей этой ораве. — Принц, конечно, вот-вот женится, но место его мистрис теперь не занято. Вот сиятельные лорды с дочерьми и сёстрами торопятся подсуетиться”. Я смотрела на кандидатов на роль любовницы и думала, что если кто-то из них сейчас попытается меня расцеловать, как у них тут принято среди леди, меня стошнит. Кандидатки, впрочем, отвечали такими же взглядами. Я просто читала в их глазах, как они оценивают, сколько сантиметров у меня талия, прикидывают, как долго горничная укладывает по утрам мои волосы, размышляют, чем я умываюсь, что кожа такая белая. Ибо да, Ален позаботился, чтобы я выглядела как оживший канон красоты. Местный.

“Успокойся, — увещевал мальчишка-метаморф. — Ничего они тебе не сделают. Максимум — слабительное вместе с вином подадут. Но я тебя предупрежу”. Утешил. Ещё

веселее стало, когда пришла хозяйка-графиня и устроила мне форменный допрос, замаскированный под посиделки за сладкими рулетиками. Я давилась выпечкой и на пару с Аленом врала напрапалую. Получалось неплохо, но я вымоталась окончательно и к вечеру сама себе напоминала тряпку. А уж как на меня посмотрели, когда я попросила ванну... Больше всего развеселил вопрос — а не рассталась ли я с девственностью во время нападения? (Высказанный, кстати, графиней. Она, видите ли, слышала, что именно тогда девушки чувствуют себя грязными). Я поперхнулась очередным рулетиком и с трудом смогла повторить ответ Алена — что-то про “ах, как было страшно, но закончилось всё, слава богу, хорошо”.

Слуги, кажется, возненавидели меня уже за одну ванну, но принесли и набрали, а потом одели в платье графини, широкое в талии и узкое в бёдрах и груди. Я в нём еле дышала, но приходилось делать вид, что всё отлично. А ещё убрать волосы под полупрозрачный платок. Я такой одевала только раз — когда мы с Эдом впервые гуляли по городу, где я появилась. Неудобная штука, причёска из-под него постоянно выбивается, а ещё он сваливается, но делать нечего — я же теперь леди.

Пир был кошмарен. Я сидела за “женским” столом, Эдвард — во главе “мужского”. Далеко от меня. Он прекрасно смотрелся, сидя на резном кресле с высокой спинкой, а я постоянно нервничала и ёрзала под многочисленными заинтересованными (мужскими) и ненавидящими (женскими) взглядами.

Леди, когда не прожигали взглядом меня, пялились на принца. Как мои одноклассницы — на француза Эдмунда. Выворачивались, стреляли глазками, томно вздыхали, а потом, когда начались танцы, как по команде бросились к принцу. Леди не навязывает своё общество, да? Они не навязывали, как могли бы восторженные фанатки — любимой звезде. Они просто были в непосредственной близости и постоянно попадались на глаза. Этак, ненавязчиво.

Я мрачно смотрела, как они увиваются у кресла Эда и думала: будь, что будет, но к ораве этих куриц я не присоединюсь ни за какие коврижки. Пусть Эд меня и не заметит. Но это... выше моих сил.

Ален сокрушённо попыхтел на ухо, но унялся и, кажется, задремал. Я бы тоже с удовольствием поспала — день был тяжёлым, я, к тому же, наконец-то наелась до отвала. Но, когда уже думала подремать в кресле в уголке, рядом возник граф Роберт Сассекс и принялся осыпать меня комплиментами, а потом, завладев моей рукой, повёл к “мужскому” столу.

Эдвард разговаривал с каким-то толстячком в чёрном и попутно улыбался ближайшей леди, старательно попадающей на глаза, когда меня подвели к его креслу — по этикету. Ален встрепнулся, зашептал. По его совету я изобразила сносный реверанс, но Эд снова только мазнул по мне равнодушным взглядом, быстро кивнул и продолжил беседу с толстячком. Зато Роберт, восторженно-похотливо меня разглядывая, отвёл к огромному камину (“что-то вы побледнели, моя леди) и начал болтать чепуху, попутно этак исподволь расспрашивая меня о доме. Спустя полчаса я всерьёз ждала вопроса: “На кого работаете?!” — как в шпионских боевиках, но граф неожиданно смилостивился и, усадив меня в кресло, ушёл, пообещав принести глинтвейн. Я смотрела ему вслед и видела, как он остановился рядом с Эдвардом, и эти двое принялись что-то обсуждать, посмеиваясь и улыбаясь. Роберт изредка косился на меня.

Рядом примостилась стайка леди и, не обращая на меня внимания, защебетала.

Глинтвейн и граф запаздывали, я задремала, когда до меня донеслось собственное имя на фрэнсийский манер — Катрин. По совету Алена (ну и из здравого смысла) я представилась другим именем — Аделина (Ален придумал. Долго думал, наверное). Так что звать меня так никто не мог. Но я всё равно прислушалась.

Поплохело мне уже спустя минут пять. Где-то в это время явился-таки Роберт с глинтвейном и, целуя мне руку, мягко сказал, что я бледна, как смерть, и, может, танцы меня развеселят. Да, перспектива танцевать одной (в смысле, без помощи Эда) на глазах у всех меня действительно отвлекла.

Ален вовремя проснулся — как раз началась музыка, но я не отличила её от фоновой (здесь постоянно на пирах играют — и когда едят, и когда танцуют), потому, когда все начали двигаться, я стояла, как столб, хлопая глазами. Раньше Эд подал бы мне знак, улыбнулся, пошутил. Сейчас он танцевал с блондинкой шага на два впереди. И я ничего не хотела больше, чем расцарапать курице физиономию — за влюблённые взгляды и за попытки облапать моего Эда (при мне!).

Ален заорал мне в ухо, я опомнилась и не очень грациозно принялась повторять движения, попутно пытаюсь их вспомнить. Роберт жалостливо поглядывал на меня, будучи напротив — местные танцы исполняются в два ряда — женщины и мужчины на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Ну, или в круге, но это, скорее по-крестьянски.

В общем, меня хватило только на один раунд экзекуции, и графу пришлось меня увести в укромный уголок у камина и отпаивать вином. Забавно, но очень скоро к нам присоединился раскрасневшийся Эдвард. Я как раз раскручивала Сассекса поведать мне местные сплетни — может, пригодятся, может, планы короля-колдуна узнаю... да мало ли! Информация — сила, а я месяц сидела в ущелье безвылазно. И без новостей.

Роберт, тоже раскрасневшийся, всё пытался положить мне руку — на плечо, потом съехать ею на грудь, схватить коленку (типа случайно, промахнулся, хотел кубок с подлокотника взять). Но я бдила и ничего графу не обломилось. Пока. Зато со сплетней о войне (о которой Роберт травил небылицы, ибо правду хорошеньким леди не рассказывают, не их дело — воевать) захмелевший граф перешёл на сплетни о принце, точно не замечая (а, может, и впрямь не замечая), что тот стоит рядом. Эд, впрочем, вместо того, чтобы поймать мой взгляд, вчитывался в какой-то свиток и плевать хотел на любопытных девиц и пьяных графов.

— Она ведьма, леди, — усмехаясь, заплетающимися языком шептал, подаваясь ко мне, Роберт. — Она приворотила нашего принца, да так крепко, что только с помощью нашего великого короля Его Высочество смог освободиться.

Я судорожно сжимала подлокотники и, не мигая, выжидающе смотрела на графа, а тот, кажется, решил, что это я так впечатлена. Впрочем, я и правда была впечатлена. Абсурдом.

— Она азвонка, — продолжал Роберт, всё ближе и ближе наклоняясь. — Она подцепила принца, когда он стал наследником Азвонии, а после, в угоду дьяволу заставила нашего добрейшего принца страдать — ради неё он даже отказался от азвонского престола! Зато, — выдохнул Роберт мне в лицо, и я титаническим усилием не поморщилась от запаха перегара, — что творилось у них в алькове... Леди, мне не стоит смущать ваш слух подробностями, но принц совсем потерял голову и только и мог, что мечтать об этой Катрин. Она была сильной ведьмой, и она хотела власти. Но, однажды ей надоело ждать, и она попыталась убить короля, — (я ошеломлённо распахнула глаза). — Но Его Величество победил в схватке с ней, Катрин обессилила, и её заклятье спало с принца. С тех пор, как

видите, Его Высочество сторонится женщин, — и Роберт многозначительно уставился на меня.

Я отстранилась, покосилась на Эда — тот продолжал читать — и тихо спросила:

— А что же стало с ведьмой?

— О, ей удалось сбежать, — протянул Роберт, очередной раз хватая меня за коленку. — Но когда её поймают... Принц поклялся сжечь её лично. Она будет корчиться на костре, а он смотреть... с наслаждением, — говорил граф это тоже с наслаждением, да так, что у меня кровь стыла в жилах.

— А если, — шепнула я, — если не поймают?

Роберт усмехнулся.

— Она сама вернётся. Принц проклял её, а колдуньи не любят, когда на них висит проклятье. Его Высочество проклял её при всём дворе, сказал, что она будет мучиться так же, как страдал он... будучи её игрушкой...

Я вскочила. Сил слушать этот бред больше не было.

— Леди? — удивился Роберт. — Куда вы?

— Что-то мне нехорошо, — заплетающимся языком пробормотала я. — Мне нужно отдохнуть.

Проснувшийся Ален шипел мне на ухо клише, которые тут обычно говорят в таких ситуациях — что-то про гостеприимство и прекрасный пир, но я не обратила на него внимание. Достаточно я этого борова, графа, развлекала.

Помню, слышала, как Роберт у меня за спиной ревет, требуя ещё вина, ему вторит чей-то игривый смех. Но что действительно врезалось в память — глаза Эдварда, когда я пробегала мимо. Нет, он не смотрел на меня — по-прежнему глядел на свиток. Но вряд ли он в нём что-то видел. Пустой был взгляд, стеклянный.

Если бы не Ален, вцепившийся мне в плечо когтями (слава богу, на мне было несколько слоёв сорочек и блию) я не знаю, что бы делала. Эд никогда не любил такие вот пирушки. Он явно с трудом терпел и эту. И охота наверняка была просто очередным средством в каких-нибудь переговорах. И в довершение всего он точно слышал болтовню пьяного Роберта.

А рядом с моим хрупким, мужественным принцем не было никого, кто бы его поддержал. Ни одного человека, ради которого он послал бы всю эту дворцовую чепуху к чёрту. Рыцарю, как бы увлечен подвигами он ни был, нужно место, куда хочется возвращаться. Рыцарю жизненно необходимо знать, что где-то (пусть и далеко) есть дама, которая скучает в башне и ждёт. Его ждёт.

Одиночество. Я обрекла Эдварда на одиночество.

Ален прав. Я действительно его бросила. Господи, как там дальше в молитве... в общем, помощи! Кто-нибудь...

***

В довершении ко всему меня поселили с какой-то мымрой. Вроде как комнаты свободной не нашлось, слишком много прелестниц явилось по эдвордову душу. Гадины.

Мы одинаково недружелюбно пялились друг на друга из разных углов. Девушка была темноволоса, красива, изящна и вся из себя такая вылитая мистрис, на меня смотрела оценивающе и любовно поглаживала висящий на поясе мешочек — якобы с рукоделием. Ага, такая отравит, потом только разводиться руками останется. Мда, а нам ведь предстояло спать в одной, пусть и громадной постели. Точно отравит. Или прирежет — эта может кинжал под подушкой спрятать, вполне. Вон как зыркает.

“Успокойся, сейчас я её нейтрализую”, - шепнул Алэн. Не знаю, что он сделал, но спустя пять минут брюнетка дрыхла, посапывая в подушку.

Я хмыкнула.

— А она точно не претворятся? Может, она ведьма?

Кот спрыгнул с моего плеча, с кряхтением размял лапы и целенаправленно направился к кувшину с вином.

— Не, обычная охотница за положением и богатством, — а, глотнув вина, добавил. — Ты смотри, точно отравить тебя пыталась. Сильное слабительное, — и ничто сумняшеся снова окунулся в вино.

Я обессиленно опустилась на свою сторону кровати.

— Господи...

— Не дрейфь, Катька, — булькнул кот. — Я ещё сделаю тебя королевой. Слушай, ты с тем толстяком в чёрном — помнишь, около твоего Эдварда увивался — поосторожнее, в общем. Он маг, и к тому же, альбионский посол.

— Блеск, — вздохнула я.

Кот согласно булькнул.

— Алэн, — позвала я минуту спустя. — Что мне делать? Эдвард меня не замечает. Моя внешность его не впечатлила...

— Да ты спасибо скажи, что я её так чудесно изменил, — взвился кот. — Слышала — твой любимый поклялся тебя лично на костёр отправить. Качественно ему папаша, наверное, мозги промыл. Так что, Кать, наберись терпения, освойся...

Я встала.

— Ты куда? — удивился Алэн, когда я подошла к двери.

— Осваиваться, — буркнула я.

Оставаться в комнате с пьяницей-котом и дрыхнущей соперницей было невыносимо. Я чувствовала себя, как загнанный в клетку зверь.

— Дверь потом не перепутай, — усмехнулся кот, снова присасываясь к вину. — Или башню.

Я промолчала. Сил не было даже воспитывать это чудо бесовского контракта.

Зима не лучшее время для прогулок. Зато морозный воздух прекрасно отрезвляет. А ещё он не свербит в носу курильницами с пряным сеном, которое тут так любят, и не воняет конским и человеческим потом — не редкость в этом мире, к сожалению.

Я забрела в сад — он был как раз у “женской” башни, я так и так к нему вышла бы. Замерла под заснеженным деревом, запрокинув голову и вдыхая полной грудью. Плевать, если меня потом свалит бронхит. Мне сейчас на всё плевать.

Не сразу, чуть погодя я различила в относительной тишине ночи (пьяные крики из донжона, бормотанье слуг, переключка часовых, отдалённые шаги — и всё в этом духе; очень “тихая” ночь) голос флейты.

Эдвард, тоже не обращая внимания на холод, играл, взобравшись на широкие перила беседки и запахнувшись в меховой плащ. Я замерла в двух шагах от беседки, глядя на него, впитывая в себя его — он безумно красиво смотрелся на фоне серебристо-синей лунной ночи. Музыка, его силуэт, мерцающий алмазами снег, — всё казалось таким гармоничным, таким правильным, что я на мгновение забыла, почему я здесь — наверное, и о себе тоже забыла. Опомнилась только, когда музыка вдруг прекратилась, а вместо неё раздалось:

— Леди Аделина?

А. Да. Это я.

Я изобразила подобие реверансе, чудом не запутавшись в подоле и не ухнув в сугроб.

— Простите, Ваше Высочество, я не хотела вам мешать.

Эд устало смотрел на меня и молчал. Я секунду размышляла, не стоит ли и впрямь развернуться и уйти, уже даже поворачиваться начала, но передумала.

— Ваша музыка, — робко пробормотала я, — вы не... продолжите? Играть.

Эд отвёл взгляд и покачал головой.

— Простите, леди. Руки замёрзли, — и убрал флейту куда-то в плащ.

— Тогда вам лучше вернуться в общий зал. Или в ваши покои, — отозвалась я. — Там наверняка тепло.

Эд легко соскочил с перил на землю и остановился передо мной.

— Сперва я провожу вас, миледи. Здесь действительно холодно и не след вам стоять одной, ночью, на морозе.

Я вытаращилась на него. Да, леди, особенно высокого происхождения, гуляют стаями, и уж точно не по ночам, но... Тебя, блин, не спросила!

Фраза “хочу и стою, не твоё дело” путём жутких умственных усилий преобразовалась в:

— Благодарю, Ваше Высочество, но я хотела бы остаться. События этого дня великим грузом легли на сердце, и я никак не могу забыть, этих... о, — я жалобно всхлипнула, но Эд и бровью не повёл. Впрочем, я и так знала, что на него этот фарс не подействует, — поэтому мне показалась, что недолгая прогулка на открытом воздухе пойдёт мне на пользу. И молитва в уединённом, спокойном месте... — на этом моё воображение угасло, и я сконфуженно замолчала.

— Что ж, тогда — спокойной ночи, миледи, — с лёгким поклоном отозвался принц и пошёл мимо меня по дорожке, кажется, к донжону.

Я смотрела, как он уходит и неожиданно выпалила:

— Простите, Ваше Высочество.

Он обернулся, недоумённо взглянул на меня.

— Леди?

— За тот... разговор у камина. Уверена, граф Роберт не знал, не видел, что вы... — я мямлила, прекрасно понимая, что горожу бред, но мне очень хотелось показать, что я рядом, я его понимаю. Он не один.

Эдвард сделал несколько шагов мне навстречу и неожиданно произнёс:

— У вас интересный акцент, леди Аделина. Даже для северянки.

Я запнулась. А Эд, с нездоровым вниманием вглядываясь мне в лицо, добавил:

— Граф был прав, когда рассказывал вам про эту ведьму. Я лично прослежу, чтобы она мучилась хотя бы в пыточной — так же долго, как терзала меня, — и наконец-то глядя мне в глаза, ледяным голосом добавил. — Никто не смеет обращаться с принцем Фрэсны подобным образом. Никто.

Я отшатнулась, а Эдвард неожиданно улыбнулся — точно натянул соскользнувшую маску — и сказал со вздохом:

— Я напугал вас, леди? Прошу прощения. Пойдёмте, вам пора возвращаться. Вы бледны, как смерть.

Я отступила, всё-таки поскользнулась и вскрикнула, когда он схватил меня за руку, поддерживая.

— Мне говорили, принц Фрэсны благороден и великодушен даже к врагам, —

выдохнула я, вырывая руку. — Как вижу, молва ошиблась. Спокойной ночи, Ваше Высочество.

Он не сделал попытки меня остановить. И не пошёл следом, как я думала.

И только сейчас я начинала понимать, что иметь дело придётся с совершенно незнакомым, возможно даже, враждебно настроенным человеком, который вполне может не захотеть в меня влюбляться.

И впервые же в голову пришло, что я могу так промаячить в поле его зрения оставшиеся месяцы, и он никогда, никогда меня не вспомнит. И добро в моём лице не победит зло в виде клеветы. И справедливость не восторжествует.

Господи, и почему же мне так не везёт со сказками?

***

Как я и думала, поездка принца в гости к графу Сассексу была прикрытием. Готовилось заключение какого-то важного договора, сразу после которого должна была состояться свадьба. И да, Ален был прав, Альбион согласился подумать о мире только после какого-то сражения (кажется, где Эд и заработал шрам), которое Фресна выиграла. И снова всё возвращалось на круги своя — альянс Алибонии и Фресны, Святой Престол со своими претензиями молчит в тряпочку, Азвония себе на уме, но и к ней скоро протянут загибающие лапы. В общем, с фрэнсийской точки зрения новости звучали как песня: все склоняются перед могущественным королём-колдуном, всех мы победили, эпидемия чумы, пройдясь по Азвонии, обошла Фрэсну стороной, и Альбион собирается заплатить что-то вроде штрафа запасами зерна, так что голод откладывается.

А всего-то вытурили чёртову ведьму Катрин и та сбежала, поджав хвост. Теперь все рады и довольны. Правда, принц Эдвард мечтает ей отомстить, и Альбион тоже мечтает — за поруганную честь принцессы Джоан.

Короче, козёл отпущения в лице меня всех устраивал. И места мне в этом мире по-прежнему не было.

— Может, отправить тебя домой? — спросил Ален, восседая на коротеньком подоконнике нашей комнатки. Моя соседка свалила выгуливаться вместе с хозяйкой замка, я сослалась на больную голову и осталась в комнате. Никто не расстроился. — Я могу открыть портал прямо здесь, и всё закончится.

Я задумчиво теребила ленты блио. С одной стороны, Эдвард, стоит мне признаться, кто я на самом деле, вряд ли мне обрадуется... Да и без меня тут всем и правда хорошо. А с другой...

— А хрен им, — выругалась я. — Ну нет. Я останусь и заберу то, что моё.

Любовь Эдварда принадлежит мне. И, чёрт возьми, со мной он хотя бы выглядел счастливее.

— По-моему, твой принц тебя уже ненавидит, — взмахнув хвостом, пробормотал Ален. — От любви до ненависти, сама знаешь...

Я сжала кулаки и в упор посмотрела на кота на окне.

— А что твоё демоническое прошлое, не подсказывает никакого выхода?

Кот взвёл очи к потолку и вздохнул.

— Я сейчас человек, Катрин. Не демон.

Сначала я не поняла, что он хотел этим сказать. Потом выяснилось, что прошлое, когда он был Проклятым, постепенно уходит, забывается. “Эти воспоминания не для человеческой памяти, — объяснил Ален. — Моё тело не может их выдержать”.

— Ты хоть колдовать не разучишься? — полу в шутку, полу в серьёз поинтересовалась я.

Кот оскалился и в мгновение ока — я снова не заметила, как он это сделал — превратился во включенного вихрастого мальчишку.

— Не бойся, Катрин, — желчно бросил он. — Не разучусь.

— Отойди от окна, — бросила я, игнорируя его мрачный взгляд.

Ален удивлённо вскинулся.

— Или одень мою накидку. Простудишься, — закончила я, разглядывая тени у него под глазами. — И вино ты больше не пьёшь, пьяница. Спился уже.

Ален вытаращил на меня глаза.

— Ты мне нянькой решила стать, Кат...

Я накинула на него одно из покрывал и подтолкнула к кровати.

— Ты сегодня вообще спал? Или вино глушил до рассвета?

Судя по виду — как-то так оно и было.

Потрясённо глядя на меня, Ален молчал.

— Вот и спишь до вечера, — решила я. — Сейчас принесу тебе завтрак и что-нибудь согревающее.

— Знаешь, Кать... — попытался перебить меня мальчик, но я шикнула на него.

— Лежи. Без тебя сегодня обойдусь. Спать.

Мальчишка попытался трепыхнуться, когда я подошла к двери, пришлось прикрикнуть: “Спать!”. Его удивлённый взгляд долго мерещился мне в темноте лестницы, пока спускалась.

Методом научного (и не очень) тыка я нашла кухню, распугала кухарок, потребовала что-нибудь лёгкое и... ну, в общем, как для бледной меня. В процессе случайно (или не очень) на кухню заглянул монах, мягко поинтересовался, почему меня не было на утренней службе, а, узнав, что леди плохо, очень плохо, подрядился приготовить лечебный настой. Я очень надеялась, что он не заставит меня попутно вспоминать какую-нибудь молитву вроде “Mea culpa”, то есть не решит принять мою исповедь. Обошлось, и обратно в спальню я вернулась спустя где-то полчаса.

Ален дисциплинированно лежал под покрывалами, что объяснялось скорее температурой, чем нежеланием огорчать меня. Но не спал, бормотал что-то с закрытыми глазами, я даже подумала — бредит. Вскинулся удивлённо, поняв, что я вернулась. Проследил, как я устраиваю поднос на кровать, подаю ему настой, приготовленный монахом. Взял, не спуская с меня глаз.

— Поспи до вечера, — повторила я, вставая.

— Кать, — хрипло позвал мальчик. — Я колдую в любом состоянии. Успокойся, не суетись. Я смогу...

— Ты себя со стороны видел, колдун? — усмехнулась я. — Спи уже, чудо. Насчёт вина я, кстати, серьёзно.

— Я уже хочу посмотреть, как ты меня остановишь, — устало пробормотал Ален, отставляя пустую чашку.

— Не хочешь, — улыбаясь, заверила я. — К твоему сведению, у меня большой опыт общения с такими, как ты.

— Что, с колдунами? — слабо усмехнулся мальчик.

— Нет, подростками, — отозвалась я. — Принцип, как вижу, один. Спи, Ален. Я сама с себе позабочусь. Ты и правда кошмарно выглядишь. Сильно голова болит?

— Не... смей... меня жалеть... девчонка, — сонно пробормотал “великий колдун”.

Я промолчала. Только, подождав, чтобы он заснул покрепче, подошла, тронула лоб губами и поставила поближе к кровати кувшин с водой. Проснётся — наверняка будет умирать от жажды.

Снаружи раздался колокол, призывающий к очередной молитве, и я тихо выругалась. Сколько бы я ни желала отсидеться, проблемы это всё равно не решит.

Но видеть Эдварда на службе почему-то не хотелось.

Пришлось, конечно. По легенде и я, и Эд молились отнюдь не местному идолу — королю-некроманту, так что надо было вместе с посланцем из Альбиона и его многочисленной свитой слушать молитву, потом в конце подпевать. Я вызубрила слова, слава богу, но всё равно чувствовала себя неуверенно — как в стане врага. Хотя почему как? Альбионский посол во мне чуть дырку взглядом не прожёт. Чего это он?

Эд галантно предложил мне руку на выходе из церкви — я всё-таки была единственной дамой на этой службе. Единственной дамой предположительно высокого происхождения. Но его взгляд чуть не заставил меня отшатнуться — тщательно замаскированная ярость, не понимаю, почему. Приличия требовали, чтобы я поклонилась, прошебетала положенные вежливые фразы, согласилась, чтобы меня проводил сиятельный принц. А мне хотелось бежать, бежать от него подальше.

...Всего лишь несколько недель назад ты шептал мне о любви и целовал мои руки. Сейчас я не узнаю тебя...

А самое забавное, что я, чёрт возьми, всё равно его любила. Даже вместе с этими странными взглядами, в которых любви или узнавания было ни на грош. Я замирала, я замечала, что под глазами у него тоже тени, как у Алена, еле сдерживала желание спросить, как он себя чувствует, и одёргивала себя, потому что смотрела слишком пристально, слишком желала обнять и почувствовать его руки на моих щеках. Снова...

Но мы молчали. Дежурные фразы вроде “леди чудесно выглядит” и “ах, как вы добры, Ваше Высочество” не в счёт.

А потом он ушёл, и меня подцепил граф Роберт — вот уж от кого я желала бы сбежать на край света. Наговорил кучу комплиментов и между делом предложил поездку верхом в лесочке у замка. Я ужаснулась и проблеяла что-то о плохом самочувствии. Граф безумно расстроился и потащил меня куда-то в “мужскую” башню (я слабо сопротивлялась, но меня не слушали) играть в карты. Чёрт возьми, я же не знала, что здесь леди в карты не играют.

До вечера граф Сассекс крутился около меня. Прилип как репей и всё болтал — давно я не встречала такого болтливую мужчину, который к тому же так меня пугал. Когда он зачем-то до меня дотрагивался, когда ухмылялся и подмигивал, у меня сердце замирало. Я даже пожалела, что рядом нет Алена. Но прогнала эту мысль — мальчишке плохо, он мучается от жара, а я жалею себя, потому что не могу справиться с каким-то средневековым боровом.

Вечером мы ужинали с принцем, альбионским посланцем и ещё каким-то незнакомым мужчиной, представленным мне как лорд... как там его. Я, единственная девушка в этом странном сборище, неуютно ёжилась и пила вино, заботливо подливаемое мне графом.

Беседа крутилась вокруг сплетней при фрэнсийском и альбионском дворе — кого позвал, кого изгнал король, тот или другой. Роберт не раз повторил, что я должна посетить столицу, Его Величество Дерик будет счастлив меня видеть. Я пыталась отделаться пустыми вежливыми фразами, пыталась улыбаться, пыталась даже поддерживать беседу. И пила,

пила. В какой-то момент жажда стала невыносимой, а перед глазами поплыло. Я подняла бокал и на вопрос: “Как же вас всё-таки зовут... леди?” неожиданно, сама того не желая, отозвалась: “Катрин”.

Бокал выпал из ослабевших рук в ту же секунду. Я вскочила — вместе Эдвардом, вид которого не оставлял сомнений: сейчас он на меня бросится. И ему тоже плевать на всё.

А остальные смотрели на нас и, кажется, усмехались.

— Та самая? — удивился посол, с интересом разглядывая меня. — Странно, почему она ещё может стоять, вы же говорили, этот настой её парализует? — это уже тому незнакомому лорду.

Меня замутило. Эти сволочи меня отравили!

Не сводя взгляда, Эд шагнул ко мне, но Роберт оказался у него на пути.

— Прошу вас, Ваше Высочество, подождите. Её нужно отвезти в столицу живой. В крайнем случае, вы знаете, у меня здесь прекрасная пыточная.

Я схватилась за спинку стула, прочитав у принца в глазах, что он уже готов эту самую пыточную использовать.

Ярко полыхнул медальон Джоан, который я не снимала никогда.

— Точно, она, — усмехнулся посол, пока сидящий рядом с ним незнакомец-лорд гипнотизировал меня странным взглядом. — У неё талисман, который она украла у нашей принцессы.

— Я не крала! — прошипела я, хватаясь за медальон.

“Палачу расскажешь”, - читалось во взгляде альбионца, когда он недоверчиво хмыкнул.

Дверь распахнулась, и вместе со стражей в залу втащили полуживого дрожащего Алена. Я ахнула, прикусив губу.

Лорд Как-его-там, до этого не сводивший с меня взгляда, поднялся и с хищной улыбкой шагнул к Алену.

— Мой милый мальчик, — с шипящим акцентом произнёс он, потрепав содрогнувшегося Алена по щеке. — Как я давно тебя искал...

Я вздрогнула, поймав взгляд мальчишки — он смотрел на лорда как на оживший кошмар.

— Вы позволите мне, Ваше Высочество? — любезно улыбаясь, лорд повернулся к Эдварду, когда я не выдержала.

— Не смей его трогать! Не смей трогать Алена!

Мальчишка изумлённо вскинулся, а альбионец хмыкнул и шагнул уже ко мне. А я не нашла ничего лучше, как, молитвенно прижав ладони к груди, воскликнуть:

— Эдвард, прошу тебя!..

Там должно было последовать продолжение, но Эд, не дав мне договорить, снова вскочил, свернув со стола посуду.

— Как ты смеешь?!

— Ты любил меня, — потеряно пробормотала я, отшатываясь. Отшвырнув висящего у него на плечах Роберта, Эд бросился ко мне. Кажется, я чувствовала его пальцы на моей шее, и дышать было очень сложно, но перед глазами помутилось ещё до этого. Но всего на мгновение. Потом оно кончилось, и я очнулась.

— Катрин, вы отвечать собираетесь?

— Что? — прохрипела я, судорожно озираясь.

Однорукими вместе с преподавательницей смотрели на меня — удивлённо,

заинтересованно, рассержено.

— Кать, ты очень бледная, — выдохнула Таня, и я, вздрогнув, уставилась на неё.

— Где... где я?

И всё-таки потеряла сознание, уверенная, что это — просто иллюзия, шутка кого-то из колдунов. Жестокая шутка.

***

Не шутка.

— Какой красивый медальон! — восторгалась Таня, порываясь схватиться за талисман Джоан, пока мы сидели в коридоре у закрытой двери медпункта. — По-моему, утром его на тебе не было.

— Был, — помотав головой, отозвалась я. — Ты просто не заметила. Тань, отпросись за меня у преподши, я домой пойду. Тут всё равно, — я кивнула на медпункт, — вечно закрыто. Да и мне уже лучше, просто голова кружится.

— Ты до дома-то доедешь? — нахмурилась подружка.

Я кивнула.

— Конечно. Всё, рассчитываю на тебя. Скинь потом домашнее, ага?

Спустя пять минут я, пошатываясь, выползла из универа и, ошеломлённая, остановилась, глядя на своё отражение в ближайшей витрине. Мимо стайками проходили студенты, слышались смешки, но я смотрела на себя, привычную себя, без осинной талии, длинных волос и... да, на мне был сарафан, тот, что вообще-то остался в Азвонии, когда Эд меня забирал.

А мимо проносились машины, и слишком высокие здания давили, а сколько вокруг народу...

Господи, я так с ума сойду!

Я вздрогнула, когда с перил университетской ограды мне на плечо сиганул кот.

— Привет, Катюш, — улыбаясь не хуже чеширского коллеги, пропел он голосом Алена.

Я покачнулась и попыталась потерять сознание в третий раз.

***

— Не ори на меня! Что мне было делать?! Смотреть, как этот мальчишка тебя душил?!

— Ты мог меня предупредить! — шипела я, делая вид, что разговариваю по телефону. Впрочем, в переходе метро на меня всё равно никто не обращал внимания.

— Как? Кричать: “Катюшка, готовься, я портал открываю”?!

— Да!

Так мы препирались до моей станции. И уже на выходе из подземного перехода Ален меня огорошил:

— Я у тебя останусь. Не хочу возвращаться.

Я поднялась по лестнице и свернула в закуток за входом. И только тогда схватила паршивца за шкуру.

— Ты откроешь мне портал и поможешь убедить Эда. А потом оставайся сколько угодно. Я тебя лично в ближайшую подворотню выброшу.

Ален мрачно пялился на меня, а потом выдал:

— А тебе не надо возвращаться, Ка-тень-ка. Твой Эдвард тоже здесь.

— Где? — выдохнула я, и проходящий мимо мужчина удивлённо посмотрел на меня. — Где он?!

— Понятия не имею, — довольно фыркнул кот.

***

— Да не знаю я, где он! — в который раз воскликнул Ален, пока я в панике оббегала район. — Где-то тут. Но я не могу точно знать, я вообще не планировал его перемещать. Он в тебя вцепился, как клещ, вот и... Катя!

Я подавила желание дёрнуть его за хвост и пристала к очередному прохожему: не видели вы тут блондина в странном костюме?

— Кать, да зачем он тебе вообще нужен? — увещевал меня кот. — Он тебя убить хотел. Найди другого, что, принцев вокруг мало?

— Да нафиг мне принц! — прошипела я. — Мне нужен Эдвард!

Кот застонал, и в это же мгновение я увидела его — Эд стоял по другую сторону от меня и удивлённо, но спокойно оглядывался. Прохожие тоже удивлённо косились на его блестящий сапфирами кот, но даже не останавливались.

— И чего ты ему скажешь? — поинтересовался Ален, пока я ждала сигнала светофора — очень долго, невыносимо долго. — Серьёзно, Кать. Он тебя не узнает, учти. Что, подлетишь к нему с криком: “Милый, я наконец-то тебя нашла!”?

Я замерла.

А правда, что я ему скажу?

Светофор наконец-то переключился, и я машинально перешла дорогу.

Серьёзно, что? Он же действительно меня не узнает.

Словно почувствовал мой взгляд, Эдвард обернулся. И, помедлив не дольше мгновения, шагнул ко мне.

Не в силах, пошевелиться, я смотрела, как он подходит. И ждала, что угодно. Мда... А его костюм и правда странно смотрелся в декорациях мегаполиса.

— Простите, госпожа, вы не подскажете, где я? — тихо спросил, наконец, принц на фрэнсийском.

Я чуть не утонула в его глазах. Но всё-таки смогла выпалить:

— Вы... вы говорите на французском?

Эд непонимающе смотрел на меня. Невидимый Ален — и кто сказал, что магия в нашем мире не работает? — пофыркивал, кажется, скрывая смех.

Я попыталась скопировать взгляд Эда и мстительно выдала:

— У вас странный акцент.

Глава 7

— Правда? — старательно копируя мою интонацию и звуки — и успешно, надо сказать, копируя, откликнулся Эд.

Я старательно смотрела ему в рот — единственная возможность не смотреть в глаза, иначе я бы совсем “уплыла”.

— Леди? — голос прозвучал неуверенно, а сам Эд кинул на меня такой красноречивый взгляд, точно сомневался, насколько я вообще, хм, леди. — Прошу прощения, но вы так и не ответили, где я?

Ален захохотал — и только поэтому я отмерла. Повела плечом, вроде как поправляя сумочку. Ален взвизгнул и вцепился когтями в лямки сарафана, а заодно и задев кожу. Я скривилась и, поймав откровенно изумлённый взгляд принца, буркнула:

— В Москве.

— Правда? — с улыбкой откликнулся Эд. И, точно издеваясь, протянул. — Как это

удивительно...

Я поражённо уставилась на него. Да, я ждала, что он испугается. Хотя нет, Эд бы не испугался. Но хотя бы взволновался. Ну, я не знаю, должно же человека как-то напрягать перемещение в неизвестный ему... стоп, а почему это неизвестный?

— О, — улыбнулась я, старательно разглядывая Эда с ног до головы. — А я вас, кажется, знаю.

Эд моргнул. Улыбка мгновенно увяла, он даже отступил на шаг, когда я машинально продолжила:

— Вас же Эдмунд зовут, да?

На “Эдмунде” Эд уставился на меня с таким выражением, будто я отрастила хвост, треугольные уши и принялась мяукать.

Что это с ним?

— Ну точно же! — я рванула молнию на сумочке. Фу-у-ух, журнал был там. Я его быстро вытащила, открыла на нужной странице. — Вот, глядите, это же про вас. Ой, а вы мне автограф не оставите? Ну пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

От журнала Эд отшатнулся, как от чумной крысы, а потом почему-то принялся изучать меня. Именно изучать, точно пытаюсь что-то вспомнить или сопоставить.

— Нет, леди, кажется... кажется, вы обознались, — выдавил он, наконец.

Ален на плече захрюкал, давась смехом и вызывая у меня стойкое желание швырнуть его в ближайшую урну.

— Думаете? — я с сомнением уставилась на откровенно плохой фоторобот Эда. — А по-моему, один в один. Кажется, господин Эдмунд, вы меня разыгрываете. Не хотите давать автограф, ну и ладно. Всего хорошего.

Не собиралась я с ним прощаться, конечно, не собиралась. Только хотела отойти на пару шагов, привести в чувство эту мохнатую гадину, икающую у меня на плече, и расспросить, почему мой Эд не помнит, как разыгрывал Эдмунда.

Хотя ладно, буду честна сама с собой. Я понятия не имела, что делать. Если бы за Эдом сейчас приехали Проклятые, или кого он там в мой мир брал, я бы несильно удивилась. Только не знаю, что бы делала. Да и так не знала.

В общем, меня спас на это раз отнюдь не Ален. Меня спасла гроза. Летняя, приятная такая гроза, с громом, молнией и дождём как из ведра. Чудное такое спасение.

Она, собственно, и до этого собиралась Минут пять собиралась — серое небо, чёрная туча, все дела. Но мы с Эдом были заняты, и лично я её не замечала. До того прекрасного момента, пока не ливанул дождь.

Промокла я мгновенно. Сарафан обмотался влажной тряпкой — так, что я с таким же успехом могла бы быть и голой. И, конечно, не было никакого смысла искать в сумке зонтик, всё равно бы не помог. Да и толку — тротуар мгновенно стал сплошной лужей, и мои балетки счастливо в ней утонули.

Хотелось провалиться сквозь землю. Хотелось сесть тут же в лужу и разрыдаться — дождь, честно, оказался последней...хм... каплей. У меня был жуткий день и вот это — мокрая, наверняка смахивающая на ворону (тоже мокрую) я совершенно меня доконало.

Сверкнуло, громыхнуло — и земля совершенно неестественно ушла у меня из-под ног.

Ален что-то пискнул, а я только молча вцепилась в мокрый меховой воротник Эда. А “что вы делаете?” смогла пролепетать уже под нависающей над лестницей крышей какого-то не то банка, не то магазина.

Эд молча снял с себя тоже промокшую накидку, обитую мехом, сейчас напоминающим крысиный, и укутал меня, закрывая прилипший в самых интересных местах сарафан.

— Спасибо, — пробормотала я.

Шумел дождь — гремел, я бы сказала. Лил сплошной стеклянной стеной, яростно пузырился по лужам, прибывая московскую пыль — а заодно и случайных прохожих, таких же неудачников, как и я.

Над домом напротив мигнула молния. И следом же громыхнуло. Я вздрогнула, и Эд, кажется, машинально, придвинулся ко мне и положил руку мне на плечо. Но очень быстро убрал.

— Меня зовут Эдвард, — тихо сказал он несколько минут спустя. — И вы правда обознались.

Я вздрогнула — мокрый Ален ужом ввинчивался под накидку.

— Э-э-э... да, наверно. Извините.

Эд глянул на меня и вдруг тихо, но с жаром произнёс:

— Леди, пожалуйста, мне очень нужна помощь. Я не знаю, где я оказался, и как. И... мне некуда идти.

Я смотрела на него. Некуда... Чёрт, я надеялась, что мы просто... ну, объяснимся, или я навязжусь к Эду в гости куда-нибудь в отель — где там Эдмунд останавливался?

Я же не могу привести его к себе домой! Мама съест меня с потрохами — Эд не девушка, за подружку не сойдёт.

Он продолжал смотреть на меня, а я кусала губу, паникуя — что сказать маме. Потому что естественно одного я его не оставлю. Но... Вот вечно от этих родителей одни проблемы!

В сумочке завибрировал телефон.

Эд отшатнулся, глядя на меня уже не с надеждой, а почти с ужасом, пока я выскивала надрывающийся смартфон, вытаскивала из футляра и пыталась попасть на нужную кнопку.

— Да, мам, — забыв перейти на русский, отозвалась я. Блин, сейчас начнётся... помнится, мы с ней ссорились перед тем, как я к Эду переместилась.

— Кать? — голос мамы звучал как-то... странно взволнованно. — Ты там совсем заучилась? Слушай, я уезжаю...

Я чуть телефон не выронила. Серьёзно? Вот прямо сейчас? Куда?

Мама тем временем, довольная и смеющаяся, распевала, что её отправляют в командировку в Болгарию на две недели — какая-то там конференция чего-то там. И это жуть как классно — Болгария, море и розы. И, в общем, папа тоже ухал, и тоже в командировку — правда, в Германию. И он не вернётся около месяца, так что, Кать, ты же разберёшься там одна? Ну, не в первый же раз? Обед, если что, должен быть холодильнике, и пиццу смотри, не заказывай...

— Всё. Солнышко, я побежала, — пропела мама напоследок. — У меня регистрация на рейс начинается. Веди себя хорошо, Катюш.

— Ага, — только и смогла выдохнуть я, когда в трубке раздались гудки.

Да, раньше такое тоже иногда бывало — и маму, и папу периодически отправляли в командировки. Работа, всё такое. Пару раз это случалось одновременно. Но сейчас, когда мне это так нужно? Что-то... что-то это как-то странно. По меньшей мере.

Эд смотрел на меня со смесью страха и жгучего любопытства, пока я убирала телефон обратно в сумку.

— Вы говорили, что вам некуда идти, — напомнила я, пытаюсь непринуждённо

улыбаться. — Тогда я приглашаю вас к себе в гости.

Эд с трудом оторвал взгляд от моей сумки, где скрылся телефон, и рассеяно ответил:
— Спасибо.

Гроза, как это и бывает, закончилась внезапно. Солнце припекло с новой силой, но лужи, к несчастью, мгновенно не высохли. И я шлёпала по ним совсем не радостно. А под накидкой, которую я снимать не стала — мы с Эдом и так колоритная парочка — дрожал Ален. “Как бы не заболел”, - мелькнула мысль. Надо будет высушить его... феном, что ли?

— Госпожа, — тихо позвал Эд, когда мы свернули в проулок к моему дому. — Вы не сказали, как вас зовут.

— Катрин, — рассеяно откликнулась я. И, через какое-то время поняв, что иду почему-то одна, обернулась. — Всё в порядке?

Эд стоял неподалёку, глядя на здание, возвышающееся над нами, с таким видом, словно оно его личный враг.

— Да... конечно. Катрин.

Я кивнула.

— Хорошо. Тогда идёте?

***

Вообще, я боялась, что будет хуже. Ну, одно дело притащить “в гости” полуживую чумазую принцессу, к которой к тому же никаких чувств, кроме брезгливой жалости и глубоко спрятанной зависти не питаешь. И совсем другое — принца, который пару часов назад пытался тебя задушить (слава богу, синяки если и были, исчезли вместе с пышными формами и волосами), и которого ты вопреки всему любишь. А, и чувство вины не забыть — это я его зельем напоила, и это я в конечном счёте все испортила. Во-о-от...

Но всё оказалось не так плохо. Эд то ли что-то всё-таки помнил, то ли не очень хорошо притворялся. Но это “что-то” избавило меня от долгих и наверняка мучительных объяснений, как пользоваться ванной, включать воду — ну и так далее. Эд вообще всё воспринимал с каким-то отстранённым равнодушием. Смотрит на тот же кран, вроде и удивляется, а глаза такие, точно то ли впрямь вспоминает, то ли... не знаю. Мои объяснения он точно не слушал. Ну и отлично. Сойдись на том, что Эд сам как-нибудь разберётся, я, пунцовая как помидоры, радостно дожидаясь меня на кухне, пробормотала, что мне ещё кота сушить и сбежала. Ха, а до этого я ещё представляла, какой культурный шок Эд испытает, когда я попытаюсь всучить ему что-нибудь сухое и из папиного гардероба. Надеюсь, как одевать это, он вспомнит. Ну... нет, пойду-ка я и правда сушить кота.

Ален валялся в гостиной и успешно делал вид, что отдаёт концы. Или протягивает лапы. Лапы и впрямь торчали, с них всё ещё покапывало, и дрожал котёнок как-то очень болезненно. И на фен не отреагировал. Никак. А ведь должно было испугать шумящее нечто мальчишку из Средневековья, до чёртиков испугать. Я решила сделать скидку на то, что когда-то мальчишка этим самым чёртом и был. Ладно.

Говорить Ален со мной отказался, только свернулся клубочком на кресле — и всё. Я побегала вокруг, попыталась всучить ему что-нибудь противовирусное. Но если кот не хочет... Я просто накрыла его пледом и решила так пока и оставить. В крайнем случае отнесу к ветеринару. И буду надеяться, что тот моего метаморфа увидит.

Эд осматривал квартиру, а именно — мою комнату, когда я его нашла. На меня в спортивном костюме — отличающемся от того, который я дала ему только цветом, посмотрел изумлённо и почему-то настороженно.

А я... Я понятия не имела, как с ним, вот таким, теперь разговаривать. И потому рот у меня не затыкался ни на секунду. На французском, а, забывшись, и на фрэнсийском, я молчала такую чушь, что сейчас уже и вспомнить стыдно. Не думаю, что Эд её слушал, но не перебивал. И, что меня очень настораживало — ни о чём не спрашивал. Удивлялся, да, я видела по глазам. Но не спрашивал. Всё эти отстранённость, равнодушие, рассеянность. И я — болтаю без остановки.

В общем, это был очень неприятный и очень напряжённый вечер, но кое-как я справилась с обязанностями хозяйки — попыталась Эда накормить. Правда, тот больше только делал вид, что ест, всё по сторонам смотрел. Зато да, согласился, что очень устал (когда градус напряжения достиг максимума), и я отвела его в гостиную, где мы всегда стелим гостям, если те на ночь остаются. Ален к тому моменту был перенесён в мою комнату — он дрых без задних ног и не возражал. Эд тоже не возражал и, рассеянно рассыпавшись в выражениях благодарности, пожелал мне спокойной ночи. Пришлось оставить его и волноваться, вдруг ему что-нибудь понадобится и я что-то просчитала.

Но вёл он себя странно. Я попыталась обсудить это с Аленом, но тот только хвостом дёрнул и разговора не получилось.

Впрочем, и я вела себя, мягко говоря... странно.

Но... всё-таки...

Как, выпив какое-то там зелье, человек может так измениться? Может, я никогда Эда и не знала? Может, я полюбила мечту, воздушный замок? Может...

Я ворочалась с боку на бок и думала, что я слишком люблю этот замок, пусть он и из воздуха. И когда-то Эд же полюбил меня? За что-то же... за что?

И посоветоваться не с кем.

Вот что мне теперь делать?

***

Палец скользил по моей щеке и шее — нежное, осторожное, изучающее прикосновение.

Ещё не до конца проснувшись, я уткнулась в чёрные в темноте глаза и, довольно улыбнувшись, потянулась.

— Эдвард...

Я была уверена, что мне снится — как много раз до этого — что мы вместе лежим в моей спальне во дворце — во Фрэсне или Азвонии. И не было никакого зелья, и никакие альбионские армии, колдуны и принцессы между нами не стоят. И мне хорошо и спокойно...

Хорошо и спокойно мне было ровно до тех пор, пока нежные и знакомые руки не переместились на шею и не вцепились в неё с такой силой, что я не только проснулась, но и принялась отбиваться.

— Тварь, — шипел Эд, одной рукой успешно выкручивая мне запястья, а другой давя на горло, — дрянь, ведьма... Думала, сможешь играть мной и здесь? За этим меня притащила? Не наигралась?!

Пред глазами зажглись все звёзды разом, грудь пылала, шея — я чувствовала, что ещё чуть-чуть и она переломится, легко, как тростинка. Я дёргалась так сильно, как только могла, но Эдвард, конечно, же был сильнее.

Понятие не имею, чем этот кошмар бы кончился — долгое и очень неприятное мгновение я была уверена, что Эд меня задушит. Но он вдруг резко замолчал, разжал пальцы и повалился на кровать, прожигая меня яростным взглядом.

— Ну ты, Катька, и дура, — протянул Ален, обходя кровать и включая ночник. — Надо было его сразу связать, а ты...

Я кашляла, пытаюсь вдохнуть и проглотить гадкий комок, вставший в горле.

Кого... связать?

Свет резанул глаза, я зажмурилась и, наконец, протолкнула воздух в горло. А когда через минуту смогла открыть глаза, Эдвард, не мигая, смотрел на склонившегося над ним Алена, глаза которого сияли зловещим алым.

— Ален? — прохрипела я. — Ален, что ты делаешь?

Ни метаморф, ни тем более Эд, не ответили.

Дрожащей рукой я нащупала рядом с кроватью будильник. И, не колеблясь, врезала им Алену по голове.

Мальчишка упал на пол, схватившись за лоб — кажется, по нему попала. Эд откинулся на кровать, закрыв глаза и тряся головой. Но тут же снова замер, стоило Алену подняться.

— Какого чёрта, Катрин?!

— Что ты с ним делал?! — беря будильник наизготовку, прорычала я, соскакивая с кровати.

— Пытался решить твою маленькую проблему, дурёха! Стоит его освободить — он снова на тебя кинется! Я хотел сделать так, чтобы ему и мысли не пришло...

На этом месте я схватила его за шкурку, то есть за воротник, и как следует потрянула. С десятилетним мальчишкой это ещё вполне можно проделать.

— Значит так, — прошипела я. — Ещё раз ты попытаешься заколдовать моего принца, и я сделаю так, что жить тебе здесь будет невозможно. Понял меня?

— Да кто ты такая... — начал было метаморф, но, глянув мне в глаза и что-то там увидев, заткнулся. И уже другим тоном продолжил. — Давай я просто сделаю так, чтобы он не мог больше причинить тебе вред. Идёт?

Я отпустила его.

— Идёт.

Не знаю, что делал Ален — вроде бы просто смотрел. Но всё это время Эд глядел не на него, а на меня, и этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Ничего лучше ада с вечными котлами — как минимум.

— Кать, слушай, а начерта тебе, чтобы он вспоминал? — заявил вдруг Ален, тоже поворачиваясь ко мне. — Давай я его заколдую, и он в тебя снова влюбится. А?

Я подалась вперёд и зашипела так, что даже Эд отшатнулся.

— Только посмей! Только попробуй!

— Ладно, как скажешь, — хмыкнул Ален, отворачиваясь.

А я поймала недоумённый взгляд Эда. Правда, тут же сменившийся ненавистью — теперь уже не скрытой.

Будильник выпал из рук, тоскливо зазвенев.

Я шагнула было к замершему Эду, но замерла, наткнувшись на его взгляд. Пробормотала:

— Прости. Просто я... я боюсь тебя.

— Правильно делаешь, — тут же отозвался Эдвард. — Любое заклятье можно обойти, ведьма. Не сомневайся, я придумаю, как отменить проклятье твоего раба. Но ты же этого и добиваешься? Тебе же просто интересно, — добавил он, усмехнувшись.

Я сжала кулаки — впила ногтями в кожу до боли, до красных лунок. И выдохнула:

— Ален мне не раб. И я ничего не добиваю. Пожалуйста, Эдвард, прекрати это. Я тебе не враг. Я...

— Я найду способ убить тебя, ведьма, — прорычал Эд, перебив меня. — Даже здесь. И я буду наслаждаться каждым мгновением...

— Всё, с меня хватит, — перебил Ален, глянув на Эда, и тот тут же замолчал. — Кажется, принц устал. Я отведу его в спальню.

— Ален, пожалуйста... — кусая губу, пролепетала я.

— Да не трону я его, — хмыкнул мальчишка, хватая Эда за плечо и заставляя встать на ноги. — Не бойся, — и уже за дверью добавил, обращаясь к принцу. — Но я могу сделать твою жизнь весьма неприятной, Высочество, если ты ещё раз тронешь мою подругу.

“Ух ты, — подумала я, падая на кровать и хватаясь за вспухшую шею. — Я уже подруга...”

***

— У тебя двери не запираются, — пожаловался Ален, заходя на кухню. — Это плохо. Я могу зачаровать, но...

— Ага, а я потом не зайду. Не надо, — отозвалась я, заваривая чай. — Зачем вообще запираешь?

— Затем, что к утру твой принц, которого я усыпил, проснётся и начнёт бродить по дому, — Ален кинул красноречивый взгляд на торчащие в сушилке ножи.

Кружка дрогнула у меня в руке, и от греха подальше я поставила её на стол.

— Ты же сказал, он не сможет меня тронуть.

Ален пожал плечами и, усевшись на стул напротив, устало сторбился.

— Ты его слышала. И да, Кать, он прав. Любое заклинание можно обойти. Что мы сейчас, кстати, и делаем с тем зельем забвения.

— Эдвард не причинит мне вреда, — тихо пробормотала я, насыпая в кружку лишнюю ложку сахара.

Ален покосился на меня.

— Ты всё ещё в это веришь? Тогда ты влюблённая дура.

Я закусила губу и, почувствовав солоноватый привкус крови, тяжело сплотнула. Ален прав. И моя шея с ним, кстати, солидарна.

Мальчишка, усталый, бледный, с синяками под глазами, задумавшись, смотрел прямо перед собой и вздрогнул, когда я протянула ему вторую кружку.

— Не хочу.

Я вздохнула и положила перед ним ещё и пачку таблеток.

— Надо. Ты кошмарно выглядишь, и, — я потянулась, тронула его лоб, — к тому же у тебя жар. Пей давай.

Ален тронул лоб в том месте, где только что была моя рука. И вдруг тихо произнёс:

— Катрин, ты, правда, ничего не понимаешь?

— Что я должна понимать? — не сводя с него взгляда, уточнила я.

Ален глянул на меня исподлобья.

— Ты одна, и никому не можешь доверять. Твой рыцарь и защитник тебя ненавидит, и ты полностью зависишь от колдуна-метаморфа, который ненавидит не только всех рыцарей вместе взятых, но и вообще всех. И для тебя нет никакой возможности закончить всё это “долго и счастливо”, — и, красноречиво глянув на меня, замолчал.

Какое-то время на кухне стояла тишина. Только часы тикали, да где-то внизу

приглушённо шумели машины.

— Ей. Спасибо, что прояснил, — не выдержала я, поняв, что продолжения у речи не будет. — А теперь пей давай.

— Ка-а-ать, — потянувшись за кружкой, изумлённо выдохнул Ален. — Ты совсем дура, да?

Я с трудом сдержала смех — просто потому что иначе сорвалась бы в истерику.

— Да ты просто видишь меня насквозь. Эй, таблетки не забудь. А, и вот сиропчик ещё на всякий случай выпей. Тебе не мешает. Котяра.

— Слушай, лучше вина мне найди! — не выдержал Ален. — И глинтвейн приготовь, это единственное, что у тебя нормально получается.

— Обойдётся, — усмехнулась я. — Ещё каждое хвостатое будет мою стряпню критиковать. И, кстати, ты теперь трезвенник.

— Что?! — привстал мальчишка.

— То, — хмыкнула я. — ты десятилетнее недоразумение, а десятилетним даже глоток спиртного нельзя. Иначе вырастут...

Ален мгновение гипнотизировал меня изумлённым взглядом и вдруг выдохнул:

— Катрин, а где твой медальон?

Я машинально схватилась за шею.

— Твою мать! — вскочив, мальчишка бросился в гостиную, где оставил Эда.

***

— Повезло, что он не маг, иначе разговаривала бы ты сейчас не со мной, — вздохнул Ален, отдавая мне медальон.

Я облегчённо вздохнула, прислоняясь к косяку рядом с гостиной.

Да что ж сегодня за... кошмар!

— Ты хоть знаешь, что эта штучка делает? — подхватывая меня под локоток и ведя в мою комнату, спросил Ален.

— Ага, — машинально отозвалась я. — Защищает. От твоих чар, например.

— Защищает! — фыркнул Ален. — Да в руках мага...

Я схватилась за медальон.

— Не бойся, если бы хотел, я бы его давно украл. Но я и без этих игрушек на магию не жалею. И ещё — такие амулеты лучше всего работают, когда отданы или подарены добровольно. Так что Джоан сделала тебе поистине королевский подарок. А ты собираешься лишить её жениха, — поддел Ален, закрывая за мной дверь. — И уже второй раз.

У меня не было сил протестовать, поэтому я просто бухнулась на кровать и закрыла глаза. Спустя минуту рядом бухнулось что-то ещё и завозилось, устраиваясь поудобнее.

— Кать, можно я сегодня с тобой посплю? — неожиданно тихо попросил Ален, сворачиваясь рядом клубочком.

Я молча укрыла его одеялом и снова тронула лоб.

— А всё ты, — пожаловался мальчик. — Додумалась тоже — будильником.

— Извини, — хмыкнула я. — Ален... А тот лорд... как там его... говорил, что он тебя искал... ты его знаешь?

Ален долго молчал, я думала, может, уснул. Но мальчишка вдруг придвинулся поближе и шепнул:

— Не говори о нём больше, Катрин. Пожалуйста.

Я скорее по наитию обняла его, погладила волосы.

— Как скажешь. Спокойной ночи. Могучий колдун.

Ален фыркнул и очень скоро засопел — спокойно и ровно.

А я смотрела на него, слушала тишину и думала, что, чёрт возьми, да, я в полной...хм, в общем, вляпалась. Ну и..! Выберусь.

Куда я денусь.

В конце концов, сейчас я дома. А дома и стены помогают. Так?

***

С утра шёл дождь. Мягко шуршал в пластиковые окна, не залетал в форточку, в общем, вёл себя вежливо и с намёком, что собирается остаться надолго. Тучи тоже висели с намёком. Я полюбовалась на них да на мокрые машины за окном и открыла окно пошире.

Надо было чем-то заняться. Надо было и в универ пойти, но я позорно проспала все будильники и проигнорировала танины звонки. А встала всё равно разбитая и сонная.

Ален так и остался дрыхнуть. У Эда было тихо, а заходить я, честно говоря, боялась. Уверив себя, что он тоже спит, я прослониалась по кухне, заглянула в холодильник, поняла, что накормить маминым обедом двух...хм... гостей не выйдет, и полезла в морозилку. Обнаружила там рыбное филе и почти машинально принялась готовить его для запекания. Десять минут на это, потом на кухне покрутиться, чайник, кофе, то-сё...

Лучше мне не стало, но проснулась я уже основательней. Настолько, чтобы понимать: буду прятаться от Эда в своём же доме, и проблемы это не решит. Совсем.

Чай вскипел, и вопрос прятков встал ребром. Завтрак-то у меня был более-менее готов. В общем, так я и дёргалась, подходя к такой знакомой и родной гостиной, где меня ждал совсем не знакомый и почему-то больше не родной Эд.

Дверь я открывала, чувствуя себя как перед прыжком в воду.

— Эм-м-м... Доброе утро, — забывшись, пожелала по-русски, бочком-бочком прокрадываясь в комнату.

Если он сейчас на меня прыгнет... чёрт, но это ж Эд, а я думаю о нём, как о каком-то диком звере! Но...хм... если он на меня сейчас прыгнет, я точно умру от страха.

Эд стоял у окна, спиной ко мне. Но обернулся, когда я вошла.

Я наткнулась на его взгляд, как на стенку. И уже по-фрэнсийски повторила: “Доброе утро”.

Он молча смотрел на меня, и от этого делалось просто жутко. Я начала заикаться.

— Я п-п-подумала, м-м-может... ну... э-э-э... ты... ну...

Эд поднял бровь, знакомо склонив голову на бок, и я совсем зависла:

— Ну... в-в-в общем... ну... там завтрак готов, — удалось-таки закончить мне.

Юноша громко хмыкнул.

— Спасибо. Может, ты без этих “н-н-ну” и “э-э-э” меня отравишь?

Я не выдержала, хихикнула. Эд улыбнулся следом, но тут же, слегка побледнев — или это мне в сумраке показалось? — отступил к окну.

— Я могу принести завтрак сюда, — пролепетала я, стараясь больше на него не смотреть.

— Ты правда думаешь, что я соглашусь есть что-то под твоим кровом? — тоже отводя взгляд поинтересовался Эд.

— А какая разница, где? — начала я, но, запнувшись, не выдержала. — Ты правда думаешь, что я хочу тебя отравить?

— Вы, — холодно отозвался Эдвард. — И “Ваше Высочество”. Я не собираюсь терпеть

неуважение от плебейки вроде тебя.

Чего? Кого?!

— Ты, — выдавила я, проходя к креслу, где вчера лежал Алэн. Эдвард машинально шагнул ближе к окну и подальше от меня. — И Эд. Хотя ладно, ты и раньше на это обижался. Пусть “Эдвард”. И ещё раз назовёшь плебейкой, прочитаю лекцию об иерархии в моём мире. Помнится, прошлый раз она тебя впечатлила.

— Простый раз? — невольно повторил Эд, но осёкся, сжал кулаки.

Я предпочла не обратить внимания. К тому моменту мне было уже абсолютно и полностью всё равно. Пусть хоть кидается. Дикий зверёк.

— Почему ты думаешь, что я захочу тебя отравить?

Эд огрел меня долгим взглядом. И, перестав, наконец, топтаться у окна, сел на диван. Ненависти и ярости во взгляде, однако, не убавилось.

— Ну! — поторопила я, стремительно теряя терпение.

Всё. Щас я на него кинусь.

— Как будто раньше ты этого не делала, ведьма, — показательно-высокомерным тоном откликнулся Эд.

Хм. Вообще, конечно, его правда. Но он этого не помнит. Хоть что-то хорошее в этом зелье.

— А зачем я это делала? — продолжала настаивать я.

Эд равнодушно пожал плечами. И неохотно ответил:

— Откуда мне знать. Полагаю, тебя манил трон...

— Сто лет он мне сдался.

— Что? — удивлённо выдохнул Эд.

Я потянулась к нему, не обращая внимания на то, как он вжимается в спинку дивана.

— Да я терпеть не могла твою Фрэсну, твоего папашу, который спит и видит, как меня в жертву принести, твой двор, который скалится за спиной и развлекается, сочиняя сплетни, и ваших магов, которые... которые, — я продавилась воздухом и выпалила. — Да мне твой трон даром не нужен!

Эд моргнул. Посмотрел на меня и вдруг тихо засмеялся.

— Неужели... неужели, — с трудом проговорил он, — ты тогда... ты влюбилась в меня, колдунья!

Щас я ему врежу. Держите меня семеро.

— В это?! — ткнув в него пальцем, прошипела я. — Влюбилась? Да ты в своём уме? Ага, имею нездоровое желание иметь принца под боком, готового вцепиться мне в шею. Кайф просто ловлю. Умираю, жить без этого не могу.

— И зачем я тебе тогда? — улыбаясь, поинтересовался Эдвард.

Я запнулась и уставилась на него, беззвучно открывая и закрывая рот.

Всё ещё улыбаясь, Эд медленно встал и также медленно шагнул ко мне. Наклонился.

— Ведьма, ты не производишь впечатления ни мудрой, ни искусной... хотя бы в колдовстве. А вот влюблённую дурочку весьма напоминаешь. Поверь, я на таких, как ты посмотрелся. Так вот, знай, ведьма, если ты...

— Дурочку?! — перебила я, подсакивая.

Эд улыбнулся ещё шире, а у меня перед глазами побелело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Такие как ты всегда хотят больше, чем могут получить, и не способны придумать

ничего лучше, чем сотворить простенький приворот, который неизбежно раскрывается, — глядя мне в глаза, сообщил Эд. — А когда раскроется, не в состоянии прекратить свою “игру”... Видит бог, ведьма, меня безмерно веселили твои попытки сначала попасться мне на глаза, затем заставить меня обратить внимание...

Попытки?! Видела я, как они тебя веселят! Шея до сих отойти не может!

— Но запомни, ведьма, — улыбка Эда дрожала, постепенно превращаясь в гримасу, — без твоей магии, без договора со слугами ада я никогда — никогда — тебя не люблю. Такая, как ты недостойна даже...

Ещё в начале речи моя рука бессознательно шарилась по подлокотнику, журнальному столику, спинке дивана... Пока не нащупала тяжёлую, украшенную кистями и бахромой подушку.

Честно, я вообще-то не сторонница силовых методов. Да и в качестве последнего аргумента выбрала бы сковородку, а не какую-то, прости господи, диванную подушку.

Но некоторые умеют вывести так, что и подушку не жалко.

— Дурочка?! — вопила я, пока поражённый Эд пытался закрыться. — Влюблённая?! Щас я тебе такую любовь... такую страсть покажу — жить не захочешь! Принц выискался, Ва-а-аше Высочество! Вот и валил бы в свою Фрэсну и там бы оставался! Нафиг ты мне здесь нужен! Видеть тебя не могу! И мне плевать, любишь ты меня или нет! Потому что я тебя не люблю! Слышишь?! Не люблю!

На этой пафосной ноте край подушки неожиданно застрял, а потом и вовсе попытался от меня убежать. Я дёрнула. Эд, поймав кисть, перехватил пленный край поудобнее. Я потянула, взвизгнув:

— А-а-а-отдай подушку, я тебя ещё не добила! Кому сказала: отдай!

Подушка закономерно треснула.

— Ну вот что ты наделал! — выдохнула я в наступившей вслед за этим тишине. И грустно добавила. — Никогда ты не умел правильно драться подушками.

— Я? — отозвался Эд, озираясь. И вдруг обиженно добавил. — Не умел?

— Да!

— Я?!

— Да!!

В ответ мне заехали подушкой — второй, тоже диванной. Я взвизгнула и атаковала остатками первой. Эд, конечно, тоже в долгу не остался. Так, слово за слово, подушка за подушкой...

Очнулись мы на полу — друг на друге. Эд сидел на мне верхом, сжимая мои плечи, а между нами застряла подушка — первая. Вывороченная. С кисточками.

С секунду мы смотрели друг другу в глаза. Я дёрнулась, делая неуверительную попытку отползти. Эд нажал сильнее. И, наклонившись, шепнул:

— Ты такая слабая... ведьма... Забавно.

Я смотрела ему в глаза, и по спине ползли мурашки — то ли от страха, то ли от предвкушения. Не знаю.

Пальцы пробежались по моей щеке — как ночью. Я снова дёрнулась. Эд улыбнулся.

— Слабая-слабая девчонка, — поддразнил он.

Я потянулась к нему и шепнула:

— Думаешь? Кое-что и я умею, — и, изогнувшись, пощекотала его шею.

Эд дёрнулся, хихикнув. Я фыркнула и переместила руки на его живот. Запрещённый

приём.

Мы снова покатались по полу — на этот раз хохоча. И опомнились не друг на друге. К счастью. А, может, и нет?..

— Ты всегда боялся щекотки, — выдохнула я, становясь на коленки и машинально поправляя на нём рубашку.

— Точно, — весело отозвался Эд. — Откуда... Эй, я не позволил бы щекотать себя даже под заклятьем!

— Правда? — фыркнула я. — И кто бы тебя спрашивал.

— Ты мерзкая ведьма! — выпалил Эд, правда, уже без привычной ненависти. И тут же прикрыл рот. — Господи... Чем у вас тут подушки набивают?

— Гадостью какой-то, — отозвалась я, только сейчас замечая, что Эд весь в кистях и набивке. — Дай помогу...

Эд не отстранился, а когда наши глаза снова встретились, вдруг, наоборот, потянулся ко мне

— Э-э-э... Не хочу вас отвлекать, — протянул голос Алена от двери. Мы дружно обернулись, и лично мой взгляд дружелюбным точно не был. — Да вы продолжайте-продолжайте, — пошёл на попятную метаморф. — Просто там в духовке что-то горит. А так...

Я потянула носом и с криком: “Моя рыба!” бросилась на кухню.

***

— А ты уверена, что это едят? — поинтересовался Ален, сунув нос в сковородку.

— Сейчас на тебе проверим, — пригрозила я. — Аккуратно, обожжёшься.

Ален по-кошачьи потянул носом, но послушно отполз к столу и там угнездился. И в который раз пожаловался:

— Есть хочу.

Обжигаясь, я поддела крышку.

— Сейчас... И вообще, это не я проспала завтрак.

Мальчишка надулся и принялся рассматривать кухню. А потом и вовсе расчихался.

Я покосилась на него и поставила чайник. Заварю снова с малиной.

— Болезненный ты, — вздохнула, доставая из шкафа в прихожей плед.

— И никакой я не... ай, отстань, мне и так жарко, — попытался возмутиться мальчишка, когда я принялась укрывать его пледом. — Катька, ну хватит... Ка-а-ать, ну не будь садисткой!

Эдвард зашёл на кухню как раз в разгар нашей потасовки за плед, в который Ален ну никак не хотел быть завёрнутым.

Принц, успешно делая вид, что всё отлично и просто замечательно, оглядел кухню, прошёл к свободному стулу напротив Алена. Мы проводили его изумлёнными взглядами, потом я, опомнившись, рывком укутала мальчишку в плед и завязала концы для верности. Ален тут же стал напоминать спелёнатого младенца — с такой же недовольной физиономией.

И забурчал, стоило отойти к плите:

— Садистка... И готовит ужасно.

Эд усмехнулся.

— А ты зря смеёшься, — повернулся к нему метаморф. — Отравить не отравит, но однажды она чуть не спалила нашу кухню и даже...

— Сейчас кто-то получит по лбу, — мрачно пообещала я, ставя на стол блюдо с рыбой. — И уйдёт голодный.

— Ты не можешь так со мной поступить! — театрально взвыл мальчишка.

— Ещё как могу, — пытаюсь не смотреть на Эда, отозвалась я.

На удивление, обед прошёл мирно. Если не считать бурчание Алена, то и вовсе в приятной атмосфере. Даже Эдвард вёл себя спокойно, хотя я постоянно ждала, что он сорвётся, и речь про “ведьму” заведётся по новой.

А после обеда, когда я — с трудом — впахнула в Алена таблетки, сироп и отправила спать, Эд неожиданно остался помочь мне с уборкой.

— И готовишь ты хорошо, — стоя слишком близко ко мне, сказал он, подавая последнюю тарелку.

Я усмехнулась.

— Конечно. Я только не умею ловить рыбу и разделывать, и даже жарить на костре. В отличие от тебя, — а, поймав ещё один недоумённый взгляд, не выдержала. — Ты правда ничего не помнишь? Не помнишь даже, как приехал сюда за Джоан?

Эд долго молчал — я расставила тарелки и повернулась к нему, когда он, наконец, ответил:

— Я думал, ты сделала это специально. Чтобы я не помнил.

— Зачем? — опешила я.

Эд пожал плечами.

— Не знаю. Чтобы не мог сбежать.

— Сбежать? — поперхнулась я. — Знаешь, Эд...вард. Мне удобнее, чтобы ты всё помнил. И вообще, удобнее, чтобы ты оставался во Фрэсне. Честно, я не представляю, что с тобой делать, когда мои родители вернутся. Папа — ладно, но мама у меня нервная, не поймёт...

— У тебя есть родители? — изумился Эд, ловя мой взгляд.

— Представь себе, — фыркнула я. — И ещё... Эдвард, я не колдунья. Вообще. Никак. В моём мире нет колдунов. Совершенно. Так что я при всём желании не смогу тебя заколдовать. Я даже рецепт приворотного зелья не знаю, потому что ты когда-то отказался мне его сказать.

Эд промолчал. Но по глазам хорошо читалось — ни на грош не поверил.

Ну и чёрт с ним.

Я глянула в окно.

— Дождь кончился. Не хочешь прогуляться? Тебе надо подобрать что-нибудь из одежды, одна я не справлюсь.

Принц кивнул, задумчиво глядя на окно.

— Хорошо, тогда уложу этого непутёвого колдуна и пойдём. Я сейчас!

И сбежала, оставив Эда на кухне. Плохо, да. Но сил моих больше не было с ним оставаться.

***

— С ума сошла? — покосился на меня Алэн, покорно глотая чай с малиной. — Держи его в комнате и лучше — запри... Если уж так хочешь. Кать, может, я его обратно отправлю?

— Успеешь, — тихо ответила я. — Алэн, здесь мне никто не мешает... и если у меня есть шанс, то только здесь.

— Нет у тебя шанса, — вздохнул мальчик. — Глупая Катя, ты ещё не поняла? Он тебя

ненавидит, всё, что бы ты ни сделала — он не поймёт. Поверь. Он наверняка уверен, что ты тоже метаморф. А знаешь, как относятся к метаморфам? Нас считают лживыми, ублюдочными созданиями, детьми тьмы и дьявола. Поэтому он никогда...

— Спи, лживое создание, — не выдержала я. И, укрыв его одеялом, выпрямилась. — Я дома, Ален. Здесь со мной точно ничего не случится. И я должна хотя бы попытаться.

— Дурочка, — раздалось, когда дверь закрылась. Я прислонилась к ней и закрыла глаза. Дурочка. Ну и плевать.

Я не сдамся. Один раз спасовала — хватит.

Эдвард меня вспомнит.

***

Мне пришлось одеть шарф. Я отыскала самый лёгкий, воздушно-розовый. Но после дождя припекало, а точнее — жарило. И я варилась вместе с шарфом и ловила недоумённые взгляды. Да. Но синяки смотрелись просто страшно, поэтому игра стоила свеч. Но мне всё время хотелось его снять — что я два раза чуть не сделала в торговом центре, где было не только жарко, но и душно, несмотря на все кондиционеры.

А вот Эдвард, в отличие от шарфа, проблем не доставлял вообще. Он отлично приспособивался — лучше Джоан, и уж конечно не позволял мне заметить его страх. Я только ловила беспокойные взгляды — на улице (людно, кошмар, громадные дома), в магазине (ярко, шумно и чего эти странные девушки пристали?). Принц недоумённо рассматривал прохожих. Группа полураздетых девиц и парней в татушках и наколках вызвала бурю эмоций — правда, тщательно от меня скрытую.

А со мной Эд даже пытался говорить. Когда не удивлялся и не пугался. Прогресс.

На улице он первым делом предложил мне руку. Как принц благородной даме. Посмотрел удивлённо, когда я также традиционно не подала ему свою.

— Эдвард, здесь это необязательно, — пробормотала я, думая, объяснить, что за руку держатся влюблённые парочки или не стоит?

Не стала. Зря, наверное — когда мы вышли из последнего магазина, мимо прошла одна такая парочка. За руку. Эд проводил их задумчивым взглядом и спустя мгновение я почувствовала, как его рука нашла мою.

У меня не хватило сил отодвинуться.

А ещё — забавно — его фрэнснийский на улице превращался во французский. Как-то очень резко, словно рычажок поворачивали.

— Ты так чисто говоришь, — не выдержала я после магазина, где Эд прочитал мне целую лекцию о том, как должны одеваться состоятельные молодые мужчины в этом сезоне. — И о моде очень...хм... много знаешь.

— Мода? — переспросил Эд. И тут же выдал на французском определение моды. И принялся углубляться в её историю, когда, похоже, осознал, что делает. Запнулся. — Да... не знаю... как будто... как будто страницы всплывают в памяти, — он закусил губу и я тут же прикипела к ней взглядом. Поцеловать его хотелось нестерпимо. — Я помню, как учил это... очень быстро... наизусть... мало времени, — он схватился за голову. — Зачем ты заставляла меня это делать?

— Заставляла? — опешила я. — Нет!

Эд скользнул по мне взглядом и отвернулся. Рука, сжимающая мои пальцы, дрогнула.

— Я помню, книг было так много, я думал, что никогда... но, наверное, у меня получилось, раз ты мной довольна.

— Эдвард, о чём ты? — не выдержала я. — Какие книги? Да тот же французский ты должен был учить годами. Я второй год с ним сижу, и он ещё долго не будет у меня так хорошо получаться, как у тебя. И когда ты учил меня фрэнсийскому, я понимала только тебя, и...

— Я учил тебя фрэнсийскому? — переспросил Эд.

Я вздохнула.

— Ты не помнишь. Конечно. Ладно, неважно. Но столько информации вообще невозможно запомнить! А ты тогда так хорошо Эдмунда изображал. Даже я поверила. И все эти дорогие машины, телохранители, телефоны, костюмы... откуда?

— Я не понимаю, о чём ты, — покачал головой Эд. И тут же с интересом спросил. — А почему ты не знала язык моей страны? Ты же жила у нас какое-то время до встречи со мной. Мне говорили...

— Тебе лгали, — буркнула я. — Ты спас меня и помог. И потом ещё много раз помогал, — я покосилась на него и опустила голову. — Но ты не помнишь. И, наверное, никогда не вспомнишь...

— Не грусти, — тихо попросил вдруг Эд, проводя пальцем по моей щеке. — Тебе не идёт грусть, Катрин.

Я ошарашенно уставилась на него. Но он только улыбнулся.

Ален спал, когда мы вернулись. Я тронула его лоб — температуры вроде не было. Уже хорошо.

Эд улыбнулся, когда я заглянула в гостиную.

Я замерла в дверях.

— Я хотел извиниться, — тихо сказал он, подходя и осторожно касаясь моей шеи. — Я не должен был... делать тебе больно.

Так я в гостиной этим вечером и осталась.

На этот раз мирно, без подушек, мы сидели в креслах и разговаривали. В основном, Эд снова беспорядочно что-то вспоминал, и оказывалось, что большую часть он просто заучил, а смысла не понимает. Я объясняла.

Потом каким-то образом я оказалась на диване — и он тоже. И его глаза смотрели сладко и серьёзно.

А мне так хотелось поверить, что эта сказка снова моя.

— Зачем ты изменяла внешность? — спросил Эд тихо, осторожно касаясь моих волос.

Я покосилась на него и вместо ответа спросила:

— Ты узнал меня... здесь, на улице, в смысле. Это же ты первый ко мне подошёл, когда я тебя искала. Как ты меня узнал?

Эд опустил руку.

— Я видел тебя, когда ты убегала из дворца, Катрин. Во Фрэсне.

— И запомнил? — пытаюсь скрыть дрожь от неприятного воспоминания, выдохнула я.

— Кто бы забыл девушку, пытавшуюся забрать родовое кольцо матери? — усмехнулся Эд. И, посмотрев на меня, серьёзно попросил. — Не делай так больше.

— Ты сам мне его... прости, — осеклась я, привстав.

— Не уходи, — выдохнул Эд, опуская меня обратно на диван. — Остайся со мной. Катрин.

Наши взгляды сплелись — как и пальцы на моём колене.

— Если хочешь, — шепнул Эд практически мне в губы. — Я подарю его тебе. Снова.

Катрин. Моя королева. Но, — его губы улыбнулись, и что-то глубоко внутри меня задрожало натянутой струной, — это должен быть обмен. Иначе не будет счастья.

Его губы ласкали мои. Пока только дыханием, но думать я уже не могла.

— Ты хочешь... чтобы я что-то... подарила... взамен? — пробормотала я.

— Да, моя королева.

— Всё, что угодно, — не вполне понимая, что говорю, ответила я, и наши губы наконец-то встретились.

Но нежным поцелуй не был. И родным тоже. Он был... заученным?

— Спасибо, — улыбнулся Эдвард, отодвигаясь.

А я вскинулась — в тот момент, когда его руки снова легли мне на шею и подцепили цепочку медальона Джоан, о котором я совершенно забыла.

— Эдвард?

— Я же говорил, — холодно отозвался принц, одевая медальон. — Глупая ведьма.

Перед глазами потемнело, и я потеряла сознание раньше, чем смогла понять, что происходит.

***

Склизкий, грязный пол. Прелая солома. Мышь, недовольно пискнувшая, когда я попыталась сесть и случайно отпихнула её ногой.

Каменные заплесневелые стены и решётка под потолком.

Ну и в довершение — цепь от стены к моей ноге. С широким железным кольцом — но недостаточно широким, чтобы прошла стопа.

А, ну и совсем в довершение — на мне тоненький сарафан. А тут, похоже, зима. В решётчатое окошко залетают снежинки, и воеет ветер.

Я скорчилась в углу, пытаясь абстрагироваться от вони и мышинного писка. А, и насекомых. Скоро я их тоже почувствую. И хорошо, если только их.

Интересно, это фрэнснийская тюрьма или ещё какая?

Обхватив колени руками, я сжалась, пытаясь сохранить тепло.

Ни Алена, ни медальона-амулета не было.

Спасать меня некому. И при таком раскладе я очень скоро окочурюсь здесь от холода.

Закусив губу, я тихо застонала.

Глупая. Глупая Катрин.

Глава 8

— А вот хрен вам... А вот и не замёрзну, — бормотала я дрожащими губами. Из рта вырывалось облачко пара, но я уже не могла им согреться. — А вот и не замёрзну... Подавитесь... А вот и... И...

“Если я засну, я умру”, - билась мысль. Какое-то время назад только она меня и бодрила. Сейчас же я с ужасом думала, что скоро мне станет всё равно.

— Не умру, — бормотали губы, а облачко пара всё вырывалось, хотя внутри давно заледенело. — Не умру...

Я пробовала ходить — говорят, помогает согреться. Какое там! Пол ледяной. Я пробовала колотить кулаком в дверь. Сбила руки до крови, зато немного согрелась.

А совсем недавно я на полном серьёзе обдумывала, может ли Эдвард так развлекаться — закрыть меня в темнице, чтобы замёрзла до смерти. Эд, которого я знала, не мог сделать так даже со злейшим врагом.

Но кто сказал, что я вообще Эдварда знала?

— Не... замёрзну... не... замёрзну... за...мёр...зну...

В голове шумело и даже бегаящие совсем рядом мыши — вот твари, и не холодно же им! — уже не смущали.

Ног и рук я давно не чувствовала.

— Если я... засну, — попробовала начать я... и провалилась в сон.

Всё. У всего есть передел. У меня, вот, тоже.

Я боролась.

Я проиграла.

Ну, блин... и... вот.

Напоследок мне снилась какая-то дрянь.

Сначала, по законам жанра, было тепло. Даже жарко. У-у-у, даже очень жарко, я просто вся горела, и никто не подал бедной девушке воды, сволочи!

Сволочей было двое — оба в дорогуших костюмах, сложных, капустных. Оба уже далеко не молоды. И обоих я не знала.

Что, спрашивается, в моём сне делают незнакомые мужчины, обоим из которых за сорок? Я бы не отказалась от золотоволосого зеленоглазого красавца, желательно раздетого. И за отдельную плату — пусть будет Эдвардом. Я ему тогда покажу ролевое удушение в рамках постели... Что, раз девственница, то ничего не умею, да? Ха, а Интернет на что?

Мда, но вместо этого мне достались какие-то мужики. Ну хоть на костюмы их полюбоваться... Хотя от россыпи камней и вышивок глаза слезятся. Безвкусица. Эд никогда так не одевался...

А ещё эти незнакомцы оказались весьма невежливыми. Они тыкали в меня пальцами — сначала. Потом они меня дёргали и вертели. И при этом разговаривали. Сначала тихо, потом, глядя уже только друг на друга, — на повышенных тонах.

Но самое неприятное — я не знала языка, на котором они говорили. Ну вот совсем. Вообще.

Кошмар, меня даже предсмертный бред не уважает. Выдаёт какую-то тарабарщину.

— Ребят? — простонала я, привлекая внимание. — А может, вы того... на фрэснийский перейдёте? Или ещё лучше — на русский.

“Ребята” дружно уставились на меня. Потом, кажется, что-то переспросили.

— Не компри па, — откликнулась я по-французски и, зевнув, закрыла глаза.

И очень удивилась, когда очнулась.

— Блин, я даже умереть нормально не могу, — прохрипела я, содрогаясь от холода.

Тюрьма была той же, мыши — вроде теми же. Усталость и слабость — совершенно такие же. А вот сарафанчик как-то изрядно поистрепался, особенно в районе подола.

Я судорожно задёргалась, пытаюсь осмотреть себя. Но в итоге голова закружилась, и я упала. И, кажется, опять заснула — или потеряла сознание?

Второе пробуждение оказалось куда менее приятным — меня дёрнули за волосы, принуждая встать.

Я взвизгнула и рухнула на колени — ног по-прежнему не чувствовала.

Меня снова дёрнули.

— Мужик, ну ты это — поаккуратнее! — прохрипела я.

В ответ мне съездили по губам. Рот мгновенно наполнился кровью, что резко отбило всякую охоту говорить.

В камеру, распугав мышей, зашли — гуськом — стражники (у этих была характерная

ало-чёрная форма, тоже мне незнакомая), а следом — уже знакомые мне незнакомцы в аляповатых одеждах. Эти степенно переговаривались — по-прежнему на странном языке. В основном между собой, но разок вроде бы спросили что-то у меня. Естественно, я не поняла и промолчала. Тогда тот же изверг, дёргавший меня за волосы (или уже другой?), одним точным (очень точным, гад) ударом свалил меня на пол.

Я не дуручка, я понимала, что если мы ещё вот так “пообщаемся”, меня скоро потащат в пыточную. Я наблюдала подобное в фильмах и пару раз видела такие трупы, которые король-колдун потом оживлял. Они были весьма... неаппетитны.

Так что когда после очередного непонятого вопроса я сжалась, а садист-стражник, в который раз дёрнув мои несчастные волосы, размахнулся, я уже почти желала, чтобы они все убралась и дали мне спокойно помереть от холода.

Уж лучше от холода, чем...

Но тут дверь снова распахнулась, и в камеру зашли сначала Проклятые, а следом — Эдвард. Выглядел он усталым, бледным, с синяками под глазами, — в общем, не ахти, но точно лучше меня, так что всё, что я почувствовала — дикую усталость и отчаяние. Ну хоть вой.

Ясно. Это наверняка благодаря ему я оказалась в этой тюрьме, и теперь он будет исполнять обещание устроить мне счастливую жизнь. Не знаю, но почему-то сейчас, глядя на него, я в этом не сомневалась.

Знакомые “незнакомцы” бросились к нему и заголосили на своём тарабарском. А фрэнсийский принц-наследник удивлённо осматривался, пока не нашёл взглядом меня.

Ну давай, включай свою пластинку про “ведьму”. Тащи меня в пыточную, убивай остатки любви, как бы патетично это ни звучало. Вперёд. Я же для тебя дрянь, мерзавка, которая с тобой играла. И сколько бы раз я ни кричала, что тебя обманули, ты мне никогда не поверишь. И я понимаю. Я понимаю. И я бы может и нашла силы обвинить себя в том, во что ты превратился. Но не сейчас, глядя тебе в глаза. Сейчас я сама выкрикну тебе все эти “мерзавец” и “негодяй”. Потому что ты теперь... ты теперь... ты...

Я отвернулась и закашлялась, а когда пришла в себя, Эдвард общался с “незнакомцами”. На их языке. И длилось это долго — я чуть не заснула. Или не замёрзла. Но, помню, когда вздрогнула от очередного вопроса — громкого, явно обращённого ко мне, а стражник, так меня и держащий, снова попытался ударом привести в чувство... И помню, очень удивилась, когда Эдвард, прервав беседу с одним из “незнакомцев”, бросился ко мне. Я сжалась — сейчас ещё и он добавит, рядом ахнули, а когда я обернулась — тот солдафон, который меня бил, держался за скулу, а Эд холодно его отчитывал — судя по тону.

Больше меня не трогали, и вообще и “незнакомцы”, и их стража довольно скоро убралась из камеры — надеюсь, к чёрту.

Зато остались Проклятые. И Эдвард.

Что, нам свидетели не нужны, да? Пусть никто не знает, правильно. Пусть для остальных ты останешься таким же галантным рыцарем на белом коне, каким был для меня. А я — что? Я же всё равно скоро умру. Ты же обещал лично зажечь для меня костёр. А мы же оба знаем, что ты всегда исполняешь обещания.

Дура я была, что не поверила Алену. Кончено всё. Да я и вообще не шибко умная, похоже. Бороться пыталась.

За это и страдаю.

Ну! Чего ждёшь? Давай же. Вперёд.

Но когда Эдвард шагнул ко мне, я отшатнулась. А потом и вовсе отползла — пока не упёрлась спиной в стену. Думала, сил не хватит даже на это. Ха. Жить мне хотелось, ой как хотелось.

Принц замер, глядя на меня. Сложный у него был взгляд, я не могла его понять. Но точно, наверняка же снова ненависть. Ты же теперь ненавидишь меня, да, Эд, мой Эд? Всё, нет теперь Котёнка. Только ведьма Катрин.

Ведьма, ха!

— Тебе придётся приказать Проклятым, чтобы отнесли меня в пыточную, — просипела я, не в силах больше терпеть ни тишину, ни его взгляд.

Его глаза расширились, и он шагнул ко мне. Ха, я надеялась, что моя камера меньше, и пока он будет идти, я снова “уплыву”. Если бы.

Эдвард опустился рядом со мной на колени. Медленно поднял руку. У меня перехватило дыхание. Сейчас...

Его пальцы дрогнули, коснувшись моей разбитой губы. А потом снова пробежались по моей щеке.

Мерзавец.

Собрав все силы в кулак, я размахнулась. И ещё успела увидеть, как он с удивлением схватился за щёку, а кто-то из Проклятых бросился ко мне.

И наконец-то потеряла сознание.

Ура.

***

Тихо, уютно потрескивал огонь.

Я приоткрыла глаза и тут же зажмурилась — света оказалось слишком много. Хотя вообще-то комната была погружена в сумрак — горел только огонь камина да свеча на маленьком столике у кресла. Но это я смогла увидеть и осознать только когда справилась с ноющей мигренью и режущей болью в глазах.

Комната была маленькой и вся скрыта в густых тенях. Я могла лишь угадывать очертания — сундук, что-то вроде стола, кресло, в котором кто-то сидел — или просто падала слишком густая тень. Больше рассмотреть сквозь щель занавесок балдахина я не смогла. Когда же попыталась её расширить, руки от слабости тряслись так, что я чуть не свернула занавески.

Эдвард повернул голову ко мне, отвлекаясь от свитка, который держал в руках. Секунду мы смотрели друг на друга, потом — кажется, одновременно — я отшатнулась, судорожно шаря рукой по кровати — а он, отложив свиток, шагнул ко мне.

— Как ты себя чувствуешь?

Я молча смотрела на него. Сумрак странно играл с ним, делая черты острее, кожу бледнее, а взгляд тусклее. И тени под глазами стали непроницаемо-чёрными. Раньше у меня бы защемило сердце. Теперь я схватилась за покрывало, стараясь отвлечься от ноющей боли в груди и голове.

Принц повторил вопрос — устало и холодно. И наклонился ко мне.

Я отшатнулась, забиваясь в угол. Если он ещё приблизится, я за себя не отвечаю.

Эдвард, хмурясь, вздохнул. И потянулся ко мне.

Я не знаю, как это получилось — как-то само — но мои руки оказались у него на горле. Он вздрогнул, я запаниковала, вскинулась, скорее цепляясь за него, чем стараясь задушить. В итоге Эдвард оказался на кровати подо мной а я — верхом и с руками на его шее.

Если бы всё тело (а особенно грудь с головой) так не болели, я была бы уверена, что мне всё снится.

Эдвард лежал подо мной, не шевелясь и в упор глядя на меня.

— Я только спросил, как ты себя чувствуешь, — спокойно произнёс он — так, словно мои руки у него на шее принца совершенно не волновали.

Я вздрогнула и, обводя взглядом его, полог, комнату за ним, просипела:

— Что, решил сам поиграть напоследок?

Эдвард молчал.

— Не думала, что ты так жесток, — выдохнула, сжимая пальцы. — Раньше ты не мог отдать приказ о казни, не борясь с совестью всю ночь. А сейчас, — я снова обвела комнату взглядом, — даже на такие пытки способен? Действительно, зачем сразу на костёр, когда можно ещё помучить? Поизощрённей? Да, Эдвард?

Его руки сжали мои запястья и спустя мгновение толкнули меня на подушки.

Я закашлялась, и Эдвард, исчезнув куда-то на минуту, вернулся, сел рядом, держа кубок с чем-то горячим и ароматным.

— Пей.

— Приворотное зелье? — “догадалась” я.

Зелёные глаза потемнели.

— Если ты сейчас же не послушаешься, я заставлю тебя выпить силой, — мрачно произнёс Эдвард. И, отведя взгляд, добавил. — Это лекарство.

— Ненавижу тебя, — выдохнула я, вырывая у него кубок.

Ай, чёрт! Горячее!

Я кашляла, чувствуя привкус мяты на губах, а руки Эдварда поддерживали кубок, осторожно, чуть касаясь моей руки.

С трудом, я допила горячий настой и тут же почувствовала лёгкое головокружение.

— Что ты... туда... добавил? — шепнула, падая на подушки.

Эдвард молчал, глядя на меня. Его зелёные глаза держали, пока я проваливалась в сон.

Ненавижу...

Проснулась я утром — тусклый серый свет проникал сквозь мутные окна. Камин погас, кажется, давно — в комнате значительно похолодало. Я потянулась, закутываясь в покрывало. То не поддалось, и я удивлённо перекатилась на другой бок, приподнимаясь.

Эдвард, полулёжа, сидел на краю кровати, прислонившись головой к спинке и закрыв глаза. С минуту я наблюдала за ним, пытаюсь справиться с бешено стучащим сердцем. Потом осторожно вылезла из-под покрывала совсем, села, отстранённо отмечая, что мой сарафан исчез, сменившись на длинную сорочку. Поставила ноги на пол. Осторожно встала. А на первом шаге слабость меня догнала. Голова резко закружилась, ноги подкосились и, тихо ахнув, я упала перед кроватью, цепляясь за покрывало и многочисленные шкуры, брошенные сверху.

— Далеко собралась? — хрипло произнёс Эдвард, оказываясь рядом.

— От тебя подальше, — выдохнула я, тяжело сглотнув.

Он беззвучно усмехнулся и, подхватив меня на руки, осторожно положил обратно на кровать. И также тихо проинформировал:

— За дверью стоят Проклятые. Ты никуда не уйдёшь.

— Спасибо, что предупредил, — отозвалась я.

Он сел рядом и аккуратно накрыл меня одеялом, укутав сверху ещё в пару шкур. Сразу

стало теплее и уютнее. Но совсем не безопаснее.

— Зачем ты это делаешь? — закрывая глаза, просипела я. — Зачем?

Эдвард молчал — долго, я думала, ответа не дождусь. Но он сказал — тихо, почти шёпотом, подоткнув покрывало сбоку.

— Я не знаю.

И тут же встал.

Я смотрела, как он собирает свитки и не могла не заметить, что тени под его глазами болезненно черны, что скулы слишком остры, а кожа слишком бледна.

Ты не забываешь есть, мой принц? Ты спишь спокойно?

Я закрыла глаза и отвернулась.

Не моё дело.

Почти весь день я была одна. Только где-то после обеда пришёл местный...хм... врач, померил мой пульс, сказал что-то на незнакомом языке явившейся вместе с ним служанке и та убежала — чтобы вернуться через полчаса с обедом для меня и кипятком для врача. За это время меня пытались расспрашивать, рассматривали и уж не знаю к каким выводам пришли.

После я долго спала. Под вечер меня разбудил явившийся снова врач — на этот раз вместе с Эдвардом. Меня снова покрутили-порассматривали, посчитали пульс. Мне снова сделали какую-то горячую гадость, которую пришлось выпить. Потом, поговорив с Эдвардом, врач ушёл, оставив пару маленьких коробочек — с измельчёнными травами, я видела.

— Выпьешь на хвалитню, — сказал Эд, отодвигая со стола коробочки и бросая на их место кипу свитков и перо с чернильницей. — Я прикажу, чтобы тебе их заварили.

— Как мило с твоей стороны, — буркнула я.

Принц покосился на меня, но промолчал.

— И не говори мне, что это был ваш врач, — пробубнила я, укладываясь поудобнее. — Он даже руки не помыл, прежде чем меня трогать.

— Это королевский врач, — откликнулся Эдвард. И, глянув на меня, зачем-то сказал. — Он же осматривал тебя в темнице. И, — принц запнулся, рука задержалась на очередном свитке. Задумчиво погладила, — он сказал, что ты девственница.

Господи. Они ещё и это проверяли!

— Ха, — справившись с собой, фыркнула я. — Действительно. Удивительно, правда?

Эдвард продолжал смотреть на меня, и я не выдержала.

— Эдвард Дебуа! Если ты считаешь, что мы с тобой раньше... То, в общем, ты сильно ошибаешься! Я со всякими подонками не...

Эдвард молча отвернулся. Подвинул кресло, сел, взял один из свитков, наклонился к свече.

— А! — осенило меня. — Тебе же говорили, что я шлюха! Правда? Да?

Свиток дрогнул в сжавшихся пальцах.

— Обманули вас, Ваше Высо-о-очество! — протянула я, хихикнув. — Обманули! — и захохотала — громко, истерично, бормоча. — А твой отец... ха-ха... он лучше всех знает, что я не... не..! — и выпалила оказавшемуся рядом Эдварду в лицо. — Он же меня в жертву принести хотел!

— Неправда! — выпалил принц, хватая меня за руку. — Это ты его чуть не убила, а потом сбежала! Я боялся, что он умрёт!

— Да ладно! — захлёбываясь смехом, выдохнула я. — Убила? Твоего отца? Колдуна? Я?

Ха-ха-ха! Он, что, как бунт разыграл, так ещё и сам чуть не окочурился? Всё ради тебя? Ой, не могу! Артист! Ха-ха!

— Хватит! — прошипел Эдвард, встряхивая меня. — Успокойся!

— Зачем? — хихикала я. — Это же, чёрт возьми, так весело!

В следующую секунду мне залепили пощёчину.

— Успокойся, — повторил Эдвард уже тише.

Я уставилась на него, держась за щёку.

— Позовёшь Проклятых? Ну, тех, что за дверью?

— Зачем? — не понял принц.

— Ну ка-а-ак же! — усмехнулась я. — С ними же бить меня интересней! Что, нет?

Будешь один? Ну, дерзай!

Эдвард отпустил меня и отвернулся.

— Я не знаю, ведьма ты или нет, но твой язык точно нужно укоротить!

— Займёшься этим? — машинально поинтересовалась я. И, после паузы, громко удивилась. — А что, я уже не ведьма?

Принц покосился на меня и встал.

— Для ведьмы ты слишком глупа.

— Серьёзно? Так я ещё и дура? — восхитилась я. — А ты, милый, кто?

— Помолчи, Катрин! — не выдержал Эдвард, садясь в кресло.

— А не то? — хмыкнула я. — Не то что? Отдашь меня Проклятым? Сам побьёшь?

— Я никогда не трогал женщин, — не глядя на меня, огрызнулся Эд.

— Правда? — изумилась я. — Моей шее это скажи! Да и то — зачем самому-то? Поди, королевский палач не откажется? Или да, зачем плебейке вроде меня королевский? Можно обычного позвать, прав...

— Умолкни!! — рыкнул Эдвард, ударив кулаком по столу. Тот вздрогнул — вместе со свитками и свечой. Тени испуганно запрыгали по стенам, а я подавилась словами.

И с полным намерением игнорировать этого мерзавца отвернулась к стене.

Молчать долго не получилось. Спать я не хотела, хоть и умирала от слабости. А лежать просто так наскучило быстро.

— Где Ален?

— Кто? — не отрываясь от свитка, спросил Эдвард.

— Мальчишка-колдун, — пояснила я. — Тот, что был со мной.

— Не знаю.

— То есть? — привстала на локтях я. — Как ты можешь не знать, где он?

Эдвард бросил на меня быстрый взгляд и, кажется, машинально потрогал ворот.

— Я только пожелал оказаться во Фрэсне. Вместе с вами. Я оказался. Вас там не было. Я был уверен, что ты изменила портал.

— Угу, — фыркнула я. — В тюрьму... Э-э-э... То есть это не Фрэсна?

Принц покачал головой, берясь за перо.

— Альбион.

— Вот чёрт!

— Не богохульствуй.

— Ты запихнул меня в Альбион! — пробормотала я. — Почему я до сих пор жива?

— Потому что король никак не может решить, за какую цену тебя нам продать, — помолчав, отозвался Эдвард.

Я хихикнула.

— Пусть у герцога де Сиета проконсультируется, — фыркнула я. — У того большой опыт продажи меня и заламывания цен.

— Героцг Руи? — задумчиво протянул Эдвард, снова косясь на меня. — Твой покровитель?

— Кто? — ахнула я. — Покровитель? Еле сбежала в прошлый раз! Он потребовал у тебя отказаться от титула азвонского наследника, только так он мог дать нам уехать.

— И ты вынудила меня отказаться, — констатировал принц, выписывая что-то на свитке.

Я села, прислонившись к подушкам.

— Ты сам-то в это веришь?

Эдвард коротко глянул на меня и продолжил писать. Молча.

Я наблюдала за ним, изучая, как спадают на лоб золотистые прядки, как сверкают в свете свечи глаза. Как прорезают лоб морщинки.

Почему-то это успокаивало.

Снаружи завывал ветер и изредка бил колокол. В основном время отчитывал.

Я клевала носом, пытаюсь привести мысли в порядок.

Куда делся Ален — непонятно. Но он хотя бы колдун, выберется.

А я, значит, в Альбионе. Блеск! Учитывая, как на меня должен быть зол отец Джоан (где она сама-то, кстати?), если меня не продадут, то особо цинично казнят. Не хочу даже думать, как.

Посокрушаться, что ли, на тему “что ж мне так не везёт”? А смысл?

Я предпочла задремать — и пропустила, когда колокол отбил хвалитню.

— Катрин.

— Отвали.

Мне под нос сунули что-то ароматное. И, схватив за плечи, снова усадили на кровать.

— Пей, — сказал Эдвард, прижимая к моим губам кубок.

Особого выбора у меня не было — да и к тому же, вдруг эта штука работает? Здоровая я лучше, чем я же больная?

Хотя толку-то? Сбежать всё равно не смогу...

Я выпила, меня отпустили — улеглась, с головой укрываясь одеялом. А спустя какое-то, кажется, долгое, время перины рядом легонько просели, а последняя свеча погасла.

— И всё-таки зачем ты это делаешь? — прошептала я, поворачиваясь.

Принц не стал задёргивать занавески, а огонь в камине ещё горел, так что я прекрасно видела Эда. Усталый. Измученный.

Не моё дело. Не моё!

И опять:

— Я не знаю, — тихое.

Я смотрела на него с минуту, пытаюсь убедить себя, что я ничего не чувствую. Вот совсем ничего. Равнодушная я.

— Ладно.

— Не знаю, — зачем-то повторил Эдвард. И очень тихо шепнул. — Но я могу заснуть только рядом с тобой.

— Судя по твоему виду, у тебя и со мной не очень-то получается, — машинально съязвила я.

Эдвард грустно улыбнулся и повернулся ко мне.

— Мне спокойно только рядом с тобой, — добавил он, потянувшись ко мне.

Я отодвинулась.

Его рука замерла, а по губам пробежала печальная усмешка.

— Я не знаю, что со мной, — поделился Эдвард.

— Приворотное зелье? — тут же подсказала я.

Принц в ответ тихо рассмеялся.

— Ни одно приворотное зелье так не действует. Оно вызывает страсть, жгучую, невозможную. Желание близости. Ты бы никогда не осталась девственницей, если бы и впрямь напоила меня приворотным зельем, — тихо добавил Эдвард, странно глядя на меня.

— Здравая мысль, — фыркнула я. — Жаль, раньше в голову не пришла.

— Зачем ты перенесла меня в свой мир? — спросил принц, помолчав.

— Я тебя не переносила, — отозвалась я. — Это Ален открыл портал в тот момент, когда ты пытался меня задушить. А я потом с ног сбилась, пока тебя искала. Это повезло ещё, что в тот же город забросило — не знаю, что бы я делала, окажись ты, например, где-нибудь на Бали. Или в Африке.

Эдвард задумчиво наклонил голову и снова, забывшись, потянулся ко мне.

Я оттолкнула его руку. Эд удивлённо на неё уставился и спрятал за спину.

— Я думал, ты хочешь...

— Я помню, что ты думал. Ты очень ясно это озвучил, когда душил меня во второй раз, — откликнулась я.

— Я принц Фрэсны и не должен подчиняться ведьме...

— Чудно. При чём тут я?

Эдвард поймал мой взгляд.

— Почему мне больно видеть, как ты страдаешь? — выдохнул он. — Почему мне плохо без тебя?

— Не знаю, — отводя взгляд, откликнулась я. — Наверное, какое-нибудь жуткое колдунство.

— Ты не колдунья, — улыбнулся Эд. — Я почему-то это знаю... Почему я мог тебя ненавидеть раньше, когда у тебя была другая внешность? Почему сейчас мне так больно смотреть на тебя?.. Почему я не могу без тебя?

Я со вздохом подтянула одеяла к подбородку.

— Спи, принц. Вы устали.

И честно боролась с собой где-то с полчаса. Потом не выдержала, приподнялась и укрыла Эда своим одеялом. Он не отреагировал, поэтому, ещё подумав, я потянула его к себе, сказав в ответ на удивлённый взгляд:

— Если уж спишь рядом, ложись удобнее.

За что тут же и поплатилась, потому что Эдвард, явно в полусне, потянулся ко мне сам и обнял, уткнувшись носом мне в волосы. И довольно засопел.

Я думала вырваться. Целую минуту думала. Но, во-первых, мне тоже хотелось спать. А во-вторых, мне, чёрт возьми, было уютно.

Так что я просто закрыла глаза.

Подумать, почему после всего мне тоже без него больно, я смогу и завтра.

И мне и правда хорошо спалось в его объятьях. А, впрочем, как и всегда. Пока какой-то... нехороший человек не поднял нас посреди ночи.

Арбалетный болт вонзился в сантиметре от моего виска, прошив подушку — и тут же руки, обнимавшие меня полночи, с силой толкнули в дальний и самый тёмный угол кровати. Я в панике забарахталась под одеялом, рядом ударил ещё один болт, а потом зазвенела сталь — слава богу, далеко от меня и кровати вообще.

Холодея, я кое-как выкарабкалась из одеяльного плена — заодно оценив арбалетные болты. Эдвард тем временем гонял по комнате какого-то хмыря в темно-зелёном (или он гонял Эда, фиг поймёшь). Мальчики страстно, с любовью к искусству рубились на мечах — свечи, стулья, свитки так и летали по комнате. Я плюнула на любопытство и укрылась одеялом с головой — когда рядом приземлился огрызок свечи. На меня пока внимания не обращали — хмырь в зелёном пытался добраться до открытого окна, Эд его не пускал, а запертую дверь тем временем на всю катушку рубили — очень надеюсь, что наши.

Я ещё успела заприметить рядом подходящую деревяшку, бывшую раньше, кажется, ножкой кресла. Если что кому-нибудь я ею врежу. А вот добраться до неё не успела — зелёный в метре от окна рухнул с клинком Эда в горле, а дверь, наконец, поддалась, и в проём сноровисто полезли Проклятые.

Эд раздавал приказы, машинально вытирая клинок о плащ зелёного, тени-Проклятые сновали туда-сюда, а я заметила рядом с подходящей деревяшкой ещё более подходящий кинжальчик. И, пока на меня внимания не обращали, спрятала под подушку. Во-о-от, если кто ещё на меня покусится, сильно пожалеет.

Кутерьма улеглась где-то через час. Тело унесли, новые стулья-кресла принесли, свитки собрали, дверь занавесили, и Эд устроился рядом, вертя в пальцах один из арбалетных болтов.

— Зачем он хотел тебя убить? — спросил принц, судя по взгляду — у болта.

Я моргнула, кутаясь в одеяло.

— Меня? Может, тебя?

Эдвард указал болтом на красноречивую дыру в подушке.

— Ну, может, промахнулся, — протянула я, передёргиваясь.

— Если бы целился в меня — так бы не промахнулся, — усмехнулся Эдвард.

Я закусила губу.

— Ну... меня и раньше пытались убить альбионцы. Кажется, два раза...

— Альбионцы? — вскинул брови Эд. — Вряд ли. Пока ты нужна их королю, никто не станет тебя убивать. А ты им нужна... К тому же, это точно был фрэсниец. Я видел его раньше при дворе. Катрин, у тебя есть враги или...м-м-м... бывшие покровители при моём дворе?

— После того, как ты объявил меня своей невесты, врагов у меня было выше крыши, — фыркнула я. — Сейчас — кому я нужна?

Эдвард долго, задумчиво глядел на меня.

— Верно, — сказал, наконец. — Жаль, что я его убил. Могли бы допросить... Я увеличу твою охрану, Катрин, раз уж альбионцы с этим не справляются.

— Зачем тебе это? — не выдержала я. — Всё, я поняла, что ты добрый. Из тюрьмы ты меня выпустил. Ну и отпусти на все четыре стороны. Смотреть на меня тебе ведь больно?

Принц, опасно прищурившись, тихо произнес:

— Не отпущу. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом.

— Чтобы потом ты наслушался очередных гадостей про меня, поверил, и решил помучить, а я бы была под рукой?

— Катрин, — устало протянул Эдвард. — Довольно. Желание принца — закон. И оно не обсуждается.

— Ты не мой принц.

Он стиснул зубы и, выдержав паузу, вдруг приказал:

— Катрин, верни кинжал.

— Какой кинжал? — изумилась я, подминая под себя подушку, где спрятала клинок.

— Мой кинжал, — терпеливо объяснил Эдвард. — Тот, что у тебя под подушкой.

Возвращай.

Я молча смотрела на него. Фиг тебе. Не дождёшься!

— Верни сама, — повторил Эд. — Я не хочу делать тебе больно, Катрин.

— С чего бы? — хмыкнула я. — А вдруг захочешь? Пусть будет у меня. На всякий случай.

— Катрин, я обещаю, что не трону тебя...

— Да пошёл ты со своими обещаниями! — взвилась я. И почти в ту же секунду оказалась на краю кровати с заломленными за спину руками.

Убрав кинжал, Эдвард встал, не глядя, как я выпутываюсь из-под одеяла. Поднял упавшие на пол шкуры, бросил мне.

— Спи, Катрин. Утром я приведу к тебе врача. Пусть осмотрит. Кажется, у тебя снова жар.

— Мерзавец, — прошипела я, швыряя в него подушкой. — Пользуешься моей беспомощностью!

Эдвард подобрал и подушку.

— Ты пользовалась моей, когда я “гостил” у тебя.

— Идиот!

— Оскорбление наследного принца карается смертной казнью.

— Да иди ты...!

Но Эдвард исчез за дверью — до того, как я успела решить, куда его послать. Осталось бить подушки, представляя вместо них симпатичного зеленоглазого негодяя, в которого каким-то невероятно чудным образом превратился мой принц.

Следующий день прошёл примерно как и предыдущий. То есть я его почти целиком проспала. Меня кормили, лечили, поили снотворным — и я проваливалась в сон, как в омут. Пару раз приходил местный врач. Пару раз я знаками пыталась объяснить ему, что руки перед едой и пациентом желательно мыть (если бы вы видели местных блох, в огромном количестве скачущих по людям, — вы бы тоже рискнули на подобное объяснение). Ничего у меня, конечно, не вышло. А когда попробовала поскандалить, к врачу (детина с руками, как у мясника) на помощь явились Проклятые. А я уверилась, что королевский врач в свободное от работы время подрабатывает королевским палачом. Руки сплошь покрылись синяками после тесного с ним общения. А к вечеру и вовсе почернели — особенно на запястьях. Эдвард, явившийся, как обычно, со свитками, увидел и резко стал похож на быка во время корриды — ну, когда он ещё землю копытом роет.

Были вызваны Проклятые, Эд что-то им “промычал”, потом вся эта компания убралась из моей спальни — надолго. Снова явилась уже ближе к хвалитне, разбудила меня и заставила знакомиться с напуганным до чёртиков благообразным старичком, который — о счастье, знал фрэснийский. И мыл руки, да. Я ему поулыбалась, понаблюдала, как он делает мне повязки, показала горло, дала послушать грудь. Мне оставили лекарства, объяснили,

когда что пить, прикладывать и так далее. Пообещали прийти ещё.

Дальше старичку-врачу улыбался уже Эдвард, отдавая внушительно позванивающий мешочек — за работу и беспокойство. Он же пообещал, что господина...э-э-э, не расслышала как-его-там, проводят до дома. Проклятые. Господин долго отказывался, но его не слушали.

— Ты его из постели поднял? — поинтересовалась я, когда мы с Эдом остались в комнате одни.

Эдвард с тоской глянул на разбросанные по столу свитки, махнул рукой и принялся стягивать кот.

— Ввалился вместе с Проклятыми посреди ночи и заставил честного врача тащиться сюда? — настаивала я.

Закрыв глаза, Эд бухнулся рядом на кровать и выдохнул:

— Я ему заплатил.

— И испугал до чёртиков, — подытожила я. — Весь в папочку. Тот тоже обожает своих мертвецов везде понатыкать, а потом смотрит и наслаждается, как всем вокруг плохо.

— Катрин, — угрожающе тихо произнёс Эдвард, не открывая глаз. — Оставь моего отца в покое. Или придётся действительно укоротить твой длинный и бестолковый язык.

Я привстала на локтях и выплюнула:

— Как же ты меня... доста-а-ал! Так бы подушкой во сне и придушила.

Эдвард приоткрыл один глаз, мрачно глянул на меня.

— Давай.

— Чего? — опешила я.

— Души, — устало отозвался Эд. И очень тихо добавил. — Кто бы знал, как мне самому это всё надоело. Надоел. Этот гадюшник. Я не понимаю, почему раньше не сбежал на Изумрудные острова? Ведь был же шанс! Все лгут, при дворе одни змеи — и я знал это раньше. Помнил. Я помирился с отцом и думал, мы с ним похожи, что его всё это тоже достало, что он просто хочет вытащить страну из той ямы, куда её отправили наши предки. Но то, что он говорит, потом тоже оказывается ложью. Я не знаю, кому верить! И можно ли вообще кому-то верить. Даже мои собственные воспоминания мне лгут... И ещё везде этот холод. Постоянно. Сколько бы я не зарывался во всё это, — он резко кивнул на свитки, — они всегда рядом: холод и пустота. Я бегу от них, как раньше бежал от отца — бегу от них, бегу от невесты, потому что рядом с ней мне ещё хуже. И, — он повернулся ко мне, — тут появляешься ты. Ты тоже мне лжёшь, как и все. И ты ничуть не лучше, я это вижу, знаю. Ты не можешь быть лучше. Но рядом с тобой мне легче. Отец уверяет, это заклинание. И он мне лжёт, потому что ни одно заклинание не способно на это. Потому что рядом с тобой мне тепло, спокойно и уютно, потому что о тебе хочется заботиться, как о маленьком, пушистом, глупом... — он запнулся, глядя на меня с выражением, близким к панике.

— Эдвард, — тихо позвала я. — Я тебя боюсь, — и добавила в ответ на изумлённый взгляд. — Твоё отношение меняется слишком близко. Несколько дней назад ты пытался меня задушить. Действительно пытался.

Он кивнул.

— Я ненавижу тебя. А особенно ту лесную фею, которую спас граф Сассекс. Она была как все. Пустышка. Холодная, глупая пустышка. Ты... я не понимаю, что в тебе другое, но я не хочу причинять тебе боль. Знаешь, я смотрел на тебя в темнице и... это было в сотню раз больнее, чем пытки Инквизиции. Я не понимаю, почему. Не понимаю, что со мной.

— Когда ты так говоришь, это звучит почти как признание в любви, — ехидно сообщила я.

— Я не могу влюбиться в недалёкую, эгоистичную, беспомощную плебейку, — отозвался принц, но голос его звучал не слишком уверенно. — Я просто... я просто хочу, чтобы ты была рядом.

Я придвинулась к нему, приподнимаясь.

— Глупый, одинокий принц. Ты сделал мне больно, — шепнула я, глядя ему в глаза. — Ты сделал мне очень больно, Эдвард. Ты понимаешь? Я вряд ли смогу это забыть.

Он нахмурился.

— Если ты думаешь, что я прошу у тебя прощения, то ты...

— О, помолчи, — шепнула я, наклоняясь к его губам.

Он вздрогнул, но открылся мне — почти сразу, и ответил тоже. А после, когда я отодвинулась, протянул руку, осторожно касаясь пальцами моего лица.

— Ты настоящая, — шепнул, точно думал вслух. — Единственное, что важно в этом мире... Я никогда тебя не отпущу.

Я отстранилась.

— Идиот.

— Катрин...

— Я помню, чем карается оскорбление принца, — заявила я, укрываясь с головой и отворачиваясь. — Не отпустишь? Тебя никогда не волновало, что я думаю по этому поводу. Довольно только твоего желания. Ну конечно, ты же принц.

— Катрин, — усмехнулись позади. — Ты в меня влюблена. Я это понял ещё когда...

Я, не глядя, швырнула в него подушкой.

— Заткнись. И спи уже. Ваше Высочество.

— Спокойной ночи, Катрин, — тихо, когда я почти уснула, пошептал он.

— Спокойной ночи, принц, — отозвалась я.

За спиной вздохнули.

Вот-вот, лежи и мучься. Я дура, но и ты идиот не меньше.

***

Эдвард явился во внеурочное время — в полдень. И при параде, насколько я могла судить — столько драгоценностей он раньше на себя цеплял только для выхода в свет. Хм.

— Как она себя чувствует?

Я с тоской посмотрела на полог. Мог бы и меня спросить.

Вежливый благообразный старичок-врач, вздрагивая от напряжения, принялся витиевато рассказывать, как мне плохо. Эдвард его быстро прервал.

— Сделайте так, чтобы она смогла ехать. И не упала в обморок во время приёма.

Да я вообще в обморок обычно не...

— Ехать? — засуетился старичок. — Но госпоже ещё нельзя вставать. Ваше Высочество...

— Сделайте.

И, без объяснений, принц скрылся за дверью.

Старичок, бормоча что-то не по-фрэнсийский, принялся мешать какие-то порошки. А в комнату тем временем проскользнули служанки. Целый ворох. Я обалдело наблюдала, как они заносят одежду, раскладывает украшения, шпильки, заколочки. Потом терпеливо ждала, пока меня причешут и соорудят что-то сложное, но наощупь красивое — вроде сеточки из

косичек с мелкими жемчужными бусинами.

Врач как раз сварганил тоник, заставил выпить — мне резко похорошело. Убойная там смесь была — мяты и чего-то ещё... полыни, что ли? И ладно, потому что после меня упаковывали в платье, точнее, блио, но это было... тяжело. Я думала ворох этой “капусты” никогда не кончится...

Во дворе ждала карета. Я решила, Эдвард поедет со мной, но он скакал верхом — вместе с Проклятыми. Демоны не очень-то внушительно смотрелись при дневном свете — тем более солнце сегодня светило на всю катушку. Но всё равно кортеж из нас получился колоритный.

Я смотрела в щёлочку, как проплывают мимо сначала деревья, потом, очевидно, как в город въехали, — низенькие каменные дома, и пыталась понять, что всё это значит. Какой приём имел в виду Эд, и почему меня одели как герцогиню?

Лекарство старичка-врача тонизировало хорошо, но жаль, недолго. Поплохело мне уже на выходе из кареты — а руку помощи никто предложить не догадался. Эдвард вообще не меня не смотрел. Я брела себе, пошатываясь, позади него — в окружении Проклятых. Раза два запуталась в подоле. Три — споткнулась. А, когда принц замешкался, и вовсе на него налетела.

Эдвард схватил меня за руку, больно сжав. Прошипел:

— Катрин, ты что творишь?

— Не видишь — умираю, — задыхаясь, отозвалась я.

Не знаю, что он увидел — я вот ничерта не видела, кроме тумана и каких-то ярких пятен, но дальше он потащил меня уже за руку и только спустя какое-то время передал Проклятому.

Следующий час я пыталась растянуться на полу, а в процессе — недоумевала, что происходит.

Кажется, сначала взвизгнули трубы. Меня толкнули в спину, заставляя поклониться. Я с трудом присела — на реверанс по-азвонски, как учили, меня бы уже не хватило. А потом и вовсе упала на ближайшего Проклятого, а тот, стенка, сделал вид, что так и надо — только быстренько перехватил поудобнее, чтобы висела вертикально.

Сквозь туман или вату доносилась местная тарабарщина — альбионский, очевидно. А ближе к концу — когда я умирала вроде бы уже по-настоящему, в поле зрения оказался какой-то хмырь в короне, ни капельки Джоан не напоминающий. Улыбнулся, потрепал меня за щёчку, глядя куда-то в сторону.

Почти сразу после этого снова взвыли трубы, и меня уронили на пол.

— Катрин? — раздался тихий шёпот на ухо.

Пытаясь встать, я с трудом скосила глаза на Эдварда и всё-таки потеряла сознание.

***

— Её отравили, да? Это яд?!

— Ваше Высочество, я же говорил, что госпоже нельзя вставать...

— Вы утверждаете, что ей так плохо из-за обычной лихорадки?!

А-а-а, у меня лихорадка! Я умру!

Я глубоко вздохнула — и надолго с наслаждением закашлялась.

— Они её пытали, да? — глядя на меня с выражением, близким к панике, бормотал Эдвард. — Они её пытали, а мне солгали, что не тронули. И вы мне лжёте, да? — он схватил беднягу врача за грудки. — Кто вам приказал?!

В ответ раздался приглушённый, но очень испуганный сип.

— Эдвард, успокойся! — не выдержав, прохрипела я.

Отшатнувшись от старичка, Эд приложился спиной к креслу и упал в него, закрыв лицо руками.

Я выглянула из одеяльного свитка.

— Что с ним?

Врач что-то залопотал на альбионском, собирая дрожащей рукой пузырьки.

подавив новый приступ кашля, я тронула эскулапа за рукав.

— А у меня правда лихорадка? Я умру?

Врач уставился на меня во все глаза, потом сбивчиво принялся объяснять чего-то про желчь с флегмой, когда Эдвард вдруг захохотал — громко и совершенно истерично.

Мы замерли, глядя на него. Бедный старичок, кажется, вообще впал в ступор — интересно, чем его Эд раньше так напугал? Или Проклятые постарались?

— У него истерика, — со знанием дела сообщила я, трясая старичка за рукав. — Накапайте ему успокоительного.

Роняя склянки, врач засуетился — я забрала у него кубок с лекарством, когда он чуть не уронил его на пол.

— Идите, господин, дальше я сама.

Глянув на меня, потом на хохочущего Эдварда, “господин” мудро решил убраться. Надеюсь, Проклятые его за дверью не задержали.

Я кое-как встала с кровати.

— Эдвард, пей.

Принц захлебнулся смехом, уставившись на кубок. Перевёл взгляд на меня.

— Давай, Эдвард, — протянула я. — Мне никто не приказывал и я тебе не лгу. Что, вообще, за паранойя такая? — и сунула ему кубок под нос.

Эд смерил меня долгим взглядом и, выбив кубок из рук — я вскрикнула — резко обнял. Или, точнее, вцепился в мои плечи, крепко, повиснув всем телом.

Э-э-э...

А посудой-то зачем швыряться?

— Эдвард, — протянула я, когда он, наконец, отстранился. — Что...

— Тебе легче? — напряжённо поинтересовался он.

Мне?!

— Ну... Не-е-ет, — мстительно протянула я, делая попытку упасть ему на руки. В итоге свалилась на пол. И прохрипела вслед идущему к двери Эду. — Отпусти бедного врача домой, с него хватит!

Дверь стукнула, а до кровати мне пришлось добираться самостоятельно.

Вот вам и вся галантность.

***

Зато потом я спала. Много. И меня никто не трогал — не считая служанок, всё-таки явившихся узнать, не нужно ли чего госпоже. Госпожа, до этого безуспешно сражавшаяся со шнуровками, пожелала выпихнуться, наконец, из платья и избавиться от бусин-жемчужин, жутко мешающих лежать. Так что меня наскоро распаковали, избавив от блию, недокорсета, заколок и украшений, да оставили в покое.

И я спала. Долго, до самой ночи, даже явившийся как обычно Эдвард меня не разбудил. Проснулась я лишь где-то за полночь, когда этот нервный фрэснийский принц-наследник

принялся с душераздирающими стонами кататься по постели. А сам, кстати, просыпаться никак не желал, хотя я его трясла и даже пару раз (не без удовольствия) ударила по щекам. И, когда я уже примеривалась долбануть его для верности стоящим у кровати кувшином с водой, соизволил открыть глаза.

— Эдвард, что с тобой происходит? — настаивала я спустя какое-то время, лёжа рядом на животе и вглядываясь в его лицо.

Сам Эд полусидел, прислонившись спиной к подушкам и, обняв себя руками, мелко вздрагивал. И молчал, гад.

— Эдвард, — я потянулась к нему. Больно взгляд мне не понравился — остановившийся, пустой.

Эд оттолкнул мою руку.

— Оставь меня в покое!

Я минуту смотрела на него, хватая ртом воздух. Потом выпалила:

— Ха, это, что, я к тебе в кровать припёрлась?!

Зелёные громадные глаза уставились на меня, и я не выдержала. Потянулась, обнимая, сжимая руки, когда он попытался меня оттолкнуть. Шепнула:

— Эдвард, скажи, в чём дело?

— Ни в чём, — зло бросил он, вырываясь (но слабенько, даже больная я справилась). — Я же сказал, оставь меня в покое!

И замер, когда я осторожно поцеловала за ухом.

— Тише. Успокойся. Чш-ш-ш...

Ещё спустя полчаса, когда это золотоволосое чудо пришло в себя, я попыталась настоять на вызове врача. Эд оказался резко против и даже в очередной раз напомнил мне, что он принц и “помолчи, девчонка”.

— Может, тебя заколдовали, а? — протянула я, устраиваясь поудобнее рядом с ним на кровати. — Не, ты не думай, не я, я не умею. Но... серьёзно — вдруг?

Эд устало вздохнул, глядя куда-то в одну ему видимую точку на пологе.

— Это маловероятно. Я сын колдуна, кто может меня заколдовать... так? — и совсем тихо добавил. — На мне столько защитных амулетов, что хватило бы для маленького отряда, атакующего метаморфа.

— Что, и медальон, который у меня забрал? — хмыкнула я. — Или Джоан вернул?

Эд оторвался от полога и красноречиво посмотрел на меня.

— Ладно, — пошла на попятную я. — А вот... знаешь, меня всегда удивляло... Ты никогда не думал, что твой отец может тебя... ну... проклясть?

— Я же просил оставить отца в покое, — поморщился Эд. Но всё равно ответил. — Не может. Спи, Катрин. Твоя болтовня надоедает.

А мне надоедают твои стоны по ночам и вообще я к тебе в постель не напрашивалась!

— Ты ему так веришь, — протянула я. — Отцу. Почему?

Эд снова уставился на полог.

— Потому что он мой отец. И он никогда не причинит мне вред.

— Да ладно! — фыркнула я. — Это не он, случайно, за тобой десять лет вместе с мертвецами гонялся?

— Нет, это досужие сплетни, — со вздохом отозвался принц.

Чего?!

Я приподнялась на локтях, глядя на него.

— Ага. Помню я эти сплетни. Три шуки, полуразложившиеся кони, всадники в плащах и вопящая бандерша, в чей дом терпимости они вломились. Эдвард, ты издеваешься?

Зелёные глаза расширились.

— Откуда... откуда ты знаешь? — выдохнул принц.

Я фыркнула.

— Мы там с тобой познакомились.

— Мы познакомились при азвонском дворе! — выпалил Эд. — Тебя представил герцог Руи...

— Мы познакомились в борделе, где ты работал, — мстительно перебила я. — Ты меня спас...э-э-э... спас, а потом за тобой приехали эти мёртвые королевские посланцы, до смерти всех перепугав.

Эдвард смотрел на меня во все глаза.

— Но мне говорили... — начал он и осёкся. А минуту спустя спросил тоскливо у полога. — Кто из вас лжёт?

— Я правду говорю, — буркнула я, вызвав у него грустную улыбку. — Эдвард, серьёзно, ты уверен, что твой отец не мог...

— Катрин, — неожиданно холодно сказал Эд. — Ещё одно слово про моего отца, и я придумаю тебе наказание, которое, поверь, будет неприятным. Хватит. Мне надоело.

Я поборолла желание врезать ему подушкой — но уж больно измученный у него был вид. Хотя отвернулась очень обиженно.

Больше той ночью мы не разговаривали.

***

Спустя три дня мне стало лучше, и мы вновь отправились на “приём”. Меня снова одели — вычурно, с драгоценностями и даже диадемой в волосах. Когда, прежде чем сесть в карету, я спросила Эда, к чему этот маскарад, принц, сам наряженный, как... ну, принц-наследник, высокомерно отозвался, что так ему видеть меня приятнее.

Ну, если приятнее, тогда конечно...

По дороге я пыталась рассматривать город, но не сильно преуспела. Сквозь мелькающие силуэты всадников и маленькую щелочку занавесок виднелся только краешек синего неба, да треугольные черепичные крыши, на которых алмазами поблёскивал снег.

Всю дорогу где-то вдалеке звенел колокол — мерно, успокаивающе. Я зевала и мечтала, чтобы мешающие рассмотреть Проклятые отъехали куда-нибудь в сторону. Но они, конечно, никуда не отъехали.

Альбионский двор напоминал фрэнсийский. А точнее, походил как две капли воды. Разве что, если приглядеться — здесь явно были в моде жемчуга, а не брильянты, и крой блио и котов немного отличался. Но в целом — то же самое.

Проклятых здесь сторонились также. И уважали, похоже. По крайней мере, в общей зале с другими послами (этих ребят всегда узнать можно — говорят странно, одеты интересно) ждать не заставили, отвели в маленькую приёмную, которую Эд уже через десять минут принялся раздражённо мерить шагами. А ещё через пятнадцать — бормотать ругательства. Очевидно, заставлять принцев ждать здесь не принято.

Но трубы, как прошлый раз, не выли.

Я тоже маялась, думая, не усесться ли на пол. Сидеть в присутствии принца — если это не его личные комнаты, мне бы, конечно, никто не позволил. Я-то плевала на этикет, но у Проклятых на этот счёт было другое мнение.

Эд, ничего не замечая и теряя терпение, продолжал бродить по комнате. И вскинулся, когда дверь вдруг открылась. Без труб, поэтому я удивилась, глядя, как рассерженный фрэснийский принц пытается растянуть губы в вежливой улыбке.

Вошедший оказался не королём — я всё-таки разглядела тогда того хмыря в короне, хоть и сквозь туман. Но этого я разглядела ещё раньше. Тогда, на ужине — незнакомый лорд-альбионец, чьё имя и род я благополучно забыла, сейчас тоже улыбался и вёл с Эдом непринуждённую беседу.

Я прислонилась к стене, наблюдая. Ален, помнится, этого лорда боялся. Значит, альбионец, по крайней мере, потенциально опасен. Кого, интересно, может до дрожи бояться колдун-метаморф? Учитывая, что колдуны-метаморфы — самые сильные волшебники в этом мире.

Лорд-альбионец тоже пару раз глянул на меня, и его улыбка мне очень не понравилась. Такая... довольная. Но в целом, вёл он себя вежливо — даже очень. Но не подобострастно, не поклонился Эдварду, а разговаривал... как с равным?

Я над всем этим размышляла ровно до того момента, как в комнату вошла пара местных стражников. Поклонились, бормоча что-то придворное. И снова исчезли за дверью, но перед этим один из них дёрнул золотую цепь, намотанную на руку, и вытолкнул вперёд замученное, избитое, дрожащее существо. Отдалённо оно напоминало ребёнка — мальчишку. По крайней мере, со спины — если закрыть глаза на шрамы и кровоточащие раны на ней. И не только на ней. Кто именно это был, я не видела — он... хм, оно пыталось свернуться в клубочек на полу и было так густо покрыто грязью и засохшей кровью, что узнать под этим кого-то было бы проблематично в принципе.

Стражники ушли, а существо, позвякивая цепью, подчиняясь распевному приказу, поползло к улыбающемуся альбионскому лорду. Тот усмехнулся, что-то сказал, обращаясь к Эдварду. Фрэснийский принц глянул с лёгким осуждением, но снова натянул улыбку и кивнул. А альбионец, то ли работая на публику, то ли просто от души наслаждаясь, подхватил конец цепочки, который дрожащими руками держало существо. И дёрнул, хватая несчастного за шею, поворачивая к свету, а заодно и ко мне. Эд отступил, я хотела было отвернуться — хватит с меня местной дикости. Но замерла, когда всхлипывающее, вздрагивающее существо повернуло голову в мою сторону и потемневшие глаза невидяще уставились на меня.

Я их узнала. Я бы в любом виде их узнала — невозможно забыть глаз, в который ты когда-то тыкала раскалённой шпилькой.

Да, чёрт возьми, я его даже котом бы узнала!

Ален, прокусив губу до крови, смотрел невидяще смотрел на меня, а этот... этот... альбионец давил его горло и улыбался.

Проклятые схватили меня прежде, чем я успела хотя бы дёрнуться в его стороны. Схватили, прижали к стене, закрывая. И так пока этот альбионский извращенец не скрылся за дверью, чтоб ему оттуда дорога в ад была покороче!

— Катрин, в чём дело? — удивлённо спросил Эдвард, делая Проклятым знак отойти. — Что случи...

Впившись в него взглядом, я подняла дрожащую руку. И размахнулась.

***

— Катрин! Не смей никогда так делать! — рассматривая в зеркало красноречивый синяк на скуле, глухо приказал Эдвард. — Если ты хочешь жить, глупая, беспомощная

девчонка, не смей никогда...

— Он мой друг! — всхлипнула я, колотя подушку. — Эдвард, он мой друг! Этот мерзавец так обращался с моим другом!

— Он метаморф.

— Да мне плевать, кто он, я его убью за то, что он сделал с Аленом!

— Твой Ален, — глянув на меня, медленно сказал принц. — Твой друг метаморф.

Я подняла голову от подушки.

— И?

Мы непонимающе уставились друг на друга.

— Метаморф, Катрин, — повторил Эд. — Злобное, бездушное существо. Порождение ночи...

— Но это же не значит, что с ним можно так... — начала я, но в глазах Эдварда уже был ответ. Можно.

Я отшатнулась.

— Катрин, ты не представляешь, на что способны метаморфы. Они злобные, жадные до власти существа и к тому же могущественные колдуны. Их сила должна быть под контролем.

— Ты называешь это “контролем”? — выпалила я.

— Катрин, — вздохнув, снова начал Эд. — Я понимаю, что в твоём мире, возможно, колдунов действительно нет, и ты просто не понимаешь, насколько метаморфы опасны...

— Эдвард, — перебила я. — Если бы не твоё шестое чувство, утверждающее, что я не колдунья, со мной бы обращались так же? Ведь и меня называли метаморфом. Так же? Да?

Он замер.

— Ты не ме...

И поймал мою руку, когда я снова размахнулась.

— Катрин. Я предупреждаю. Больше я этого терпеть не намерен. Ты хочешь в темницу? Я могу тебя туда отправить.

Я хотела проклинать его, но... он был принцем. И да, он мог больше, чем все мои крики. Он мог помочь.

Эдвард изумлённо замер, когда я осела перед ним на колени, вздрагивая и хватая за свободную руку.

— Эдвард... пожалуйста... он мой друг... ты можешь ему помочь? Пожалуйста! Я прошу тебя...

Его рука сама сжала мои пальцы. И дёрнула, поднимая, заставляя встать на ноги.

— Катрин. Его хозяин — герцог Кельтии. Он наследный принц Альбиона. Прости, но даже если бы хотел, я ничего не мог бы сделать.

Я вырвала у него руку и отшатнулась.

— А если бы на месте Алена была я?

— Слава Защитнику, ты не на его месте. Катрин, успокойся. В любом случае, после того как король Альбиона отказался меня сегодня принять — меня, наследника Фрэсны — я не собираюсь снова отправляться во дворец. И не имею права. Я не могу просто так проглотить...

— Там человека пытаются — а ты про политику?! — выдохнула я, отступая. — Эдвард, да что с тобой?

— Катрин, он не человек.

— Ты... — я хотела... я много чего ему хотела сказать. Но тут снаружи бухнул колокол.

И следом же взвизгнула сталь.

Эдвард, мгновенно схватив висевший на кресле меч, кинулся к двери, бросив мне: “Будь тут”. Примерно то же он приказал стоящим снаружи Проклятым — охранять меня или что-то вроде. И поспешил дальше.

Я опустила в кресло, прижав дрожащую руку ко рту.

Стоящий рядом, на столике, ларец со свитками, который Эдвард регулярно приносил с собой, маняще сверкнул рубинами.

***

Медальон Джоан лежал там, снизу, среди свитков.

Ну конечно, одень он амулет альбионцев перед альбионским же королём — какой бы был конфуз... Любой волшебник — а здесь наверняка есть волшебники — почувствовал бы, что медальон подарен... не совсем честно. Может, оттого он и работал неправильно?

Не знаю, но меня переносить “домой” он тоже отказался. Только посверкивал красиво и чуть нагрелся.

Я плюнула на всё, надела его и бочком скользнула к окну.

Внизу было пусто, и низ этот был недалеко. Так что решала я недолго.

Пролететь в местную версию бойницы оказалось непросто — и если бы не бульонный рацион последних дней, я бы наверняка застряла. А так только блио порвала. Ну и чёрт с ним.

Здравый смысл проснулся где-то по дороге: я догадалась подобрать у ближайшего трупа кинжал (а трупы мне скоро стали попадаться в большом количестве, причём в форме альбионских королевских стражников). Проклятые мне тоже попались пару раз. Я паниковала, но у них не было приказа мне мешать, так что я для них всё равно что не существовала.

Конюшню я нашла чудом. И чудо, что попрятавшиеся конюхи не успели распрячь всех лошадей — в том числе и коня Эдварда. Как они вообще справлялись с четвероногими монстрами Проклятых?..

Я не умела ездить верхом. И конь был громаден — я взбиралась на него с помощью досок стойла — по ним залазила, путаясь в подоле и соскальзывая. А стоило кое-как усестись в седло, эта скотина заплясала с явным намерением меня скинуть.

Цепляясь за гриву больше, чем за поводья, я выплонула:

— Вперёд! Ну! Я кому сказала!

Медальон засиял, конь неожиданно успокоился — и сначала шагом, но быстро переходя на рысь, выскочил из конюшни.

Дальше я легла на его шею, держалась изо всех сил и ничерта не видела.

Помню, мелькнули ворота, меня чуть не выбросило из седла. И ветер засвистел в ушах.

И вовсе это не романтично.

***

К вечеру, остановившись в каком-то лесочке, я кое-как смогла продумать дальнейший план.

Алена нужно было спасти позарез. Без него мне и домой, кстати, не попасть.

Размышляла я пока только об этом — и того хватало.

Висящих на мне драгоценностей было достаточно для покупки небольшой армии. Так что дорогу до дворца — или где там обитает этот альбионский принц (неужели братец Джоан?) — я узнаю. А потом...

Потом в плане зияла дыра, но меня очень вдохновлял пустой взгляд Алена, запечатлевшийся, наверное, навсегда.

Беда была в том, что я не знала, куда ехать сейчас. И боялась нарваться на разбойников. Поэтому, когда за очередным поворотом тропы расслышала чваканье копыт, решила рискнуть и пережить ещё один галоп.

Разогнались мы, правда, только до рыси. Всадник вылетел из-за поворота куда быстрее, чем мы успели сбежать, и схватил моего коня под уздцы, с трудом осадив свою лошадь.

Разбойники, как же...

— Ты рехнулась?!

— Да блин, отцепишься ты от меня или нет?! — закричала я в лицо фрэнсийскому принцу, пытаюсь вырвать поводья. — Отпусти меня! Пусти!!

— Куда ты собралась?!

— От тебя подальше!

Эдвард не придумал ничего лучше, как попытаться выдернуть меня из седла — и у него это почти получилось, но в его седло влезать я не желала, схватившись за ближайшее нависающее над дорогой дерево, как утопающий за соломинку.

В итоге мы оба кубарем покатались по склону вниз, к очередному изгибу тропы. И да, на этот раз я оказалась верхом. И да, на этот раз у меня был кинжал.

Эдвард замер, когда я прижала кончик клинка к его горлу.

— Всё, — выдохнула я. — Мне плевать, принц ты или нет, хочешь ты или нет — я уезжаю. И ты не поедешь меня догонять. Ты не отправишь Проклятых или не помешаешь как-то ещё. Ты дашь мне уехать. Дашь. Мне. Уехать.

Эдвард смотрел на меня и в его глазах изумление постепенно сменялось гневом и где-то глубоко... неужели страхом?

— Клянись. Клянись, — я прикусила губу, — клянись честью, что ты дашь мне уехать.

— Или что? — пробормотал он, скосив глаза на клинок. Я перехватила кинжал удобнее. — Ты убьёшь меня?

Я сжала рукоять и повторила:

— Ты меня отпустишь. Клянись!

Клинок дёрнулся вместе с моей рукой и по шее Эдварда побежала тоненькая красная дорожка.

— Клянусь, — выдохнул принц.

Медленно я отняла кинжал и, тяжело дыша, выпрямилась.

Такую клятву ты не сможешь нарушить. Ты же рыцарь. В этом вашем долбанном Средневековье.

Кони ждали рядом — мой и Эдварда. Я с тоской представила, как буду залазить в седло. Моя спина и всё, что ниже очень, очень не хотели дальнейшей скачки.

Но у меня не было выбора.

— Катрин, — раздался позади голос Эдварда, когда я уже взялась за луку седла.

Я замерла.

— Ты едешь спасать своего метаморфа, — голос принца упал. — Позволь... Позволь мне поехать с тобой.

Я обернулась.

— Чтобы ты отдал меня альбионцам? Я что, не видела, кто напал на тебя и твоих Проклятых? Это означает войну. Ты продашь меня и купишь мир.

Эдвард медленно покачал головой.

— Катрин, ты не нужна альбионскому королю. Он пытался продать тебя мне, но больше...

Больше ты никому не нужна. Понимаю.

— Позволь мне помочь, — повторил принц. — Тебе понадобится помощь.

О да. Тут он прав.

— Зачем тебе помогать? Я же еду спасать метаморфа, злобную нелюдь, проклятую вашим богом, — усмехнулась я.

Эдвард на мгновение прикрыл глаза.

— Не... не оставляй меня. Одного. Не уезжай, — наконец, через силу выдавил он.

Я смерила его долгим взглядом.

— Если бы на мне не было медальона, вы бы со мной, наверное, не церемонились, да, Ваше Высочество? Может, даже изнасиловали — ведь так поступают принцы с плебейками? Берут то, что хотят.

Стиснув зубы, Эдвард смотрел мне в глаза, а я, кусая губы, пыталась не вспоминать, как он звал меня Котёнком.

Но на самом деле у меня и не было особого выбора. Без него у меня даже тени надежды нет вытащить Алена и действительно уехать.

— Хорошо, — отвернувшись, бросила я. — Эдвард Дебуа, я принимаю вашу помощь.

И, когда он, выдохнув сквозь зубы, шагнул к своей лошади, тихо потребовала:

— Помоги мне сесть в седло.

Глава 9

Лошадь в который раз вильнула, взбрыкнула, подбрасывая меня, и захрипела, когда я рефлекторно натянула поводья.

С рысцей у нас с лошастью как-то не складывалось.

Если она (или он — хотя, какая к чёрту разница?) встанет на дыбы, я скачусь с неё, как с горки.

Лошадь, точно прочитав мои мысли, вскинула голову, хрипя, и снова вильнула. Но быстро угомонилась, когда Эд, подъехав ближе, схватил её под уздцы.

— Ты не умеешь ездить верхом?

Я перевела дух.

— Что, так заметно? Вот только не надо такие глаза делать, ты много в моём мире лошадей видел?.. А, да угомонись ты, сволочь парнокопытная!

— Прекрати её бояться, — серьёзно посоветовал Эд, глядя, как я пытаюсь справиться с поводьями.

— Я её не боюсь!

— Боишься. И она это чувствует.

Я кое-как устроилась в седле поудобнее — скрючившись в три погибели и готовясь чуть что схватить эту бестию за гриву. И буркнула:

— Может, это вообще — он.

Эд странно глянул на меня.

— Она. Как ты... ты не можешь отличить коня от лошади?

— Ну знаешь, — пытаюсь пришпорить “её”, пробормотала я. — Я на её живот не смотрела.

Эдвард, легко перейдя в рысцу следом за мной, наклонился в седле, поражённо заглядывая мне в глаза. И громко, обидно захохотал.

Я снова сжала поводья, и эта гадина опять вильнула.

— Что я такого сказала?

Но Эд только покачал головой, отворачиваясь и скрывая усмешку. Потом, успокоившись, заметил:

— Так мы в Бильгардию никогда не доедем.

— Куда? — буркнула я, подсакивая в седле.

Эд смерил меня удивлённым взглядом и снова усмехнулся.

— Катрин... Бильгардия — это резиденция принца Кельтии. Как ты могла ехать спасать своего метаморфа, если даже не знала, куда ехать?

— Спросила бы у кого-нибудь, — огрызнулась я. — Нашла бы дорогу в эту... как там её?..

— Слава богу, что я нашёл тебя раньше, — еле слышно пробормотал Эдвард. И громче поинтересовался. — И как ты собиралась спасать своего друга?

Я покосилась на него — Эдвард вскинул брови в ответ.

— Что-нибудь придумала бы.

Эд взвёл глаза к небу и снова поймал мою лошадь под уздцы. Та недовольно захрипела, но сбавила темп и пошла корпус в корпус с конём принца.

— Значит так, Катрин, — начал Эд. — Сейчас ты пересаживаешься ко мне в седло, а Брунхильду мы отпускаем. Потом ты отдаёшь мне медальон...

— Разбежалась, — фыркнула я. — Быть полностью в твоей власти? Спасибо, не надо.

— Катрин, — снова заглядывая мне в глаза, настойчиво произнёс принц. — Я обещал тебе помощь.

— А я тебе не верю! — бросила я, не отводя взгляд. — Медальон захотел? Чтобы я никуда не делась? Нет!

— Катрин, — вздохнув и цепляя, как на приёме, маску, начал принц. — Он всё равно не будет работать как следует. Ты его украли, а такие амулеты...

— Всё равно не отдам!

Эдвард осёкся и минут пять мы ехали молча — чавкая копытами по влажной грязи и лоя падающие с деревьев и низко нависших туч снежинки.

— Хорошо, — снова начал принц. — Но ко мне в седло ты пересядешь? Мы действительно очень долго будем добираться до Бильгардии — таким шагом.

— И не подумаю, — буркнула я. — Ещё увезёшь невесть куда. Нет уж.

Я лучше сейчас напрягусь... и вдарю этой бестии, и она наконец-то снова перейдёт в галоп. Ещё бы я ей управлять умела!

Эдвард огрел меня сердитым взглядом и вдруг прошипел:

— Что я такого сделал, что ты мне не доверяешь? Я тебя спас, я тебя вылечил, я за тебя...

Договорить он не успел — я долбанула шпорами по бокам лошади, и та резко сорвалась в галоп — только держись. Я держалась, слыша свист ветра в ушах и замечая размытые пятна пронесшихся мимо деревьев. Почти сразу нас обогнал Эдвард, я сначала испугалась, что он хочет меня бросить, потом обругала себя — не этого ли я хотела? — и скакала так, пока эта... Брунхильда? не остановилась, а я с неё, соответственно, не скатилась. Точнее, почти скатилась — Эдвард, поймавший мою лошадь под уздцы, торопливо её отпустил,

подхватывая уже меня, опасно наклоняясь, почти выскальзывая из седла. Мда, а его конь даже не думал вилять.

Я заходилась в жестоком приступе кашля, мечтая оказаться сейчас в комнате с горящим камином и, желательно, под одеялом.

— Катрин, — тихо, медленно сказал Эдвард, поддерживая меня. — Пожалуйста, дай мне отправить тебя в безопасное место, а твоего колдуна я вытащу сам. Я обещаю, я кля...

— Не... кхе... дам, — выдавила я. — Да... же... кхе... не думай!

Кашель наконец-то успокоился, но грудь горела по-прежнему. Мне бы прогревание, а не местные настои...

Эдвард отводил взгляд.

— Катрин, я не смогу нарушить клятву...

— Плевала я на твою клятву, я не хочу быть тебе обязанной!

Кулаки юноши сжались.

— Ты будешь мне только мешать, глупая девчонка!

— Тогда вали отсюда на все четыре стороны! — бросила я в ответ. — Я тебя за собой не тащила и не тащу!

Эдвард прикрыл глаза, медленно вдохнул-выдохнул, и, повернувшись куда-то влево, протянул руку, указывая вниз.

— Бильгардия.

Я дёрнула поводья — с третьего раза лошадь даже повернула, куда надо.

Небольшой замок... нет, не замок — особняк, огороженный стеной, виднелся внизу — мрачный, угрюмый. Может, из-за хмурого, тусклого вечера — солнце как раз садилось, заливая покатые крыши и стены кровавыми лучами.

Чёрные фигурки мелькали на стене и в видимой отсюда части двора. Стража?

Я прикусила губу, вдохнула поглубже и прищорила лошадь, но та только захрипела — Эдвард по-прежнему держал поводья.

— Подожди, Катрин.

Его конь, а за ним и моя лошадь шагнули назад, подальше в лес, нависающий на склоне над Бильгардией.

— В чём дело? — косясь на особняк внизу, недовольно бросила я.

— Медальон, Катрин, — подъехав совсем близко и глядя мне в глаза, проговорил Эд. — Дай его мне. Клянусь честью, что тут же отдам обратно. Как подарок.

Минуту после этого стояла тягучая, мерзкая тишина. Я теребила цепочку амулета, а принц, видимо, не считал нужным добавлять к своей клятве что-то ещё. Впрочем... подвоха я не нашла.

— Хорошо, — я сняла медальон, протянула Эдварду, нехотя разжала руку. Медальон упал на его ладонь и тут же засветился.

Эдвард подержал его немного, прикрыв глаза, словно к чему-то прислушиваясь. Потом протянул мне.

— Прими мой подарок, Катрин.

— Принимаю, — пресно отозвалась я. Какой, блин, пафос.

На мне амулет тоже светился, но не так ярко.

— Теперь пожелай сделаться невидимой, — глянув на особняк внизу, сказал Эд.

— Зачем? — нахмурилась я.

Принц вздохнул. Прищурился.

— Катрин. Ты понятия не имеешь, как проникнуть в резиденцию альбионского наследника, ты не представляешь, что тебя ждёт, ты не владеешь клинком... Ты даже верхом ездить не умеешь! Так что уясни, пожалуйста, что без меня ты не только колдуна не вытащишь, но и сама пропадёшь. И с этого момента слушаешь меня. Неукоснительно. Катрин? Ты меня понимаешь?

— Я давно уже выучила фрэснийский на том уровне, чтобы тебя понимать, — буркнула я. Признать, что он прав, не хотелось.

Но, чёрт возьми, он прав.

Эдвард вздохнул и, точно растолковывая маленькому ребёнку, повторил:

— Ты будешь меня слушаться?

Я отвела взгляд.

— Да. Но если мне покажется, что ты... — и, заметив, как блеснули гневом его глаза, мрачно добавила. — Не бойся, обузой я не буду.

— Ты уже обуза, — отозвался принц. — А если хочешь оставаться живой и свободной обузой, ты будешь мне подчиняться. Становись невидимой.

Я стиснула зубы и мысленно пожелала.

Поймала взгляд Эдварда.

— Ты даже им не умеешь пользоваться? — спросил принц. — Да, Катрин?

Я зло уставилась на него в ответ.

— Да уж, ты точно не ведьма, — пробормотал Эд. — Возьмись за медальон, почувствуешь лёгкое покалывание. И тогда мысленно отдай приказ.

Спрятав подальше уязвлённую гордость, я так и сделала. Взгляд Эдварда ищуще забегал, и, спустя мгновение, принц кивнул.

— Хорошо. Теперь хорошо. Держись поближе ко мне и старайся не шуметь. И не лезь под клинки и стрелы.

— Что, они ещё и стрелять будут? — поёжилась я.

— А ты думала, нам усыпят дорогу розами? — фыркнул Эд, спешиваясь. — Слезай, Катрин. И ступай след в след за мной.

Я вздохнула. Да, да, у Эда опыт в побегах куда больше моего. Но чувствовать себя душой... Да ещё и беспомощной...

Эдвард, совершенно, кажется, не скрываясь — да и как скроешься посреди заснеженного поля? — спокойно шёл к воротам Бильгардии. Я, подняв многочисленные юбки, старательно наступала на его следы. Стена мрачно наблюдала, мне повсюду мерещились стрелки, и сердце ухало в пятки от любого шороха. Но Эдвард шёл — довольно быстро и ни разу не остановившись. Я торопилась следом.

В ворота он спокойно постучался — я чуть не свалилась от страха. И принялся ждать. Я, подойдя — тоже.

Ворота не открылись, отворилась калиточка неподалёку, откуда вынырнули два стражника и, красноречиво держась за рукояти мечей, подошли к Эдварду. Завязался довольно-таки оживлённый разговор — почти сразу на повышенных тонах. В результате стражники отобрали у Эда меч, схватили принца под локти и, грубо подталкивая, потащили к калитке.

Я поражённо наблюдала и спохватилась только, когда Эд у самой калитки неожиданно оглянулся.

Очевидно, мне следует идти следом?

Я пошла...э-э-э... побежала. Еле успела до того, как калитка захлопнулась. Ослепла от сумрака, на меня чуть не налетел какой-то стражник — в караулку мы к ним, что ли, попали? Эда вели дальше и я, отскочив и закрывая рот рукой, чтобы “не шуметь”, поспешила за ними.

Двор промелькнул, как вспышка. Я с трудом вписалась в щель закрывающейся двери — и попала в дом. Особняк. Тёмный, явно не парадный холл, коридор, лестница, снова коридор... комната. И я застряла в дверях — точнее, застряло моё блио. Кусок подола намертво прищемился дверью, чуть не свалив меня на пол.

Я судорожно потянулась к дверной ручке, дёрнула. Дверь не шелохнулась. Как и почти везде в местном Средневековье, двери в богатых домах принципе делали на совесть — так, что можно было бы обороняться от осаждающих в любой комнате дня эдак два, а то и три.

А стражники, тем временем, разделились. Один шагнул к двери (то есть прямо ко мне), второй, толкнув Эда на пол, замер рядом, держась за рукоять меча.

Я судорожно рванулась, но ткань здесь делали, как и двери — на совесть. Даже не треснула. А стражник, тем временем, подойдя ко мне вплотную, резко остановился — то ли услышал дыхание, то ли просто что-то почувствовал. Понимая, что всё, сейчас меня раскроют, я решила, что ощущения должны стать более реальными — и как могла, врезала ему по физиономии (вдохновляясь тем солдатом, который бил меня в темнице). Стражник отшатнулся, выхватил меч, но тут, слава богу, среагировал Эдвард, метнувшись к отвлѣкшемуся второму стражнику и завладев его мечом.

Минуту я прижималась к двери, выполняя приказ не лезть под клинки. Потом Эд, осторожно опустив на пол первого стражника, прошипел:

— Катрин, в чём дело?!

Я снова дёрнула подол — безуспешно.

— Я застряла!

— Где?

— В двери!

Эд смерил дверь красноречивым взглядом.

— Ну так открой её.

— У меня не получается!

— Тогда стой так, — отложив меч и торопливо расстѣгивая кот, решил Эдвард.

— А-а-а, — глядя, как он раздевается, поражѣнно выдохнула я. — Ты что делаешь?

Эд не ответил, но когда он стянул с первого стражника камзол и быстро набросил на себя, до меня дошло.

Не, логично, я понимаю. Но мне бы в голову не пришло.

Через минуту преобразившийся Эд, поправляя перевязь с мечом, подошёл к двери — я отшатнулась — и толкнул на себя.

Судорожно вздохнув, я по инерции бросилась вперѣд, налетела на принца и схватилась за его плечо, чтобы не упасть.

— Катрин, не мешай, — сквозь зубы прошипел Эдвард, и я, метнувшись в сторону и чуть снова не прищемив подол, подхватила юбки и поспешила за ним.

В коридорах было темно и мрачно. И пока ещё тихо.

Эд, опустив голову, спокойно шѣл вперѣд — к лестнице, потом, разминувшись с двумя такими же стражники, ответил на их приветствие (или пароль сообщил, чѣрт разберѣт), — дальше по коридору и снова к лестнице.

— Ты знаешь, куда идти? — не выдержала я после очередного мрачного коридора.

— Помолчи, — выдохнул, не поворачиваясь, Эдвард. И тихо добавил. — Понятия не имею.

Мы счастливо разминулись с ещё парочкой стражников и оказались где-то под крышей — судя по стуку дождя, в который превратился снег.

Эдвард вытащил по дороге один из факелов, и, подойдя к ближайшей двери, прислушался. Лично я ничего, кроме треска огня не услышала, но Эд покачал головой и пошёл дальше.

У четвёртой двери принц замер надолго, а, отойдя, огляделся и поспешил в маленький боковой коридорчик — совсем плохо освещённый и очень тесный. Остановился у стены, поводит факелом и, встав на цыпочки, заглянул в еле-заметную щёлочку-отдушину. Торопливо отодвинулся, опустил факел.

— Что? — не выдержала я.

— Катрин, — глядя на факел, медленно произнёс Эд. — Сейчас первым захожу я, оглушаю твоего метаморфа, ставлю портал и мы уходим. Ты держишься поближе, но у меня за спиной. Поняла?

— Ага, — отозвалась я. — А зачем Алена оглушать?

— Потому что он на нас нападёт, — терпеливо ответил Эд, кладя факел, и доставая клинок.

— Но...

— Катрин. Не мешайся.

— Эдвард, — выдохнула я, дёрнув его за рукав, когда он шагнул мимо меня. — Почему ты не привёл сюда Проклятых?

Эд посмотрел на рукав, за который я держалась.

— В дом Хранителя? Я ещё не до конца спятил.

— Хранителя? Хранителя чего?

Но принц, вырвав руку, скользнул к стене, дальше за угол и — к двери. Но тут же отшатнулся в ближайший закуток — и я следом.

Дверь распахнулась, и в коридор вышли двое. Один точно был этим... как там его... ну, в общем, альбионским принцем — я его и по голосу узнала, и спину хорошо разглядела. А второй — в плаще и наброшенном на лицо капюшоне — молчал. Лица его я не видела, фигура мне тоже ни о чём не сказала. Зато Эдвард его, похоже, узнал. У него такие глаза сделались и, я уверена, он даже меч чудом не выронил. Но справился с собой и замер в закутке, как и я рядом, пока парочка проходила мимо. А, дождавшись, когда шаги затихнут в коридоре, скользнул к двери.

Я не успела спросить, кто это был — Эдвард отворил дверь и, сжимая рукоять меча, шагнул через порог. Держа дрожащими руками подол, я поспешила следом.

Апартаменты наследного альбионского принца ничем особенным не впечатляли. Ну, кроме размера. Здоровенная, полупустая комната — пара гобеленов на стенах, сундуки, кресла, стол, что-то вроде стеллажей с книгами. Много книг. Я видела столько книг лишь у фрэснийского короля. И неудивительно, учитывая, что здесь до печатного станка явно ещё не додумались.

Ален обнаружился во второй комнате, чуть поменьше, зато с огромной кроватью. К которой мальчик и был прикован. И выглядел он ещё хуже, чем несколько часов назад — хотя куда уж, казалось бы, хуже?

Я была уверена, что он в обмороке — и что в таком состоянии и пошевелиться-то не сможет. А если Эд его ещё и оглушит — вообще помрёт у нас на руках. Но остановить принца не успела — Эдвард, выхватив меч, кинулся к мальчишке. У меня сердце ёкнуло — солгал, сейчас убьёт, а потом, глядишь, и за меня примется, и все его клятвы — пустой звук... когда Ален вдруг поднял голову, уставившись на нас пустыми, стеклянными глазами.

Эдварда отбросило к стене, с силой к ней приложив. А Ален, отвернувшись от него, обратил взгляд на меня.

Медальон Джоан раскалился, цепочка вильнула, как живая, сдавливая моё многострадальное горло. Я захрипела, бесполезно царапая шею ногтями. Краем глаза успела заметить, как мимо промелькнул Эд, но давление на шею усилилось настолько, что пляшущие в глазах точки сгустились, заливая чернотой всё вокруг. Кажется, я потеряла сознание, потому что когда снова смогла дышать — с трудом, с кашлем, но смогла — Эдвард стоял на коленях у двери, а рядом над дрожащим Аленом, держа в руке и поглаживая его цепочку, возвышался альбионский принц, улыбаясь и что-то говоря.

Медальон на мне слегка светился, но явно уже не делал невидимой — эта сволочь альбионская смотрела не сквозь меня, а прямо в глаза, когда сказала по-фрэнсийски:

— Я слышал, что ты глупа, фрэнсийская шлюха, но чтобы настолько! Очевидно, ты заразила этим и принца — но тут я могу тебя только поблагодарить. Ты избавила меня от многих хлопот.

Я нащупала кинжал и судорожно сжала. Избавила? Сейчас добавлю.

Странно, я никогда даже и не думала о том, чтобы убить человека. Я не убийца и, пусть к трупам благодаря отцу Эда более-менее привыкла, сама поднять руку на человека не смогла бы никогда. Сейчас же я мечтала, страстно желала стереть улыбку, погасить смеющиеся глаза — неважно как.

Но я ничего не успела.

— ...впрочем, больше ты мне не нужна, — подытожил принц и, повернувшись к Алену, что-то приказал на альбионском.

Я только-только смогла подняться, как Эдвард, неожиданно вскочив, дрожащей рукой схватил меч.

Я ждала, что он бросится на альбионца.

Клинок сверкнул в свете свечей, когда Эд дернул ворот моей накидки, толкая к стене. Острый кончик упёрся мне в шею, прокалывая кожу.

— Прощай, дурочка, — улыбнулся альбионец и бросил в сторону Алена. — Убей её.

***

В следующие минут пять я крепко уяснила две вещи. Во-первых, кинжал против меча работает только в первую секунду — и то на неожиданности. А потом не работает, ибо уже валяется на полу далеко от меня. Во-вторых, капустные одежды, а особенно всякие накидки, это иногда хорошо — из них можно вовремя выпутаться, оставив в руке преследователя.

Альбионский мерзавец, усевшись на кровать и прижав к себе Алена, поглаживая его по голове, как ручного щенка, с улыбкой наблюдал, как я ношусь по комнате, а Эдвард — следом. И явно наслаждался альбионец — в отличие от меня. Комната оказалась слишком маленькой, слишком скудно обставленной, и спрятаться или забаррикадироваться было просто негде и нечем.

Спустя два круга, Эдвард прижал меня к дальнему от кровати углу и в который раз размахнулся. Понимая, что просить или кричать бесполезно, я сделала единственное, что

могла — до крови вцепилась зубами в его руку, держащую меня за шею. Принц вскрикнул, рука разжалась, я поднырнула под опускающийся меч... Дальше была куча-мала — мы вместе покатались на полу, у меня неожиданно замерцал медальон, тихонько нагреваясь, Эд вдруг словно обессилел, а у меня перед глазами оказался отброшенный принцем ещё в начале кинжал.

— Как мило, — засмеялся альбионский мерзавец, когда я, сидя на замершем Эде верхом, прижала клинок к его шее. — Можешь убить его, девочка. Его смерть, пожалуй, для меня ещё более желательна, чем твоя.

Я сжала рукоять кинжала. Если я сейчас помедлю, Эд вывернется. И совершенно точно убьёт меня. Я видела мою смерть в его глазах. А ещё — отчаяние. И это было страшно, страшнее, чем когда он меня душил. Потому что сейчас выбирала я. И выбор мне совсем не нравился.

— Сделай это красиво, девочка. И тогда я, может, тебя пощажу, — подал голос альбионец, и я наклонилась к лицу Эда. К его шее. Спорю на что угодно, к тому моменту он уже пришёл в себя, и смотрел на меня с такой обречённостью, с таким убеждением в том, что я послушаюсь альбионского мерзавца, что у меня ёкнуло сердце. И дёрнулась рука. Эдвард замер, кажется, не дыша, когда я наклонилась ещё ниже (позади посмеивался альбионский наследник, я чувствовала его наслаждение почти как напряжение Эда подо мной) и, сжимая кинжал, настойчиво заглянула принцу в глаза.

Моя рука мягко, нежно погладила его пальцы, переплетаясь. Невесомо прошлась по ладони, осторожно, незаметно сжимая пальцы принца на рукояти меча.

Глаза Эдварда изумлённо расширились, и я еле заметно кивнула.

Давай.

И, замахнувшись, рывком свалилась с него, бросаясь к Алену.

Я верно угадала — метаморф Эдом к тому моменту уже не управлял. Зачем, я и так неплохо справлялась, а альбионскому принцу хотелось посмотреть, как я Эда убью, и чтобы принц был в сознании. В том, что убью, он не сомневался — он же мне жизнь в обмен предложил.

Альбионец просто кое-что не рассчитал. Например, то, что вскинувшись, Эд кинется не на меня, а на него. И зачарованный Ален смотрел на сцепившихся принцев и потому, когда я замахнулась кувшином со столика рядом, не успел даже повернуться.

Я прижала обмякшего мальчика к себе и, глядя на мгновенно оживившегося Эда, остервенело гоняющего ругающегося альбионца по комнате (как до этого меня), принялась искать застёжку на ошейнике Алена.

Замочка или чего-то в этом роде не было. Я, судорожно дыша, полезла под кровать, где цепь оказалась прикреплена к маленькому колечку и, ободрав руки и сломав, кажется, все ногти, кинжалом отогнула золотой крючок, сняла колечко, когда меня схватили за локоть и грубо рванули, вытаскивая. Я взвизгнула, дёрнулась обратно, но рука держала крепко. А мгновение спустя пред глазами потемнело, а дыхание знакомо спёрло. Где-то вопили альбионские проклятия, но всё тише и тише.

А когда мы вывалились на песок, из звуков остался только свист ветра да вздохи волн. Ну и да, тяжёлое дыхание Эдварда, сжимающего мой локоть.

Пришедший в себя Ален свернулся калачиком рядом, явно пытаюсь если не зарыться в песок, то слиться с окружающим пейзажем, став ещё незаметней. Нас он не узнавал — когда я тронула его за плечо и позвала, он только скорчился, сжавшись ещё сильнее и тихонько

заскулив.

— Чтобы я ещё раз, — раздался надо мной голос Эдварда. — Ещё раз... глупая, себялюбивая девчонка! Я же сказал делать так, как я прикажу, так какого чёрта ты полезла за мной — я же просил подождать!

— Ты не просил! — прошипела я, поднимая голову. Принц, избитый, усталый, смотрел на меня и был зол, как чёрт. — Чем ещё ты недоволен?!

Эдвард рванулся ко мне — Ален торопливо отполз подальше — и, схватив за плечи, с силой тряхнул.

— Ты будешь сидеть в моём замке. Сидеть и не выходить — никуда. Никуда — без меня! — и рванул с моей шеи медальон.

У меня тряслись от усталости коленки, и хотелось лечь прямо здесь на песочек и не вставать уже никогда.

— Ты клялся честью, что отпустишь меня!

— А мне плевать! — прорычал Эд мне в лицо. — Ты будешь рядом, хочешь ты или нет! Больше я тебя никуда не отпущу! Никогда!

Ха, можно подумать, до этого отпускал.

— Ты хоть понимаешь, как легко могла умереть?! Ты хоть осознаешь, что из-за твоей глупости всё, всё могло пойти крахом! — и, отшвырнув меня, схватив цепочку Алена, потащил послушно засеменившего за ним на четвереньках мальчишку по берегу.

Я тупо смотрела им вслед с минуту, потом побежала — увязая в песке и спотыкаясь через каждый шаг.

— Умереть?! Да это я тебя чуть не убила, высокомерный кретин! А надо было!

Эдвард вздрогнул, роняя цепочку. Оглянулся.

— И не смей так обращаться с моим другом! — вопила я, кинувшись к сжавшемуся мальчику. — Ален! Ален, встань! Посмотри на меня! Это же я! Ну я же, да что с тобой?! Ален!

На этом месте меня накрыла истерика — я плакала рядом со скорчившимся мальчишкой, закрыв лицо руками. Эдвард, кажется, смотрел на меня, потом подошёл, схватил за плечо, поднимая.

— Вставай, — приказал Алену.

Тот затрясся как осиновый лист, но послушно поднялся и, старательно потупившись, подал цепочку Эду.

— Что с ним? — выдохнула я, глотая слёзы, глядя на дрожащего мальчика. — Господи, что с ним?

Эдвард устало потёр лоб и откликнулся:

— Метаморф, прошедший обряд подчинения, превращается в живой... — дальше шло странное слово на фрэнсийском. Поймав мой непонимающий взгляд, Эдвард со вздохом пояснил. — В живой амулет превращается. Как амулет моей невесты. И сотни других. Только очень могущественный и выполняющий приказ того, у кого цепь. То есть почти любого. Поэтому так важно, чтобы его магия была под контролем...

— И это навсегда? — с ужасом глядя на трясущегося мальчика, перебила я.

Эдвард кивнул и потянул за цепочку, бросив Алену.

— Идём.

Тот попытался упасть на колени — Эд поморщился. Указал на меня:

— Выполняешь её приказы, как мои, во всём, что не касается колдовства.

Я сжала кулаки. Ален склонил голову, бросив на меня короткий, полный ужаса взгляд.
— Идём, — повторил Эд. — И выпрямись.

Я взяла себя в руки и догнала их через минуту. Торопливо стянула парадную накидку-шейф, отделанную мехом — ту, что была под нормальной тёплой накидкой-плащом, оставшейся в спальне альбионского принца. Подёргала шнуровку, и набросила на отшатнувшегося Алена. Мальчишка замер — хорошо, я спокойно отрегулировала завязки.

— Катрин, ты с ума сошла, ты замёрзнешь! — выдохнул Эдвард.

— Вряд ли — в этих-то капустных слоях, — буркнула я.

— Капустных, — повторил Эд, и слабая улыбка мелькнула на лице. Потянулся к своему камзолу, зашипел от боли — я только сейчас заметила, что плечо и грудь у него заляпаны кровью.

— Ты ранен?!

Эд, поняв, что камзол от него отдерётся разве что с мясом, бросил попытки и снова потянул Алена за цепочку.

— Катрин, кончай суетиться, — и, неодобрительно посмотрев на меня, задумчиво пробормотал. — Ладно, тут недалеко.

Что “недалеко”?

Мы шли по берегу, и, да, действительно было холодно. Ален, скукожившись под накидкой, дрожал — непонятно, то ли так замёрз, то ли боится. Эд как-то странно держал правую руку и тоже ёжился время от времени — на ветру. Я с трудом сдерживала кашель.

А с неба на нас смотрела, подёрнутая дымкой облаков, луна, и море совсем рядом вздыхало, спокойно и совсем как в том же Египте. Интересно, если представить, что одежда на мне — маскарадная, получится, будто я как бы дома...

Минут через десять, увязая уже в грязи, мы поднялись на склон, оказавшись среди огромных, скользких валунов. Свистел ветер, внизу уже не вздыхали, а рычали волны, разбиваясь о камни. И было холодно. Очень — на пронизывающем ветру. Я закашлялась.

— Почти пришли, — тихо произнёс Эд, и я, посмотрев на него, тоже подняла голову.

Над нами высился замок — громадный, оцетинившийся стенами и совсем не выглядящий дружелюбным или гостеприимным.

— Что это? — испуганно выдохнула я. — Где мы?

— Ни-де-мер, — отозвался Эд. — Один из наших южных фортов.

— И чей... — начала я, представляя, как сейчас вломимся к очередному фрэнсийскому аристократу, который, конечно же, меня не любит, а тут ещё Ален...

Эдвард устало улыбнулся, точно прочитав мои мысли.

— Мой.

***

Спальня была залита солнцем — оно даже сквозь занавески балдахина просачивалось. От ярких лучей или от тихих шагов и шелеста, кажется, одежды, я и проснулась. Зевнув и уже привычно не обратив внимания на ноющую боль в груди, я перекатилась по кровати, поняла, что на этот раз на ней одна, и сонно позвала:

— Эдвард?

Шаги замерли.

Я приподнялась и, откинув занавески, уставилась на двух служанок, раскладывающих одежду в сундук. Девушки, в свою очередь, уставились на меня, причём с явно нездоровым интересом.

Я поёжилась и залезла обратно под одеяло.

— Где Эдвард?

Девушки переглянулись.

— Принц отбыл в столицу утром, — отозвалась одна. — Госпожа, вам что-нибудь нужно?

Я хмуро оглядывалась. Комната была мне незнакома, но, судя по всему, Эдварду не принадлежала — явно женская. Все эти гобелены с цветочными узорами, прообраз трюмо с мини-зеркалом — это больше для женщин.

И я совершенно не помнила, как здесь оказалась.

Глухой ночью, когда мы подняли на уши чуть не весь гарнизон замка известием: “Принц вернулся!”, Эдвард, поддерживал меня, попутно отдавая какие-то приказы. Я то ли пыталась заснуть у него на плече, то ли упасть в обморок от усталости. Помню, около меня суеился какой-то старичок — наверное, врач. Я ещё пыталась отправить его к принцу, говоря, что он ранен, а я в порядке, только оставьте меня, наконец, в покое. У старичка на этот счёт было другое мнение — или приказ. Эд появился позже, когда я уже засыпала. Кажется, сидел рядом (или мне это приснилось?), а я просила его позаботиться об Алене. Он обещал, и я заснула.

Ален!

— Госпожа, что вы хотите одеть сегодня? — поинтересовалась одна из служанок, указывая на блио — четыре или пять штук. — Для вас готовы...

Я не слушала, пытаюсь понять, что означает “позаботиться” в понимании фрэнсийского принца, учитывая, что метаморфов он, мягко говоря, недолгобливает.

Если Алена запихнули в местное подземелье, то там наверняка холодно (о, уж я знаю, как бывает холодно в подземельях!) и как бы он не...

Испугаться я не успела, услышав тихое позвякивание совсем рядом — только снизу. И на глазах у изумлённых служанок моментально нырнула под кровать.

Ален обнаружился там, привязанный цепью за ножку. И всё ещё в моей накидке.

— Эм... Привет, — выдавила я. — Ты как?

Мальчик, спрятав лицо в ладонях, торопливо отполз от меня подальше.

Блин. Не приснилось. А я уже надеялась.

— Госпожа! — повысила голос одна из служанок. — Вам что-нибудь нужно? Сейчас принесут воду для купания...

Я вылезла, смахивая пыль и траву со лба.

— Да. Вода — это хорошо. Принесите много горячей воды — для купания. И горячее вино с травами. И бульончик какой-нибудь. И мясное — я голодная, жуть! Бульон обязательно. И врача приведите.

— Госпожа, вы плохо себя чувствуете? — раздалось в ответ.

— Я — замечательно. А вот он — плохо, — отозвалась я. — И одежду какую-нибудь тоже... ну, для десятилетнего мальчишки. Потеплее.

Одна из служанок — помоложе — уставилась на меня, открыв рот. Вторая, наоборот, поджала губы.

— Госпожа, будет ли разумно...

— Будет, — отчеканила я. — Вперёд. Исполняйте.

Понятия не имею, как меня представил Эдвард и что сказал, но явно приказал слушаться, потому что девушки, изобразив что-то, отдалённо напоминающее поклоны,

исчезли за дверью.

Я села рядом с кроватью на колени.

— Ален. Ну ты...э-э-э... вылезай?

Под кроватью зашуршали, зазвенели.

— И это... Цепь по дороге открути, — не хочу опять залазить. Вся в пыли буду и...а-апчхи! Блин, опять аллергия... Очень вовремя.

Мальчик вылез, держа кончик цепи в руках, увидел меня рядом с кроватью, чуть не залез обратно. Скукожился, уткнулся лбом в пол, едва ли не ниц распластавшись, и протянул мне цепочку.

— Э-э-э, — глядя на неё и кусая губы, протянула я. — Слушай... а ты... ну, не знаешь, как она от твоего ошейника отцепляется? И как вообще ошейник снимается?

Мальчик задрожал сильнее, но головы так и не поднял. И молчал.

Ой. А если вспомнить — я не слышала, чтобы Ален что-то говорил, ну, после того, как таким стал. Ни разу.

— Ален. Скажи... ну... ну скажи хоть что-нибудь!

Мальчик в ответ тихонько заскулил.

Бли-и-ин.

Я возилась с цепочкой, плюнув на ногти — всё равно сломаны, когда в комнату втащили лохань и уже другие служанки встали наизготовку — наливать воду. Я, пыхтя и ковыряя цепь ножичком для бумаги, отослала их, сказав, что сама разберусь. Меня предупредили, что будут рядом и, слава богу, спорить не стали.

Цепь поддалась. Я бросила её в дальний угол — под очень изумлённым взглядом Алена.

Хм, Эд вчера что-то говорил про то, что у кого цепь, тот и хозяин. Это он в фигуральном смысле? Или цепь — артефакт? Тогда как-то слишком легко она снялась...

Ощупывая ошейник, Ален наблюдал, как я набираю лохань — точнее, развожу в холодной воде кипяточек. Я пыталась с мальчиком разговаривать, но быстро бросила — в лучшем случае Ален в ответ испуганно скулил, кажется, реагируя на малейшие изменения тона.

У них действительно есть заклинания, превращающие человека в это?! Господи, я не хочу жить в таком мире...

От лохани исходил пар, и я была уже вся мокрая, когда вода стала, наконец, нужной температуры, и я повернулась к мальчику.

— Ален, иди сюда.

Господи, представляю, как ему кошмарно будет мыться с такими шрамами и кое-где чуть зажившими ранами, но это лучше, чем...

Я вздохнула, посмотрела на испуганно трясущегося мальчишку.

— Ален!

Мальчик подошёл. Маленький, сейчас даже свои десять не напоминающий. У меня сердце сжалось, когда он на меня глаза поднял. И ещё хуже стало, когда перевёл их на ванну и заскулил, а потом и застонал, похоже, от отчаяния, когда я мягко попросила: “Залезай”. И не шелохнулся.

— Ален, ну ты чего? — не выдержала я. — Давай. Ну?

Он, так и стоял, не двигаясь — пока я, не выдержав, не шагнула к нему. Тогда, вскрикнув и упав на пол, на четвереньках бросился прочь — сначала под кровать, потом — по всей комнате.

Мда, кот, хоть и царапался, но его поймать было легче. Алена я тронуть боялась, а он, даром что избитый, резво от меня убежал. И уговоры не помогали, а угрожать... этому?

С полчаса спустя в спальню заглянули, привлечённые шумом, стражники. Эти мальчишку поймали быстро.

— Госпожа? — поинтересовался один, держа Алена за волосы. — Что вы хотели с ним делать?

Я дрожащей рукой указала на лохань.

— Мыть.

Второй стражник хмыкнул. А первый поинтересовался:

— Зачем?

Щас я... щас я буду злиться...

— Затем! Суйте его в воду, раз уж пришли!

Стражник пожал плечами и, подтащив упирающегося и скулящего Алена к лохани, кинул в воду. Ален забарахтался, лохань чуть не перевернулась, но я вовремя успела подбежать и схватить мальчика за плечи, заодно и вытаскивая, уговаривая и успокаивая. А, когда он, наконец, перестал отбиваться, и я смогла оглядеться, ища, чем его мыть, стражников уже не было.

В корзинке рядом с лоханью обнаружилась куча всяких баночек, явно предназначенных для меня, если судить по запаху. Ладно, я всё равно не знала, какие для чего, и вылила их на Алена по очереди. Мальчишка сразу стал пахнуть, как цветущий весенний сад — и расчихался вслед за мной.

Но всё равно, лучше, чем было.

А потом я отмывала его плетёной мочалкой, стараясь не сильно скрести и при этом ещё и грязь смыть. Ален плакал, я, стиснув зубы, пыталась не замечать.

Где-то в процессе нам принесли одежду и еду. Оставили и ушли — хотя это я, кажется, не дослушав, их отправила.

Превращаюсь в леди потихоньку. Вон, уже и приказы раздавать начала.

Завернув Алена в прообраз полотенца, я отнесла его на кровать и принялась вытирать, а мальчишка всё смотрел на меня изумлённым, испуганным взглядом, но хотя бы больше не отбивался. А когда закутала в одеяло и попыталась уже не нужным полотенцем стереть лужи на полу, мальчик устался на еду у камина как зачарованный.

Я бросила тряпку и принесла ему чашку с бульоном. Сунула в руки.

— Ешь давай.

И, замерев у камина с кувшинчиком горячего вина, с ужасом смотрела, как он пьёт, судорожно захлёбываясь, торопясь. Слова “Ален, тише, ну зачем ты так?” имели обратный эффект — мальчишка вылакал остатки в два глотка и раскашлялся, потому что наверняка не в то горло пошло.

Вином я поила его сама. И мне плохо было каждый раз, когда он вздрагивал от моего прикосновения.

Врач его осматривать отказался. Я вышла из себя, кричала, что они все здесь жестокие идиоты, даже швырялась чем-то, но делу это никак не помогло. Передо мной вежливо извинялись — раз сто — говорили, что метаморф не человек и лечить его нельзя, ибо кто знает, как на этих бесовских созданий лекарства действуют. И всё в таком духе.

Ещё и Ален после моей истерики шарахнулся в дальний угол кровати. А когда я попыталась его укрыть, попробовал сбежать под кровать. Я буркнула: “Тут спи”. Но он

расслабился только, когда я отошла к камину.

Чуть позже заглянули служанки, спросили, не нужно ли меня прибрать. Я, думая, что Эд вечером может заглянуть и увидит лахудру в заляпанной сорочке — после купанья Алена, — согласилась. Только просила потише. Служанки обещали — и разговаривали шёпотом, пока я мылась, пока одевалась, выбирала украшения.

Потом разжилась книгой со стола — наверное, оставленной Эдом — что-то про военную историю. Читала, понимая меньше половины, но хоть отвлеклась.

А вечером, расслышав стук копыт, бросилась к окну. Кажется, в ворота въезжали всадники, но кто и сколько из моего окна различить не получалось. Я промаялась ещё с часок, слушая затихающий шум со двора, не выдержала и решила сделать вылазку.

На пороге меня пробовали остановить. Стражники, кажется, не те, что утром Алена “купали”. Я попыталась изобразить настоящую леди, высокомерно поинтересовавшись, в чём дело. Потом пригрозила, что расскажу принцу, как они меня... ну... Ребята, кажется, решили не ставить под вопрос моё воображение и “ну”, и пошли на попятную.

Где Эд, я не знала. Потому шла, куда глаза глядят. Глядели они куда-то не туда, потому что сначала я забрела на кухню, не удержалась, своровала пирожок, оказавшийся с яблоком — пока кухарки на меня таращились. И пошла дальше, на этот раз решив попытаться счастья на этажах повыше.

На последнем мне перестали попадаться и стражники, и слуги, и я спокойно шагала, прислушиваясь к дверям, как делал Эд у альбионца.

Так, у одной из них (предпоследней?) мне что-то почудилось.

Я уже целенаправленно приникла ухом, и вздрогнула, услышав голос фрэснийского короля:

— Эдвард, я уже говорил, она авантюристка, шлюха, плебейка — какое это имеет значение? Она пыталась получить трон, она пыталась убить меня и... неужели ты ставишь моё слово под сомнение? Моё слово против её? Эдвард, ты всегда казался мне здравомыслящим молодым человеком...

— Я думаю, что вы лжёте, отец, — перебил голос Эдварда.

Минуту было тихо, потом:

— Прости?

— Лжёте, — устало повторил принц.

— Эдвард, — в голосе короля слышалось раздражение. — Если эта девчонка рассказала тебе, что...

— Я не настолько глуп, чтобы ей верить, — отозвался принц. — Но отец... зачем вы хотели её убить?

— Убить? — повторил король, и сейчас его голос дрогнул. Не знаю, от злости или... волнения?

— Да, отец, в Альбионе, — отозвался Эд. — Наёмный убийца, пробравшийся в посольство. Арбалетчик.

На этот раз тишина была дольше.

— Я не хочу, чтобы она влияла на тебя сейчас — так же, как и раньше.

— А в доме альбионского наследника вы тоже Катрин искали? — иронично поинтересовался Эдвард. — Прошлой ночью.

— Эдвард, нам объявили войну, — фальшиво возмутился король. — Я пытался обговорить условия...

— Вы лжётё, отец, — грустно сказал Эдвард. — Вы лжётё мне сейчас, лгали раньше, и я не уверен, что могу вам верить хотя бы в чём-то. Та же Катрин по крайней мере не скрывает своей неприязни. Вы же пытаетесь сделать вид, что любите меня. Зачем?

— Эдвард, ты мой сын!..

— Ну и что?

Пауза. Потом:

— Что эта девчонка рассказала тебе? Что я дал ей то зелье, из-за которого ты о ней забыл? Это ложь, Эдвард, и если ты подумаешь над этим, то поймёшь, что я никогда...

— Она ничего не говорила об этом, отец, — перебил Эдвард. — Ни слова. Но спасибо, что вы сказали. Хотя бы слово, которому я поверю.

— Мы с вами союзники, отец, и у нас война. Но после — позвольте мне задуматься над тем, на каких условиях я согласился стать наследником.

— Эдвард! — выдохнул король. — Ты забываешься. Я могу в любую минуту...

— Не можете, отец, я вам нужен. А вот вы мне — нет. Я не знаю, как было раньше, но мне не нравится ни двор, ни ваши вечные танцы с Альбионом или Святым Престолом. Раньше — да, но подозреваю, что раньше мне было ради чего это терпеть. Сейчас — простите, отец, мне надоело.

— Только не вздумай снова тащить эту дуру под венец, — мне показалось, или я расслышала мольбу.

— Под венец? Нет, — отозвался Эдвард. — Но и альбионскую принцессу я к нему не поведу. И мне всё равно, как вы ей это объясните, отец. В конце концов, это с самого начала было вашей идеей.

— Эдвард!

Они ещё препирались, но так близко от двери, что я почувствовала: пора делать ноги. Спустилась — уже целенаправленно — на кухню, захватила кучу вкусностей (улыбка поварёнку творит чудеса) и по дороге к себе столкнулась с Эдом.

— Катрин? Ты что тут делаешь? — удивился принц, подозрительно меня разглядывая.

Я проглотила кусочек мясного пирога и взглядом указала на поднос в руках.

— Готовлюсь к ужину. Присоединяйся.

Эд со вздохом забрал с подноса тяжеленный кувшин с горячим вином.

— Ты могла попросить служанок.

— Эдвард, — хмыкнула я, — ты не поверишь, но я не знаю и половины названий этих блюд на фрэнсийском. А объяснять: “Хочу вон ту штучку с такой вот загогулиной сверху” было бы глупо. Даже для меня.

Принц посмотрел на “штучку с загогулиной” и рассмеялся.

А я смотрела, как он держит кувшин, помогая себе второй рукой — хотя я несла его в принципе спокойно и вместе с другими чашками. И мне очень хотелось... не знаю... приободрить? Сказать, что люблю? Глупо. Но что-нибудь доброе сделать хотелось.

Мы ужинали в моей спальне. Ален спал — или делал вид, что спит. Эд кинул на него изумлённый взгляд, перевёл на меня, покачал головой, но ни о чём спрашивать не стал. Мы вообще о пустяках говорили, очень отвлечённых. Типа погоды и моря, и как ветер свистит среди камней, и я его боюсь. А Эдвард, оказывается, тоже боялся, когда был маленьким. Забавно.

— Катрин, — во время одной из пауз произнёс вдруг Эд. — Почему ты меня не убила? В Альбионе

Я отпила глоток глинтвейна, глядя принцу в глаза.

— Знаешь, Эдвард... Я на самом деле расстроюсь, если ты умрёшь.

Он долго не отводил взгляда, изучая моё лицо. Потом усмехнулся.

— Красивая ложь.

— Что, больше не веришь, что меня сразила великая любовь к тебе? — отгрызнулась я.

Принц горько усмехнулся.

— После того, как ты чуть меня не убила по дороге в Бильгардию? Нет.

— А почему ты не оставил меня в Альбионе? — помолчав, поинтересовалась я. — Что там хотел за меня их король? Ты был готов заплатить?

Эдвард склонил голову на бок — привычный жест, когда не знает, как ответить, когда обескуражен.

— Не хотел видеть твою голову на пике.

Я, внутренне вздрогнув, улыбнулась.

— Красивая ложь.

— Я не лгу.

— Угу. Я тоже.

Эд моргнул и рассмеялся — тихо и горько, меня дрожь пробрала.

— Эдвард... у вас снова война с Альбионом? — спросила я, когда он успокоился. — И что...

— Неважно, Катрин. Ты будешь в безопасности здесь, — бросил Эд, беря с подноса кусочек пирога.

— А ты?

Он вскинул брови.

— Причём тут я? Катрин, пожалуйста, не надо делать вид, что тебя волнует моя судьба. Не хочу фальши.

Я открыла рот — возразить. И вдруг вспомнила.

— Эдвард... сколько мы с тобой уже знакомы? Ну, с той охоты у графа Сассекса?

Принц удивлённо посмотрел на меня, потом, помолчав, неуверенно ответил:

— Дней двадцать?

Да, в целом, где-то так. Может, чуть меньше, но это всё равно ничего не меняет.

Я опоздала. Срок, когда я могла что-то изменить, когда Эдвард ещё мог в меня влюбиться и вспомнить, истёк.

Я опоздала.

— Катрин? Что-то случилось? — спросил Эдвард, ловя мой взгляд. — Ты побледнела.

Я усмехнулась. Побледнела?

— Ничего. Просто вспомнила кое-что. Неважно.

— Что ты от меня скрываешь? — поинтересовался принц, прищурившись. — Катрин?

Я отодвинула кубок с вином.

— А ты?

Он отвёл взгляд.

Утром я смотрела, как он уезжает. Стояла на стене среди суетящихся солдат, смотрела, кутаясь в меховую накидку.

— Даже не думай сбежать, — сказал мне Эдвард вместо прощания. — Я всё равно тебя найду.

Вот в этом я как раз не сомневалась.

Хотя... всегда оставались Изумрудные острова.

— Про вас слухи нелестные ходить будут, Ваше Высочество, — съязвила я в отместку. — Что окрутила вас колдунья, приворотила. Снова.

Эдвард глянул на меня и фыркнул.

— Мне всё равно.

Первые лучи солнца — низкого, зимнего солнца — прокололи серые тучи, осветив маленький отряд принца. Я схватилась руками в перчатках за обледеневшую каменную стену. Там, вдалеке Эдвард — уверена — обернулся... В следующее мгновение все они пропали: и Проклятые с принцем — в портале, и лучи — за тучами.

Я отпустила камень, подобрала юбки и поспешила к лестнице.

***

Все три следующих дня я возилась с Аленом — безуспешно пыталась привести его в чувство. Эдвард действительно сделал всё, чтобы я сидела в его замке — мне не разрешалось выходить за пределы стен, что красноречиво показали Проклятые в первый же вечер — скрестив копыя, когда я попробовала выйти за ворота. Я не стала испытывать их терпение. Пока.

Ален в себя не приходил. А ведь он был моей единственной надеждой выбраться из этого долбанного Средневековья. И эта “надежда” вела себя хуже забитого щенка.

Не помогало ничего. Я с ним разговаривала, я его уговаривала, я, наконец, кричала. Но он по-прежнему боялся меня до безумия, хотя... нет, вру. Чуть меньше, чем до безумия. По крайней мере, когда в комнату вдруг забредал кто-то посторонний вроде стражника или служанки, он прятался за мной, обнимая мои ноги, точно прося защиты.

И панически боялся воды. И огня. Не знаю даже, чего больше. К камину никогда не подходил, сколько бы ни звала.

В общем, всё было грустно.

И скучно.

Слуги со мной почти не разговаривали, подслушивать их я пыталась, но некоторые фрэнсийские обороты от меня пока ускользали. А стражники, даже живые, а не Проклятые, вообще редко рот открывали.

В общем, думала я, что сдохну тут от скуки в обществе помешавшегося Алена, и услужливых фрэнсийцев.

Как бы ни так.

Вечер был тихим, спокойным — до крика. Я уже выходила из себя из-за неизвестности и безысходности. Потому, когда дверь в спальню тихонько отворилась, я чуть не послала позднего гостя... далеко.

Гость, а точнее, гостья, аккуратно закрыла дверь, повернулась ко мне и облегчённо выдохнула:

— Катрин. Слава богу, слухи не врут. Это ты.

Я смотрела на неё, не веря глазам. И с трудом выдавила, когда она, улыбнувшись мне и Алёну, поспешила к камину греть руки.

— Привет, Джоан. Хороший вечер, правда? Был.

***

— Катрин. Я не желаю тебе зла...

— Все желают, а ты исключение? — фыркнула я, подходя к столу. — Серьёзно, Джоан, что ты от меня хочешь? Всё, я поняла, ты раз десять сказала, что слухи обо мне и отношение

Эдварда не твоя вина. Угу. Типа верю. Чего явилась-то?

Джоан встала, сделала попытку подойти ко мне и остановилась. Ален, вечно прятанный от всех незнакомцев у меня в ногах, сейчас встал впереди меня, глядя на принцессу... очень красноречиво.

— Метаморф? — выдохнула Джоан.

— Угу, — отозвалась я. — Его зовут Ален. И он мой друг.

— Значит, это правда... Так это же прекрасно! — шепнула девушка, и, поймав мой взгляд, осеклась.

— Прекрасно? — протянула я. — Для чего?

Джоан шагнула обратно к камину, и Ален расслабился. Даже сел обратно на пол.

— Катрин, ты знаешь, что сейчас война...

— Да, и тем более странно, что ты тогда делаешь в замке врага, — перебила я.

Джоан укусила губу.

— Но ты же никому не скажешь? Что я здесь.

Я смотрела на неё.

— Ближе к делу, Ваше Высочество.

— Катрин, не знаю, как воюют в твоём мире, — зачастила принцесса. — Но у нас используют магию. Особенно мой отец. Пусть Святой Престол и против...

— Ещё ближе.

— У фрэнсийского короля и его сына не останется шансов кроме как воспользоваться Древним кругом.

— Каким-каким кругом?

— Неважно, — отмахнулась Джоан, глядя на меня уже с досадой. — Важно, что после этого круга твой Эдвард изменится навсегда. Я плохо разбираюсь в некромантии, Катрин, но из него сделают чудовище. Только так они могут победить нас.

Я вздохнула. А не врешь ли ты, девочка?

— А я причём?

— Катрин, ты собираешься им позволить... Ты же любишь принца Эдварда! Ты же не можешь...

— Спокойней, принцесса. Тут всё несколько поменялось. Наши чувства с Эдвардом под вопросом. Да и причём тут это?

Джоан, ломая руки, глянула на меня с отчаянием. Перевела взгляд на Алена.

— Катрин. Ты не согласишься мне своего метаморфа?

— Разбежалась! — фыркнула я. — Даже не думай.

— Катрин, но твой принц умрёт!

Я пожала плечами.

— А кто сказал, что это правда, Джоан? Чего ты-то добиваешься? Между вами никогда большой любви не было. И победит, как ты уверена, твоя родная страна. Так какой твой интерес?

Джоан, снова терзая губу, смотрела на меня, кажется, машинально дёргая за цепочку...

Та-а-ак. В последний раз этот медальон был у Эда. И вряд ли принц его кому-то по своей воле отдал.

— Ален, — тихо произнесла я. И, когда принцесса, выпустив медальон, удивлённо посмотрела на меня, не раздумывая, выпалила. — Ален, фас!

Глава 10

— А-а-а, но зачем так жестоко-то?! Ай, Ален, мы ж её потом не откачаем! Она нам нужна ещё! Ален! Моя кровать!!

Мальчишка, до этого испуганно жавшийся ко мне, теперь больше напоминал зверя, причём атакующего. Даже рычал также и горбился. И ещё он светился. Алым. Серьёзно, как в фильмах. Только там это как-то уже привычно, а тут — меня за душу взяло, у-у-ух!

Джоан каталась по кровати, взбивая подушки и одеяло, силясь оторвать от себя вдруг ожившую цепочку медальона и раскалившиеся перстни. Кровать шаталась и скрипела. Хлопала занавесками балдахина — по комнате носился ветер, невесть откуда взявшийся — окно вроде было закрыто.

— Ален!

Мальчишка не шелохнулся, даже бровью не повёл, а Джоан, жалко вскрикнув, скатилась с кровати на пол.

— Ален! Хватит! — завопила я. — Довольно!

Мальчик вздрогнул. Повернулся ко мне, поймал взгляд — я отшатнулась. Глаза у него были... кошачьи. С вертикальными зрачками. Алыми.

— Ален...

Сияние растаяло.

Мальчик всхлипнул и вдруг, словно уменьшившись в росте, скукожился, рухнул на пол, дрожа и сворачиваясь в клубок.

Закусив губу и не обращая внимания на надрывающуюся кашлем Джоан, я подошла к нему, осторожно взяла за плечо.

— Ну-ну... Тихе, тихе, Ален, успокойся...

Он развернулся, крепко обнимая, обвиваясь вокруг моих ног, прижимаясь горячей щекой.

— Невозможно, — прохрипела Джоан, изумлённо глядя на нас. — Не может быть... Ты же не являешься его госпожой... Почему он тебе подчиняется? Почему... он тебя защищает?!

— Потому что он мой друг, — огрызнулась я, наклоняясь и кладя руку мальчику на макушку. — Ну всё, всё, Ален, давай, вставай. Пусти меня.

— Друг? — поражённо повторила принцесса. — Метаморф?!

Ален, подняв голову, поймал мой взгляд и, потеревшись щекой о мою руку, медленно отодвинулся. Я прошла к столику у камина с остатками моего ужина, налила в кубок вина, протянула Джоан.

— Да что вы прицепились к метаморфам, а? Что, не люди, что ли?

— Не люди! — выдохнула Джоан, пожирая Алена горящим взглядом. И дёрнулась, когда мальчик посмотрел на неё и глухо зарычал. Схватила за медальон.

— Откуда он у тебя, Джоан? — глядя, как она медленно отводит руку от украшения, спросила я. — Последний раз я видела его у Эдварда. Украла?

— А что мне оставалось делать?! — вскинулась принцесса, выхватывая у меня кубок. — Единственная моя защита валяется бесполезной безделушкой у фрэнсийского принца. Который укатил на войну, предварительно сообщив, что я ему, видите ли, не нравлюсь! Как будто он мне очень... — (очевидно, альбионские ругательства), — нравится!

— Джоан, — перебила я. — Я полностью разделяю твои чувства. Но можно ближе к медальону?

Принцесса выдохнула и вдруг улыбнулась. Дёрнула цепочку, снимая.

— А вот он — то, зачем я к тебе и пришла, Катрин. Он не работает. И я точно знаю, что он не работал и у Эдварда, раз уж он оставил его в столице, а не носит сейчас на шее. А значит, это Эдвард его забрал. Очевидно, у тебя.

Я со вздохом повернула кресло у окна удобнее, устроилась в нём. Похоже, у нас долгий разговор.

Ален тут же уселся у моих ног, прижимаясь щекой и то и дело лоя взгляд.

— Ну да, ты права. Так оно и было. И что дальше?

Джоан бросилась ко мне, протягивая амулет.

— Подари его мне!

Ален оскалится, стоило ей приблизиться, и принцесса предсказуемо замерла, с опаской косясь на мальчика.

— Щас, — фыркнула я, наблюдая за ней. — Уже. Что бы ты потом пожелала... ну, например, чтобы фрэснийская армия перестала существовать? А что? Патриотично.

— Она и так очень скоро перестанет! — парировала Джоан. И уже тише выдохнула. — Так ты знаешь, что он исполняет желания?

— А ты любезно ничего мне об этом не сказала, когда “дарила”? — усмехнулась я. — Что? Небось, решила, что я тебе когда-нибудь пригожусь, да? Поэтому хотела видеть живой, раз решила отдать семейную реликвию?

— А ты и мысли не допускаешь, что я хотела тебе помочь? — глядя мне в глаза, отозвалась Джоан.

Я покачала головой.

— Извините, Ваше Высочество. Вы для этого слишком умны.

Принцесса опустила голову. Положила медальон на стоящий рядом столик.

— Катрин. Сейчас мне нужна твоя помощь. Если ты, чёрт возьми, будешь и дальше упрямиться, вся Фрэсна канет в тартарары!

— Так уж и вся? — хмыкнула я. — И кстати — принцессы не ругаются.

Джоан хмыкнула.

— Поверь мне, ещё как ругаются. И я серьёзно насчёт Фрэсны. Ты знаешь, что король Дерик в плену?

Я вздрогнула, и Ален снова зарычал, подавшись вперёд. Пришлось положить руку ему на волосы — только тогда мальчик чуть присмирел. Но всё равно смотрел на Джоан очень недружелюбно.

— Да ладно, — недоверчиво глянув на принцессу, поморщилась я. — Твой отец, что, такой великий колдун?

— Колдун? — усмехнулась Джоан. — О нет, он вообще не колдун. Зачем, если у него сын — Хранитель?

Я прищурилась.

— Хранитель? Хранитель чего?

Принцесса уставилась на меня с нескрываемым изумлением.

— Чего? Катрин, ты, правда... Ну, да, конечно. Ты можешь не знать. Грааля, Катрин.

— Грааля, — повторила я. Слово казалось знакомым, но ничего мне не говорило. — А что это?

Джоан закатила глаза.

— Чаша, Катрин. Всего лишь чаша, из которой Защитник пил на Тайной вечере.

— Ну и что? — я машинально положила руки на колени, и Ален, пискнув и поймав мой

взгляд, потянулся к ним. Устроил голову на коленях, прижимаясь щекой и внимательно следя за принцессой.

— Святые угодники, Катрин! — прошипела Джоан тоном “как ты можешь не знать простых вещей?”. — Это чаша За-щит-ни-ка! Символ чистоты и святости, непорочности и благородности! Она даёт магию, она притягивает к себе амулеты, её когда-то смог привезти предок Эрика Галахад, и с тех пор старший сын в его роде становится Хранителем. И ему не обязательно быть колдуном, Грааль сам даёт ему магию.

Какая-то чашка даёт магию. Обалдеть.

— Э-э-э. — протянула я, — а разве магия и вера, это... ну, не разные вещи?

— Это чаша Защитника, Катрин, — раздражённо повторила принцесса, — её магия священна.

— А-а-а, — кивнула я, так и не уловив логику. — Ну, если Защитника... тогда конечно.

— Катрин, не богохульствуй! Подари мне, наконец, мой амулет, я сама справлюсь с Эриком и спасу твою Фрэсну!

Героиня, блин, выискалась.

— Мою? — фыркнула я. — Тебе-то она зачем?

— Да потому, что если победит отец, — завопила покрасневшая Джоан, уже совершенно не похожая на принцессу, — ты не представляешь, что он сделает с этой землёй! Самое лучшее — казнит всех магов, посадит на трон какого-нибудь тихоню-барончика, а меня отдаст ему в жёны! И до конца дней я не смогу и пикнуть, прозябая в этой дыре! А ещё — наверняка — этот “конец” наступит для меня очень и очень скоро! Ты ещё не поняла, Катрин? Здесь каждый за себя! Выиграй или умри!

До меня действительно медленно доходило. Для начала я представить не могла, что короля-колдуна мог кто-то... кто-то победить.

— Джоан, что с Эдвардом?!

— Амулет! — завопила в ответ вышедшая из себя принцесса. — Подари мне амулет!

— Эдвард!!

Если бы не Ален, Джоан в меня бы наверняка уже вцепилась.

— Да в порядке он, — выдавила принцесса, беря себя в руки. — Пока в порядке. Только у него уже почти нет армии, и половина территории Фрэсны — под контролем Альбиона и Святого Престола. А так всё нормально, Катрин. Твой принц жив. Но самое позднее через пару дней, когда столицу возьмут союзные войска, его четвертуют. В лучшем случае. Но с тобой-то всё будет хорошо, у тебя есть метаморф... пока Эрик его не забрал. И эта крепость ещё какое-то время выстоит — похоже, Эдвард, “забыл” здесь чуть не все свои амулеты. Тебя, повинувшись приказам принца, вывезут куда-нибудь в горы, в милый домик. И ты будешь там в безопасности. Относительно. Так что, конечно, можешь ждать и...

Я схватила медальон, собираясь швырнуть его принцессе, когда Ален осторожно потянул меня за рукав. И уставился в глаза, будто силясь что-то сказать.

Что..? Я посмотрела медальон. На замершую принцессу.

— Я не верю тебе, Джоан. Ты складно говоришь, но это только слова. Кто сказал, что тебя не послал тот же Эрик?

— Ты упрямая... — начала было принцесса, но осеклась. — А знаешь, Катрин... поехали со мной. Заодно и метаморфа своего прихватишь. Он посильнее моего амулета будет. И сама увидишь, что я говорю правду.

Пальчики Алена предостерегающе сжали моё запястье.

— И куда поедем? — медленно уточнила я. — Что ты собираешься делать?

— Вернуть Фрэсне короля, — отозвалась Джоан, высокомерно вздёрнув подбородок. — Эрик будет проводить обряд в одном из Древних кругов силы. Во Фрэсне, тут легче результатом воспользоваться. Это будет что-то вроде жертвоприношения. Я остановлю обряд и верну короля Дерика. Он снова обуздает Проклятых...

— Проклятых? — повторила я. — Джоан, а что не так? Тут в крепости с ними всё в порядке.

— О да, — усмехнулась принцесса. — Тут — да. Сюда мои соотечественники ещё не добрались. Но стоит Эрику прийти — Проклятые станут подчиняться ему. Как и все их отряды во фрэснийской армии. Твой принц вместе с остальными живыми улепётывал от них так, что пятки сверкали, когда король Дерик попал в плен, и демоны перешли на сторону моего отца.

— Почему? — ещё не веря, пробормотала я. — Они же заключали когда-то договор...

— В договоре всегда полно нюансов, — перебила Джоан. — Тем более в договоре некроманта. Уж он-то знает, как договориться с Той Стороной. Поверь, Катрин, ваши Проклятые Эдварду больше не подчиняются. Магия Грааля сильнее, свет всегда сильнее тьмы.

Я сжала пальцами виски. Алэн, заскулив, прильнул ко мне.

Если Джоан хоть отчасти права... Если я буду сидеть здесь, а Эдвард умрёт там...

“Ты будешь в безопасности”. С него ж станется умереть, одному, защищая всех и вся. С него — точно станется.

Я закусила губу, отгоняя картинку Эда в темнице. И ещё одну — на плахе.

Но если Джоан лжёт, то... тащить Алэна... Не дай бог, его снова схватят, не дай бог этот мерзавец снова будет над ним издеваться.

— Я говорю правду, Катрин, — тихо произнесла Джоан, точно прочитав мои мысли. — Я клянусь всеми святыми и милостью Защитника, я говорю правду. Да падёт на меня кара небесная, если я лгу.

Я тяжело вздохнула.

Клятвы для местных — святое.

Алэн сжал мою руку, когда я одела медальон себе на шею.

— Ладно, Джоан. Допустим, ты действительно сейчас не лжёшь. А что стоит мне сейчас пожелать, чтобы альбионской армии не было?

— Пожелай, — пожала плечами принцесса. — Ничего не случится. Нет ничего могущественнее Грааля, чистоты и света.

Я на всякий случай пожелала. Но то ли я неправильно желала — три раза, то ли и впрямь нет ничего сильнее. Медальон не сиял и покалывания в пальцах не было.

Но хоть тут не врёт.

Хм, а забавно, как я становлюсь похожа на Эда с этим “врёт-не врёт”.

— Хорошо, Джоан, — тихо выдавила я. — Поехали. Но медальон пока останется на мне.

Принцесса поджала губы. Но через мгновение кивнула.

— Пусть так. Ты увидишь, что я права. Во всём.

Может быть.

***

— Нам нужна одежда, — пробормотала я, глядя на полуголового (особенно по местным меркам) Алэна. Шоссы и сорочка явно не годились для поездки в мороз. — И как мы

поедем? Через портал? Где это вообще? Там холодно?

— Холодно, — откликнулась Джоан. — Нужна одежда — прикажи своему метаморфу, пусть достанет.

— Я ему не приказываю, — огрызнулась я, глядя на мальчика.

Тот кивнул и прикрыл глаза.

— Ну так попроси, — поморщилась Джоан, принимаясь ходить из угла в угол. — Быстрее, Катрин, мы теряем время, а оно сейчас очень дорого.

Я снова собиралась огрызнуться, но тут дверь открылась, и в комнату вошли две служанки — из тех, что меня одевали. Судя по их пустому взгляду, присутствие Джоан они явно не заметили.

— И почему метаморф прислуживает тебе? — пробормотала принцесса, глядя, как меня сноровисто облачают в тёплое блио и многочисленные накидки. Эх, а я так надеялась, что принесут что-нибудь из одежд Эда — ехать было бы удобнее. Но, видимо, принц здесь гардероб не держал, или Ален меня не так понял.

— Потому что он мне не прислуживает, — отозвалась я, поднимая руки и давая зашнуровать все эти многочисленные завязочки-застёжки. — Джоан, между прочим... о Древнем круге... Ты же говорила, это король-колдун будет проводить обряд над Эдвардом. А, получается, король в плену...

— Ну солгала я тебе, — неохотно призналась принцесса, глядя в сторону. — Я думала, ты как узнаешь, что с твоим принцем беда, сразу на всё согласишься.

Я фыркнула

— Джоан, безрассудная любовь бывает только в книгах.

Принцесса покосилась на меня.

— Думаешь? Твой Эдвард ради тебя...

— ... чуть меня не придушил пару раз, — отозвалась я. — Мечтай о любви аккуратнее, Джоан, принцы на белых конях встречаются лишь в сказках.

— Почему? — изумилась Джоан. — У Эрика тоже есть конь блед...

— Да это не то, — махнула рукой я, отсылая служанок и наклоняясь помочь одеться Алену. — Так как мы, говоришь, поедем?

Принцесса, улыбаясь, повернулась ко мне.

— Спустимся в конюшню, возьмём лошадей, а потом, по пути, твой метаморф создаст портал.

— Что-то мне твой план уже не нравится, — буркнула я, поднимая Алена, когда тот в очередной раз попытался опуститься на колени. — Другого нет?

— Нет, Катрин. У меня есть портал в Альбион. Хочешь? И я бы не советовала тебе тратить энергию моего медальона на глупые желания. Он нам ещё пригодится.

Я вздохнула и взяла Алена за руку.

— Ладно. Идём. Где тут, кстати, конюшни?

Конюшни были внизу, во дворе — к ним, благодаря Алену мы пришли незамеченными. Все встречающиеся нам слуги смотрели пустыми глазами и не делали попытки остановить. Хорошо иметь в друзьях метаморфа.

Ален всё порывался, пока из комнаты не ушли, достать цепь. Пришлось три раза повторить, что она нам не нужна — только тогда мальчик, понурившись, побрёл за нами.

А Джоан удивлённо наблюдала, но помалкивала. Хорошо, а то я бы сорвалась.

На лошадь (или коня?) я взбиралась с огромным трудом. Ален уселся спокойно, а мне

пришлось искать приступочку, тянуться...

Джоан смотрела, явно пытаясь скрыть улыбку.

— Попроси своего метаморфа, Катрин, сделать так, чтобы ты с седла не свалилась, — только и сказала она.

Я стиснула зубы, влезла, наконец, в седло позади Алена и подала ему поводья. Мальчик удивлённо оглянулся, но, поймав мой взгляд, послушно взял и кивнул.

В седле я, кстати, держалась и впрямь как приклеенная. Не самое приятное чувство, серьёзно.

Проклятые спокойно открыли нам ворота, и мы выехали в ночь — сперва Джоан, потом мы с Аленом. Я прижималась к нему, судорожно соображая, что теперь делать. Идей пока не было, но я надеялась, что появятся. Что я выбрала правильно.

Надеяться, что Джоан не обманет, было глупо, но не согласись я на риск, и это могло бы стоить Эдварду жизни.

У меня просто не было выбора.

Из портала мы вывалились на каком-то поле. Холодно, ночь, снег под копытами поскрипывает и чвакает. Из-за редких облаков выглядывает полная луна, отлично освещая бугристую местность. Смотрится так, будто тут долго и очень тщательно копали окопы. Наши кони спотыкаются, семят, я пару раз чуть не вывалилась из седла и, когда привыкла к сумраку, с трудом удержалась от крика.

Это были не окопы. Это были люди. Точнее, мертвецы. Рыцари, придавленные облачёнными в доспехи конями, лучники в серых накидках, копейщики, кое-где попадались чёрные плащи колдуний — как у Камиллы. И мы ехали по этому полю, над которым стаей кружилось вороньё. Медленно, осторожно переступали через тела, а те смотрели на нас или в небо мёртвыми глазами с отголоском предсмертного ужаса. Ужас — да, это было у всех. Я не видела ещё такого у трупов, а местный бог знает, я на многих насмотрелась!

— Джоан... Джоан, что это? — проблеяла я, заслоняя рот полкой плаща. Запах стоял убийственный — несмотря на морозную погоду.

Побледневшая принцесса, тоже прикрывавшаяся плащом, бросила странный взгляд на меня. Но ответить не успела.

Земля дрогнула. Раз. Другой. Лошади, испуганно заржав, шарахнулись в сторону, наша с Аленом споткнулась, чудом не завалилась на бок.

“Бум! — раздалось в застывшем зимнем воздухе. — Бу-у-ум!”

— Катрин! — в голосе Джоан явственно звучала паника. — Скачи!

Они с Аленом почти одновременно пришпорили коней, и те помчались, стремительно переходя на рваную рысь и, чуть погодя, на не менее рваный галоп.

Дрожала земля. Бухала, стонала, звенела. Слава богу, препятствий в виде мертвецов стало попадаться всё меньше и меньше, да ещё и впереди замаячил жиденский лесочек, куда мы и повернули.

Вцепившись в мальчишку не хуже утопающего — в соломинку, я рискнула оглянуться.

За нами — медленно, но отмахивая за один шаг добрые сто метров — шло нечто. Нечто было громадным, больше похожим на гору, но, приглядевшись, я смогла рассмотреть неуклюжие руки и столбы-ноги.

Амулет Джоан на мне светился. Пара алых молний — от него или от Алена — ударила существу прямо в макушку, но оно даже не шелохнулось, продолжая методично брести за нами.

А потом, когда лошади чуть сбавили шаг, взбираясь на холм, протянуло руку, оказавшуюся каменной. Среди неуклюжих, точно вылепленных малышом-дошкольником, пальцев затрещали, ломаясь, деревья, наша лошадь вильнула, что-то пискнул Ален — и мы всё-таки влетели вслед за Джоан на холм. Существо, разочарованно взревев и удушающе воняя прелой землёй, выпрямилось и неожиданно совершенно потеряло к нам интерес.

Лошадь хрипела. Ален, спрыгнув на землю, потянул вниз и меня, а, когда я спешила, принялся водить её по кругу. Джоан кинула ему поводья своей и, подойдя ко мне, усмехнулась.

— Видишь. Я говорила правду.

Я, не в силах оторваться, смотрела на бредущие по полю громадные рваные силуэты.

— Что это?!

— Големы, Катрин, — вздохнула принцесса. — Мы редко их призываем, уже больше ста лет не приходилось, — и, проследив за моим взглядом, кивнула. — Да. Они идут к фрэснийской столице. Угадай, что будет, когда дойдут.

Я тяжело сглотнула.

— Где там твой круг? Который Древний.

Принцесса, слабо улыбнувшись, оглянулась.

— Вон он. Мы приехали. Почему ты думала, они не стали нас преследовать?

Это меня как раз сейчас не волновало. Меня волновало, что будет с Эдвардом, когда эти громилы до столицу дойдут. И я не хотела это представлять. Совсем не хотела.

— Привяжи лошадей, — приказала принцесса Алену. Тот вопросительно глянул на меня, и я кивнула. А Джоан, хмурясь, добавила. — Дальше мы пешком. Тут недалеко. Правда же..? Как там тебя? Ален?

Метаморф бросил на неё ненавидящий взгляд и пристроился позади нас. Вздогнул, когда я поймала его за руку. Но вырваться не стал.

Круг оказался руинами. Древними, да. Походил на замок, который долго и основательно бомбили. В итоге в более менее живых осталась только главная башня, а в ней — холл.

Лезть по камням в платье было жутко неудобно, и здесь мы с Джоан, вроде бы, оказались, заодно. Она, во всяком случае, бубнила что-то на альбионском и вряд ли это была молитва.

— Катрин... медальон, — задыхаясь, потребовала она, стоило добраться до “холла”.

Я молча сняла амулет, кинула ей, а когда попыталась шагнуть за принцессой к плоскому камню в центре “круга”, Ален вдруг так крепко вцепился в моё запястье, что я вскрикнула.

— Ален! Что ты делаешь?! Пусти меня!

Мальчик послушно отпустил, но смотрел так, что если бы не голос Джоан, дальше я бы не пошла.

— Катрин, ну что там? Мне понадобится твоя помощь!

— Какая ещё помощь? — предвкушая нечто неприятное, отозвалась я, идя к ней. Тихонько хнычущий Ален, дрожа, засеменял следом.

Да что с ним?

— Моему другу здесь не нравится.

— Это Древний круг, тут магия на каждом шагу, — отозвалась принцесса, — неудивительно, что твоему метаморфу это не по вку...

Договорить она не успела. Мы только-только подошли к камню, а Джоан успела положить на него амулет, как этот (итак подозрительный во всех отношениях) валун вдруг

засиял.

— Джоан! — успела крикнуть я, когда пространство вокруг сжалось и тут же с хлопком выплонуло нас, но уже в совершенно другом месте.

Больше всего оно напоминало гробницу. Гроб точно имелся — каменный постамент, как местные любят. На нём лежал скелет в ржавых латах, сжимая костлявыми пальцами меч. Но не он меня впечатлил — да и стоял гроб почему-то сбоку, что весьма нехарактерно для гробниц, а больше для склепов.

Зато посреди круглой залы — причём, строго посредине — возвышался постамент с чашей. Явно древней и грубой работы, но очень красивой. На неё, конечно, падал лунный свет — из отверстия в потолке — и потому она мягко светилась, но было что-то в ней ещё, что-то, заставлявшее трепетать, мешающее отвести взгляд и не дающее дотронуться — потому что это было бы кощунством, после которого, наверное, не захотелось бы жить. Не знаю, почему.

— Ну наконец-то, сестра, — выдохнул знакомый голос, и альбионский принц-наследник шагнул из тени. — Ты принесла мне свой фамильный медальончик? О, отлично, ты и моего метаморфа привела. Я счастлив.

Принцесса, хватаясь за цепь медальона, крикнула что-то яростное на альбионском, а Алэн, скуля и плача, бухнулся на колени и пополз к принцу.

— Не смей! — отмерла я, кидаясь наперерез. — Не смей его...

— О, Катрин, — улыбнулся Эрик, и я, задыхаясь, засучила ногами, зависнув в воздухе в метре над полом. — И ты тут? Я-то сестрёнку посылал только за медальоном... Может, ты не так и бесполезна, а Джоан?

— Ты... — я с трудом повернулась к принцессе, — пре... пре...

— Нет! — выкрикнула Джоан, но подавилась воздухом и застыла.

— Предательница? — усмехнулся альбионец, отшвыривая меня к стене, к гробу. — Ну нет, конечно, нет. Маленькая добренькая Джоан хотела как лучше. Хотела убить двух зайцев — помочь будущему супругу и освободиться от влияния папочки и старшего сводного брата. И ей даже в голову не пришло, откуда в её милой головке появилась мысль забрать амулет и поехать к Древнему кругу... Да, сестричка? Да, это я её тебе внушил, — улыбнулся он, подходя к побледневшей девушке. — Ты мне нравишься, сестра, но извини, мне нужна девственница с королевской кровью, чтобы наметить путь. Поэтому сначала сегодня умрёшь ты, а потом — этот фрэнсийский некромант. Ну-ну, милая, если хочешь, я закажу по тебе мессу. Хотя зачем? Ты же наверняка попадёшь в рай, да? Так что не бойся. На Небесах тебя очень ждут. Твоя сучка-мамочка, например, — и, повернувшись к прижавшемуся к полу, рыдающему Алэну, бросил что-то по альбионски.

Мальчик вздрогнул и, мазнув ногтями по руке, кровью принялся чертить что-то на полу. А Эрик, продолжая “беседу” с бледной, как смерть, неподвижной Джоан, перешёл на альбионский.

Я осторожно пошевелилась. Больно, но двигаться можно. Никто на меня внимания не обращает — хорошо. Что я могу сделать? Ничего. Сегодня меня точно убьют. Но, чёрт возьми, я не буду дожидаться этого, беспомощно лёжа у...

На глаза попался тускло блеснувший в лунном свете меч. Меч. Я осторожно придвинулась к нему. Ещё чуть-чуть... Чёрт, тяжёлый!

Эрик обернулся в тот момент, когда я вырвала клинок из пальцев скелета и, шатаясь от тяжести, путаясь в юбках, бросилась к нему.

***

Спина отозвалась дикой болью, когда я в очередной с размаху ударилась о стену и, проехавшись, приземлилась на пол. Уже мало что видя из-за заслонившего глаза красного тумана, я шарила вокруг сбитыми в кровь костяшками пальцев, пытаюсь нащупать меч. А ещё надо встать. Снова.

Альбионец наслаждался. Когда я ещё могла нормально видеть, я наблюдала удовольствие в его глазах — сродни экстазу, когда, шатаясь и силясь поднять клинок, я раз за разом вставала и бежала к нему.

Принцу это казалось забавным.

“Что ты можешь, Катрин?” “Ты же не рыцарь, девчонка”. “Ну, повесели меня, милая — отца ждать ещё долго, а с тобой и впрямь интересно. Я начинаю понимать принца Фрэсны. Давай, иди ко мне. Ещё...”

“Что ты можешь?”

Ничего. Ничего я не могла. Но Ален заканчивал рисовать кровью схему на полу, а Джоан по-прежнему, не шевелясь, смотрела на него остановившимся взглядом. А где-то там, к столице подходили эти самые големы, и им потребуется минут пять, чтобы захватить город, ведь у Эдварда больше нет Проклятых. И, может, на рассвете моего принца казнят, если только он не падёт в бою.

Картинка поля битвы с мертвецами вповалку и довольными воронами стояла перед глазами. Я видела на ней Эдварда. И брала меч. Снова. Снова. Снова.

Если бы у меня была сила. Хоть какая-нибудь. Если бы только я могла не прятаться каждый раз за спинами друга или любимого. Если бы я могла хоть что-то.

Но я ещё могла упрямо раз за разом вставать. Без надежды — её давно не было. Помогать мне сейчас некому. Выиграй или умри. Да.

Принцу быстро надоело отшвыривать меня магией и этот мерзавец подключил к делу кулаки. Он вырывал меч, отбрасывал подальше, заставляя ползти за ним на коленях, и бил — кулаками, ногами, стряхивая меня с себя, когда я ещё могла отбиваться.

Думаю, на мне уже живого места не было. Руки точно почернели не то от крови, не то от синяков. По лицу тоже текла кровь, заливая глаза — глаз, точнее, одним я уже не видела. Нос взрывался всполохами боли и почти наверняка был сломан.

В последний раз, опираясь на выскальзывающийся из рук меч, я только-только встала на колени — и снова ударилась спиной о стену, даже не заметив, как этот мерзавец со смехом опять меня отшвырнул

Гробница перед глазами вращалась. Голос альбионца доносился как сквозь вату. Но, спустя минуту, приподнявшись, я заметила Алена, идущего к неподвижной Джоан. И, отчаянно прищурившись, увидела, что схема на полу закончена и мерцает. Красиво, завораживающе, так, что глаз не отвести.

Я бы и не отводила. Я очень устала. У меня каждая клеточка болела, даже волосы на голове, кажется, отдавались болью. Но плачущий Ален поднял Джоан и повёл её к центру схемы, и надо было что-то делать.

Рыча и сплёвывая кровь, я из последних сил потянулась к лежащему неподалёку от постамента с чашей мечу. Клинок маячил и расплывался перед глазами, я тянулась, плача от боли и досады.

У меня не было сил его взять. Да даже если бы и были — это всё равно ничего бы не изменило. Я очень чётко это понимала, но всё равно тянулась. Перед глазами стоял

умирающий Эдвард. А, когда я смаргивала, видела лежащую в центре схемы Джоан и скулящего от ужаса Алена над ней.

Отчаянной попыткой, прокусив губу, я дёрнулась, но меч не приблизился ни на сантиметр.

Там, сбоку от постамента, Ален вскинул над бледной, как смерть, Джоан маленький кинжальчик.

Я, зарывчав и захлёбываясь кровью, в последней попытке протянула дрожащие пальцы к клинку, уже зная, каким будет результат, но всё равно продолжая тянуться, не двигаясь ни на миллиметр...

Вместо меча пальцы коснулись каменного постамента, и я застонала от досады, зная, что продолжу пытаться, пока не умру, потому что просто не могу больше видеть мёртвого Эда и безмолвного, подчиняющегося приказам альбионского мерзавца Алена...

Постамент вздрогнул. Чаша, стоящая на нём, накренилась... и полетела вниз — медленно, ненормально медленно. Будто в замедленной съёмке я видела, как из неё плеснула алая, горячая кровь, щедро заливая мою протянутую руку. Почерневшая, потерявшая своё очарование, чаша упала рядом, гулко покотившись по полу.

Не понимая, что творю, я подскочила — легко, совершенно не чувствуя боли — и рукой, заляпанной кровью — чужой и своей — указала на опускающего кинжал Алена.

Гробницу затопил золотой свет, а относительная тишина наполнилась прекрасной, неземной музыкой и отголоском хорового пения.

Я ещё успела понять, что светится именно моя рука, прежде чем всё-таки потеряла сознание.

***

— Этого не может быть, — бормотал принц Эрик, склонившись над почерневшей чашей. — Этого... просто... не может... быть!

Я отползла от него подальше и наткнулась на изумлённый взгляд Джоан, скорчившейся у гроба. Только принцесса смотрела не на чашу. На мою руку.

Я скосила глаза и, взвизгнув, подскочила.

Рука уже не чёрная от синяков, и не заляпанная кровью, была в порядке — если не считать синеватых линий, точно повторяющих рисунок, который до этого красовался на чаше. Какие-то листики-веточки-цветочки. Непонятные символы. И всё это — от кончиков пальцев до локтя, как очень странная, но красивая татуировка. У меня. На моей руке.

— Что это? — тряся рукой, как будто могла это стряхнуть, пролепетала я. — Что... что это?!

Альбионский принц поднял голову и тоже уставился на мою руку, повторяя:

— Не может быть!..

А у замершего позади него Алена вдруг треснул, раскалываясь, ошейник, и с шумом упал на пол. Альбионец не обратил внимание, зато Ален вперился в него болезненно-яростным взглядом и медленно поднял кинжальчик.

Я судорожно отвернулась, когда раздался первый крик.

***

Замерев у пустого постамента, я смотрела, как Ален, методично тычет в затихшего альбионца клинком. Кусая губы, вытирая лицо, если на него попадали брызги крови, опускает кинжал снова и снова, и снова...

— Ален, — позвала я, когда ко мне вернулась способность говорить — а заодно к горлу

подобралась тошнота. — Ален!

Мальчик вздрогнул. Перевёл взгляд на меня. Осмысленный, гневный взгляд. Прищурился.

— Ален, — дрожащим голосом пролепетала я. — Ален, не надо... он мёртв, Ален. Хватит. По... Пожалуйста.

Мальчик перевёл взгляд на распластавшегося под ним альбионца — я на него старалась не смотреть. И, медленно, встав, пошёл ко мне.

С его кинжала стекала кровь, и рука была в ней по локоть, и на сорочке атели кровавые пятна, и я отшатнулась, прижимаясь спиной к постаменту.

— Ален...

Бросив на меня странный взгляд, задержавшийся на “татуировке”, юный колдун вдруг опустился на колени. Не на колени, как раньше — дрожа и поскуливая. На одно колени. Как рыцарь.

Склонил голову, прижав кулак правой руки к груди.

Я непонимающе нагнулась над ним — поднять или спросить, в чём дело.

И услышала тихое, дрожащее:

— Спасибо.

***

Схема на полу снова замерцала, и Ален вскочил, отводя назад руку с кинжалом, закрывая меня.

Ровно в центре появился изрядно помятый, связанный, с кляпом во рту, король-колдун. А над ним довольный, лучащийся улыбкой отец Джоан.

Правда, улыбка быстро исчезла, когда альбионский король, осмотревшись, увидел раскинувшегося в луже крови принца Эрика.

Осиротевший отец замер, безмолвно открывая и закрывая рот. Потом резво выскочил из схемы и бросился к Джоан.

— Дрянная девчонка! Твоих рук дело?! Что ты навторила?!

Джоан, прижавшись к стене, только молча смотрела на отца. А Ален тем временем перехватил удобнее кинжал и, наклонившись вперёд, радостно, счастливо улыбнулся.

И мгновение спустя бросился к бушующему альбионцу.

Гробница засияла от магии.

— Ален, — попыталась позвать я, видя, как мальчик заносит кинжал над лежащим без сознания королём. В глазах юного колдуна светилась такая болезненная ненависть, что меня передёрнуло от страха. — Ал..!

Мне зажали рот рукой.

— Тише, Катрин. Не надо, — шепнула на ухо Джоан, подавшись вперёд, глядя, как убивают её отца — с нескрываемым удовольствием.

Да вы тут все ненормальные!

Вытащив кинжал и выпрямившись, Ален медленно повернулся. И двинулся к стоящему на коленях в центре схемы фрэснийскому королю. С лица мальчишки не сходила безумная улыбка, Дерик смотрел на него с обречённым спокойствием.

Я забила, вырываясь из рук Джоан.

— Ал..! Ален! Стой! Ален!

Мальчишка, уже занеся руку, замер.

Медленно повернулся ко мне.

— Ты... хочешь... чтобы он жил?

Джоан глянула на меня и отодвинулась. Подошла к отцу, наклонилась и спокойно принялась снимать с тела перстни — выборочно — медальон...

Я смотрела на Дерика.

Ален ждал.

— Это из-за него ты здесь, — напомнил он. — Из-за него ты сидела в темнице, из-за него твой принц тебя забыл. И он тебе жизни не даст, если ты ещё надеешься на “долго и счастливо”, Катрин, — и перехватил кинжал поудобнее.

Я покачала головой и посмотрела Дерика в глаза. Фрэнсийский король вскинул брови, насмешливо глядя на меня.

— Он отец Эдварда, — тихо произнесла я, подходя к Алену. — И ты его не убьёшь. Мы любим с ним одного принца. Одинаково.

Глаза короля-колдуна расширились, когда я осторожно забрала кинжал из рук мальчика, и отбросила в сторону.

— К тому же ты убивал уже достаточно, — шепнула я Алену. — Хватит. Лучше освободи его, — и, повернувшись к королю, коротко поклонилась. — Ваше Величество. Проклятые — вы сможете снова их обуздать?

Дерик потёр свободные от верёвок руки и, кивнув, вскрыл так и не зажившую рану на запястье. Я отвернулась от него к Джоан, методично обыскивающей альбионского короля. К замершему Алену. Подняла руку с татуировкой и как можно спокойней поинтересовалась:

— Ну что, кто-нибудь мне объяснит, что всё-таки происходит?

***

Портал сжался и выплюнул нас где-то посреди заснеженного леса. Ален, не давая коню передохнуть, пришпорил его, крепко держа поводья. Я, в свою очередь, крепко держалась за Алена.

Король Дерик переместился к себе во дворец — доделывать схему. Джоан осталась в гробнице.

“Она теперь королева Альбиона, — улыбнувшись, сообщил Ален, когда мы добрались до конюшни и он подсаживая меня в седло. — Ей на руку была моя ненависть”.

Я поёжилась, пытаясь отогнать полные крови воспоминания. И, вдохнув морозный, колючий воздух, тихо произнесла:

— Ален... То есть... я теперь... ну... у меня есть магия?

Прижимаясь к шее коня, Ален, не оборачиваясь, отозвался:

— Вроде того.

— Вроде? То есть я теперь... ну... колдунья?

Метаморф рассмеялся.

— Нет, Катрин. Я же объяснял. Магия Грааля каким-то образом перешла в тебя. Его символы на твоей руке. Вроде как знак.

Я покосилась на руку.

— То есть я теперь могу колдовать?

— Ограничено, — отозвался Ален, дёргая поводья и сворачивая влево на развилке. — Я бы сказал, очень ограничено. Магия Грааля — магия чистоты и света. То есть ты не можешь никого ею убить. Но ты можешь защищаться. Точнее она будет тебя защищать. Это... ну... как очень сильный амулет, но действующий всегда. Только исполняющего не все желания, а лишь те, что ведут к свету и добру.

— У-у-у, — протянула я. — То есть списать французский на экзамене мне эта фигня не поможет?

— Нет, — смеясь, отозвался Ален. — Зато ты можешь отменять любую магию — в зависимости от желания... Ты освободила меня.

Я прижалась к нему покрепче.

— О, то есть ты теперь не будешь бухаться в ноги и смотреть на меня щенячьими глазами? Круто.

— Круто, — повторил Ален. — Я ведь всё осознавал, Катрин. Всё, что со мной делали. Всё, что мне приказывали. И не мог помешать... Почему ты тогда сняла с меня цепь?

— Потому что ты мой друг, — удивлённо отозвалась я. — Тебе не кажется, что это неправильно — водить друзей на цепочке?

Ален усмехнулся.

— Правда? Ты странная, Катя. Ты очень странная, — и, помолчав, добавил, ошеломив меня до глубины души. — Отныне я буду служить тебе.

— Эй! — вскинулась я. — Не надо мне служить! Меня и так всё устраивает...

— Дура ты, Катька, — фыркнул колдун. — Я уже поклялся. И принёс тебе клятву верности. Отныне и навсегда. Метаморфы всегда кому-то служат — это нормально. Я хочу служить тебе.

Я не успела возразить — мы выехали на какой-то холм, с которого открывался отличный вид на гремящую колоколами столицу и поле битвы внизу. Мешанину рыцарей, вспыхивающие кое-где огоньки заклинаний, летящие стрелы.

И надвигающихся со всех сторон каменных громадин от шага, которых дрожала земля.

— На големов не действует магия, даже моя, — спокойно сообщил Ален, помогая мне спешиться. — Но твоя, Катрин, должна.

— И что мне делать? — опешила я, глядя вниз.

— Вытяни руку и пожелай, — отозвался мальчик. — Попробуй.

***

Золотой свет залил наш холм, поле внизу, волной прокатился до города.

Ален, по-детски схватив меня за руку, прижался, ошеломлённо глядя на сверкающую, безгрешную чистоту.

— Это прекрасно, Катрин... Ты прекрасна.

Я смотрела, как тают, попадая под волну света каменные громадины. Точно свечные огарки текут, осыпаясь, оставляя холмы прелой земли. Очень скоро всё поле было полно такими холмами.

— Я не понимаю, — тихо произнесла я, глядя, как мешанина внизу разделяется на бегущих и атакующих. И как, строго держась границы тени, за бегущими несётся серая волна Проклятых. — Я не понимаю. Я же ничего не делаю. Я ничего не чувствую. Как онс получается?

Ален глянул на меня и с улыбкой покачал головой.

— Блажен, Катрин. Блажен, кто руки свои в святой омоет крови... Никто тебе не ответит. Насколько я знаю, такого никогда раньше не случалось. Никогда ещё Грааль никого не осенял своей благодатью. Даже рыцарю Галахаду, чистейшему и благороднейшему, он лишь дался в руки. М-м-м, ты там случайно никаких голосов свыше не слышала? Может, что-то обещала?

Я покачала головой и уткнулась взглядом в поле, где во главе рыцарей скакал юноша с

лучающимися в свете утреннего солнца золотыми волосами.

— Кто объяснит замысел Всевышнего? — пробормотал Ален, проследив за моим взглядом.

— Но Ален, — выдохнула я. — Я же даже не верю... в вашего... ну, Всевышнего.

Мальчик глянул на меня и улыбнулся.

— А может, это не так уж важно? Важнее, какая ты. Никто из них, даже самый добрый или блаженный, не протянул бы руку помощи метаморфу. И погиб бы там, в гробнице, потому что у тебя просто не было шансов выжить. Я не знаю, Катрин, в чём дело. И вряд ли кто-то знает. Но что-то ты такое сделала, что не смог и никогда бы не сделал никто из нас

— Юный философ, — вздохнула я. — Подсади меня лучше и поехали вниз. Я хочу убедиться, что с Эдвардом всё в порядке.

***

Мы ехали наперерез возвращающемуся в столицу войску. Изрядно потрёпанному — человеческому. Проклятые рассредоточились за стенами, а часть из них гнала союзные войска до границы.

Эд, усталый, непривычно смотрящийся в доспехах, скакал впереди. Его взгляд не отпускал нас с Аленом — у меня до сих пор светилась рука, а волна золота так пока и не угасла.

— Ален, — прошипела я сквозь зубы, когда мы спешили перед остановившейся по примеру принца конницей. — Как я выгляжу?

— Ужасно, Катрин, — отозвался метаморф, — но кому какая разница?

Я сглотнула и по примеру мальчишки опустила перед спешившимся Эдвардом на колено. Подняла голову, поймала его взгляд... Больше всего мне сейчас хотелось его поцеловать, а не терпеть эти непонятные ритуалы. Но он подал мне руку, помогая встать, и поцеловал пальцы, ошарашенно изучая “татуировку”.

Позади войско скандировало что-то вроде “сальвадо” только на фрэснийском.

То же кричали и высыпавшие на улицы горожане, когда войско ехало ко дворцу. Я скакала на лошади позади Алена, чуть сбоку от коня принца и смотрела, как Эд, улыбаясь, машет рукой в латной перчатке.

Улыбка была натянутой. Эдвард то и дело кидал взволнованные взгляды на меня.

— Не переживай, — шепнул Ален, когда я поинтересовалась, а правильно ли мы всё сделали. — Он просто боится, что ты теперь уедешь. Раз теперь у него нет больше сил держать тебя взаперти.

Я поймала взгляд Эдварда и глубоко вдохнула.

Глава 11

— Ну вот и всё, — отставляя в сторону недопитый кубок с горячим молоком, сказал Ален.

Оторвавшись от изучения ссадин на ногах, я удивлённо уставилась на него.

— Что значит “всё”?

Мальчик глянул на меня и кивнул в сторону окна. Там, во внутреннем дворе, да и по всей столице сейчас творилось чёрт знает что. Народ бурно праздновал, народ пил — из королевских погребов выкатили пузатые бочки — народ славил своего короля и спасителя-принца, звенел в колокола и пел похабные песенки про альбионцев.

— Ты хотела стать нужной, — задумчиво произнёс мальчик. — Хотела доказать, что

стоишь своего принца. Доказала. Что теперь?

Я машинально покосилась на изукрашенную татуировкой руку, спрятанную сейчас под плащ. Листики-цветочки-значки были великолепны, но непривычно смотрелись на моей собственной руке.

— Неправда. Я хотела, чтобы мы могли быть вместе...

И почему я обсуждаю это с десятилетним мальчишкой?

Ален глянул на меня и усмехнулся. Совсем не как десятилетний мальчишка.

— И как? Всё ещё хочешь?

Я нахмурилась. Глупый вопрос. Конечно...

Конечно?

— Я хочу знать, что с ним всё в порядке.

— Ну, это я могу тебе устроить, — улыбнулся Ален, откидывая лезущую в глаза чёлку. — Присмотрю за ним. Буду тебя навещать и рассказывать, как именно с ним всё в порядке.

— А ты сам... — начала я, и тут до меня дошло. — Навещать? Куда?

— Ты собираешься здесь остаться? — в свою очередь удивился метаморф. И, дождавшись кивка, усмехнулся. — Катрин. Серьёзно. Здесь? В этом вот... мире? Только представь! Остаться. Навсегда.

Я представила. И передёрнулась.

— Подумай, Кать, — соскочив с подоконника, посоветовал юный колдун. — Я сделаю всё, что ты захочешь. Но тебе придётся выбрать — остаёшься ты тут со своим принцем или возвращаешься и никогда его больше не увидишь.

— Зачем ты так? — шепнула я, кусая губу. Зачем отравлять победу и радость, когда...

— Потому что ты захочешь, чтобы он тебя вспомнил и сделаешь ещё больше, если не сможешь с ним остаться, — отозвался мальчик, — мне плевать на принца Эдварда. Но тебе потом будет плохо.

Я мотнула головой.

— А что ты? Что будешь делать ты?

— А я, Катрин, — с улыбкой повернулся ко мне Ален, — выполню любое твой желание. Как уже говорил. Но я бы предпочёл, чтобы ты вернулась. Я мог бы стать твоим котом... Тот мир мне больше по душе.

— Котом? — пробормотала я. — Ален, тебе же всего десять, тебе ещё столько всего предстоит узнать...

— Ты снова воспринимаешь меня как ребёнка, — покачал головой мальчик. — Я уже давно не ребёнок, Катрин. Давным-давно. Вспомни, как я забрал твою душу и не обманывайся больше.

Дверь распахнулась, и Ален, послав замершему на пороге Эдварду шутовской поклон, протиснулся мимо него в коридор, сообщив оттуда:

— Чем стоять столбом, я бы послал за лекарем. Есть у вас тут свободный? Катрин вся в крови.

Эд вздрогнул, оторвал взгляд от меня быстро отдал приказ пробежавшему мимо слуги. Потом, словно не веря, что я всё ещё здесь, зашёл, аккуратно закрыв за собой дверь.

Я криво улыбнулась, и тут же поморщилась — из лопнувшей нижней губы потекла кровь.

— Извини, я не знала, где тебя найти. И подумала, что в свои комнаты ты точно

заглянешь и вряд ли ты помнишь, какие принадлежали мне, да и я тоже не помн...

— Кто.

Я подавилась словами.

— Кто, — повторил принц, подходя ближе и медленно протягивая руку к моему лицу. — Кто это сделал?

Я слизнула кровь и подавила порыв отвернуться. Выгляжу я сейчас, пожалуй, действительно... да.

— Эрик. Альбионский принц.

Глаза Эдварда сверкнули, и я поспешила добавить:

— Но Ален его уже убил.

Эд сжал кулаки и оглянулся на дверь. Я лихорадочно соображала, что говорить дальше, когда в комнату вдруг проскользнул мальчишка-паж с подносом, встретился взглядом с принцем, впечатлился. Эд забрал у него вздрагивающий поднос и прошипел что-то приказное. Мальчишку как ветром сдуло.

— Свободных лекарей сейчас, к сожалению, нет, — преувеличенно спокойным тоном сказал принц, ставя поднос на столик рядом с моим креслом. — Поэтому придётся тебе терпеть мою помощь.

Я глянула на него исподлобья и снова облизала губы.

— Значит, потерплю.

***

— А доспехи на тебе... м-м-м... странно сидят, — не в силах больше выносить его пустой взгляд, пробормотала я.

Эдвард макнул новый платяной тампон (местный бинт) в воняющий травами раствор и снова склонился над моей левой щекой.

— Странно?

— В смысле... ну... непривычно... ай!

— Не дёргайся, — отозвался Эд, аккуратно промокая ранку.

Я покосилась на его собственную перебинтованную левую руку и стиснула зубы.

Но его взгляд рвал меня на части хлеще щиплющих примочек.

— А у него лучше, чем у тебя получилось, — выпалила я, с трудом понимая, что говорю — лишь бы говорить. — Ты только грозился меня отправить в пыточную и избить, а он...

Рука у моего левого глаза дрогнула.

— Я никогда бы тебя не тронул, — мёртвым, как и взгляд, голосом откликнулся принц.

Я знаю.

— Правда? — вскинула брови я. — Не смог бы? Ну, сейчас-то тебе, наверное, приятно — кое-кто смог.

Эдвард преувеличенно спокойно поменял примочку.

Что с тобой? Почему ты на меня так смотришь? Почему ты не радуешься, как остальные фрэснийцы — всё же закончилось. Неужели тебе действительно так не хочется меня отпускать?

— А, или просто прятать меня в замке, одевать, как куклу, красивой видеть куда приятнее, чем... вот такой?

Эдвард прикрыл глаза, но его руки продолжили мягко, нежно снимать присохшую корочку крови с моей щеки.

Я сглотнула.

Эдвард закончил с примочками и отодвинул чашу с бинтами. Прошёл к камину, налил в кубок глинтвейн и, вернувшись, осторожно вложил его мне в руку.

— Выпей, Катрин. Иначе не сможешь заснуть. Ты к боли не привычна.

Я снова покосилась на его забинтованную руку и прикусила губу.

— И не делай так, — пальцы Эдварда замерли, не коснувшись моей губы. Принц отвернулся. — Тебе нужно время... отдохнуть. Можешь спать здесь... клянусь, я тебя не потревожу, я уйду, как только...

— Прости.

Эд обернулся. Вскинул на меня взгляд — и сейчас в нём были чувства. Тщательно скрытые, но, слава богу, он больше не был мёртвым.

— Прости, — повторила я. — Глупости наговорила, — и попыталась растянуть губы в улыбке так, чтобы не потревожить ранки. — Я знаю, вы благородны и прекрасны, принц Эдвард. И...

Я люблю тебя. Я не хочу уходить.

Я не хочу тут оставаться.

Эдвард с болью глянул на меня.

— Ты разрешишь мне остаться? — тихо спросил он. — Только на эту ночь. Прошу тебя.

Я непонимающе нахмурилась. Как будто я могу выдворить тебя из твоей же спальни!

— Д-да.

Принц грустно улыбнулся.

— Спасибо.

***

Эдвард смотрел на мою руку, больше не скрытую плащом, и бормотал молитву. Или читал знаки на татуировке — понятия не имею.

— Ты чиста, как слеза, леди Катрин. Я знал...

Что ты знал? Не ты ли недавно считал меня шлюхой?

— Леди? — усмехнулась я. — С каких пор?

Он наклонился, прикасаясь сначала лбом к моим пальцам, а потом и губами.

— Святая...

— Вот только не надо, — простонала я. — Я даже не крещёная. В смысле, по-вашему.

— Но ты отмечена Богом...

— Да, блин! — не выдержала я, вырывая руку и пряча её под меховую накидку. — Я не святая, не блаженная и не какая-нибудь ещё. Я понятия не имею, как это получилось, но раз это помогло — отлично. Но хватит уже.

Эдвард встал. Принёс от камина кувшин с вином.

— Как прикажешь, леди.

— Вот только ты не подражайся служить мне верой и правдой всю жизнь, — буркнула я. — Ален уже подрядился.

Эдвард вскинул брови.

— Метаморф принёс тебе клятву верности?

— Ага, бухнулся на колени и теперь уверяет, что от меня ни на шаг. Эдвард, у вас тут идиотский мир, идиотские правила, и, чёрт возьми, я не хочу торчать тут вечно, я хочу домой, я...

Принц налил вина себе и мне.

— Ты скоро вернёшься домой. Безусловно, твой метаморф может...

Я схватила кубок.

— А-а-а, как же вы меня все задолбали!

Эд усмехнулся и тут же серьёзно произнёс:

— Ты спасла сегодня нас всех. Спасибо тебе. Скажи, Катрин, что ты хочешь за это?

Я изумлённо уставилась на него.

— В смысле?

Эдвард спокойно встретил мой взгляд.

— Наверняка есть что-то, что ты хочешь попросить, Катрин. Иначе ты бы не вернулась.

Назови, что это?

Я с трудом пробормотала:

— Я вернулась ради тебя.

Секунду Эдвард смотрел на меня. Потом фальшиво улыбнулся.

— Спасибо, что говоришь это, Катрин. Но всё же?

Я смотрела на него в ответ, не в силах сказать больше ни слова.

— Хорошо, — вздохнул Эдвард. — Скажешь мне завтра. Наверно, это что-то... чем ты не хочешь омрачить радость победы. Я понимаю.

— Эдвард, — начала я, но он перебил:

— Катрин... есть кое-что, что я хотел тебе отдать, — он потянул воротник и вытащил цепочку с кольцом, — вот. Я хочу, чтобы оно было у тебя.

Я глянула на кольцо-венюк и перевела взгляд на принца.

— Эдвард... это кольцо твоей матери. Я помню, ты считал, что я его у тебя украла. И... ты отдаёшь его... мне?

Эд вздохнул.

— Это семейная реликвия, Катрин. В роду моей матери его принято дарить невесте наследника.

Я подняла брови, и он, усмехнувшись, продолжил:

— Я сомневаюсь, что у меня когда-нибудь будет невеста. Поэтому оно твоё, Катрин.

— Эдвард...

— Я хочу, чтобы ты знала, — перебил он. — Никого. Никто, кроме тебя. Я не могу последовать за тобой туда, куда ты уйдёшь. Но я всегда буду ждать тебя. Катрин, — быстро добавил он, когда я открыла рот. — Я знаю, что ты не вернёшься. Я понимаю. Но...

Я потянулась через стол, роняя полупустой кувшин, разливая кубки. И поцеловала его — иначе это жуткое, болезненное объяснение грозило длиться вечно.

— Я не уйду. Я никуда не уйду.

Я просто не смогу. Мне плохо здесь, но я не смогу!

Эдвард обнял меня, прижимаясь лбом к моему лбу.

— Я знаю, что это ложь. Но всё равно спасибо.

— Я тебе не лг...

— Тс-с-с, — выдохнул принц, закрывая мне рот пальцем. — Не надо, Катрин. Не надо. Дай мне поверить — хотя бы на эту ночь.

Я сглотнула, пытаясь избавиться от кома в горле, когда Эд осторожно снял с цепочки кольцо-венюк и надел его на мой палец.

— Только на эту ночь — не снимай его. Пожалуйста.

Я резко кивнула.

Эдвард улыбнулся и поцеловал мои пальцы.

— Спасибо.

***

— Он всё-таки тебя уговорил.

Я вздрогнула, просыпаясь. Чуть не упала с подоконника и тут же поплотнее закуталась в накидку.

Ален глянул на дверь в спальню и со вздохом устроился на шкуре у камина. Подбросил поленья в огонь — пламя вспыхнуло ярче.

— Никто меня не уговаривал, — пробормотала я, сползая с окна и садясь рядом с мальчиком.

Ален глянул на кольцо-венчик на моём пальце и усмехнулся.

— Ну да. Наверное, он просто предано глазел на тебя полночи, пока не уснул.

— Вообще-то именно так и было, — отозвалась я.

Ален покосился на меня и хмыкнул.

— Ваша парочка — чокнутая. Катрин, я не понимаю — у тебя там дом, семья, будущее. А здесь? Он сделает тебя королевой, ты будешь рожать ему маленьких принцев и ждать потом их всех из походов. Оно тебе надо? Торчать в башне, махать платочком, улыбаться сквозь слёзы. Он же тебя счастливым не сделает, а там... там ты можешь всё!

Я придвинулась к нему ближе, обняла, прижимая к себе.

— Ален... ты всё-таки ещё очень маленький. Тебе ещё жить и жить, чтобы понять некоторые вещи. Ты, например, ничерта не знаешь, что такое любовь.

— Это когда один идиот не может понять, что делать с другим? — фыркнул Ален.

— Дурачок, — хмыкнула я, заставляя его положить голову себе на колени. — Спи. Я обещала, что позабочусь, чтобы у тебя всё было хорошо. И у тебя всё будет хорошо. Спи.

— Это у проклятого-то метаморфа, — устраиваясь поудобнее, фыркнул мальчик, закрывая глаза. — Оптимистка ты, Кать.

— Дурачок, — повторила я, поглаживая его волосы. Ален жмурился, как кот, пока не заснул.

Я тоже дико устала, но спать почему-то больше не хотелось.

Ален прав. Если я решу остаться, ничего очень уж хорошего меня здесь не ждёт. Собственно, единственный, кто меня здесь ждёт — Эдвард. Забавно, он всё-таки меня полюбил — несмотря на все зелья и сплетни. Это и есть большая и чистая, да? Как-то от неё больно.

Интересно, а эта штука на руке даёт мне хоть какие-нибудь привилегии? Надо будет спросить. Но даже если нет... А, какого чёрта! Я уже согласна и на любовницу. Просто если я оставлю Эда здесь одного — совсем одного... Короче, нет, не могу я так. Домой я ещё, конечно, попаду — надо будет что-то придумать, сказать родителям. Наплету про свадьбу за границей, исчезну. Они будут переживать, да, но они давно уже готовы к тому, что дочка уже взрослая и скоро вылетит из семейного гнезда. Другое дело, что они, как и Ален, считают меня... не очень умной. Но тут уж ничего не попишешь. Придётся придумывать для них ложь поинтереснее.

Я зевнула и вздрогнула, когда дверь в коридор открылась.

— Так и думал, что найду тебя здесь, — устало улыбнулся король-колдун, проходя и ставя на столик кувшин и кубки. Налил, подвинул один мне.

Я взяла — Ален дёрнулся, но я укрыла его своей накидкой, пробормотав: “Всё нормально, спи, малыш”.

Дерик вскинул брови.

— Этот “малыш” уже побывал на Той Стороне, Катрин, глупо закрывать на это глаза.

Я пожалала плечами, отпивая. О, арманьяк! Да душистый какой. Из дальних погребов Егс Величества?

— Это не отменяет того, что он несчастный, избитый ребёнок, с которым ужасно обращались.

Дерик усмехнулся.

— Я начинаю понимать, почему к тебе метаморфов так и тянет. Ты их жалеешь. Даже ту твою горничную. Как там её?

Я поморщилась.

— Не помню, чтобы я её жалела. К тому же, она хотела...

— Она много чего хотела, — перебил Дерик, — в том числе и посадить моего сына марионеткой на трон. А поскольку прекрасно понимала, что он не дурак и просто так на уговоры не купится, притащила тебя, чтобы им управлять.

Я изумлённо подняла на него взгляд.

— Неужели во всем вашем мире не нашлось подходящей девушки для фрэснийского принца?

— Очевидно, — пожал плечами король. — В ментальной магии метаморфы разбираются лучше некромантов. Если она создала для тебя портал, если подбросила Эдварду... Как видишь, её план сработал.

Я хихикнула.

— Забавно знать, что твои чувства были кем-то просчитаны, — поделилась я, чувствуя, что пьянею. — И как-то... это... не верю я.

Дерик усмехнулся и подлил мне ещё.

— Почему ты оставила меня в живых?

Я прислонилась к креслу, положила голову на сидение.

— Я же уже говорила... Эдвард любит вас... а я люблю... Эд... вар... да.

— Дурочка... Тебе придётся сменить веру, — ввинтился голос колдуна в мои многострадальные несчастные уши. — И дать клятвы. Мы сделаем тебя принцессой. Если ты решила остаться.

— О, — улыбнулась я, не открывая глаз. — А вы уже это... не против?

— Девица, благословлённая Святым Граалем, в моём роду? Нет, Катрин. Совершенно не против. Надо будет только позаботиться о твоей безопасности, но, думаю, твой метаморф нам поможет.

— Ага, — пробормотала я, засыпая и мысленно из последних сил желая, чтобы Эдвард меня вспомнил. Рука тут же зачесалась, но я не обратила на неё внимание.

— Может, ты не такая уж и плохая партия, — слышала я сквозь сон. — Определённо ты слишком глупа для интриг, и мой сын будет с тобой счастлив. А сейчас ты ещё и можешь принести пользу и выгодный договор со Святым Престолом.

О да. Только надо будет спросить Алена, как проверять еду и напитки на предмет яда или колдовских зелий. А то мало ли что моему свёкру в голову взбредёт — на благо Фрэсны?

***

Я проснулась от скрипа двери. Вздохнула, пытаясь выпрямиться — шея жутко болела. Надо было лечь нормально, но я заснула, как была — голова на сидении кресла, кубок с недопитым арманьяком — рядом. Шея теперь протестовала. Плечи тоже.

Эдвард стоял в дверях, глядя, как я корчусь, пытаюсь встать. Болью — тупой, ноющей болью отозвалось всё, но я мгновенно об это забыла, поймав взгляд принца.

Медленно Эд сделал шаг ко мне. Потом ещё. Протянул руку, словно проверяя, не сон ли я, не исчезну ли. И, поскольку исчезать я и не думала, быстро сгрёб в охапку и прижал к себе — крепко-крепко. Так крепко, что я задохнулась.

— Эд...

Он целовал меня — нежно, аккуратно и очень бережно, так, как раньше делал. Я могла не спрашивать, вспомнил ли он, сработало ли. Поцелуй сказал за него.

И у меня подогнулись колени, и он подхватил меня, и целовал уже не только губы, но и шею, ключицы, спускаясь к декольте. Остановился только, подхватив мою руку и обнаружив на ней красочную листи-цветочную татуировку. Долго рассматривал, словно не мог поверить, что видит её наяву. Потом отстранился. Улыбнулся многообещающе.

— Катрин?..

Я поймала его взгляд и поняла, что пора делать ноги. Вот прямо сейчас. Потому что... нет, бить меня, конечно, не будут. Но отшлёпают.

Тактическое бегство длилось ровно до двери, где я вдруг увязла в какую-то невидимую гадость, как муха в паутину.

Эдвард медленно приближался, всё так же предвкушающе улыбаясь.

— Ты напоила меня зельем забвения, моя леди?

— Ален! — дёргаясь, как всё та же муха, завопила я. — Твои штучки? Немедленно прекрати!

Эдвард вскинул брови, а мимо меня к двери метнулся худющий облезлый кот. Махнул хвостом, стрельнул хитрыми зелёными глазами. И сбежал.

— Катрин? — протянул Эд, подходя совсем уж близко.

— Э-э-э... Эдвард, ты... ну... не так...

— Не так понял, милая?

Я с энтузиазмом закивала.

— Я хотела...

— Как лучше, — закончил принц, приспуская с меня сорочку. — А получилось, как обычно. Рассказать тебе, что делают во Фрэсне с симпатичными, любимыми, глупыми леди, которые суют свой аккуратненький нос туда, где им не место?

— Это где это мне не место?

Эдвард не ответил. Мы снова целовались, и спустя секунду я уже очень хотела и дальше узнавать, что делают с любимыми леди, если они суют свой нос...

И не могу сказать, что следующие пять и даже десять минут, а то и полчаса мне не понравились.

Отнюдь...

***

— Зачем, зачем ты это сделала? Зачем, Катрин?

— Я только хотела, чтобы ты был счастлив, — утыкаясь носом ему в грудь, шептала я. — Хотела перестать тебе мешать. Я же тебе не пара, Эдвард, ты же принц, а кто я?

Он гладил мои включенные, грязные волосы.

— Глупышка, маленькая моя глупышка. Как ты не понимаешь, что мне весь мир без тебя не нужен?

— Ты хотел запереть меня...

— Я хотел тебя защитить...

В дверь осторожно постучали. Эдвард произнёс что-то резкое на фрэнсийском, не отпуская меня, и наступила тишина.

— Я люблю тебя, Котёнок, — шепнул принц, лаская дыханием моё ухо. — Я не могу без тебя. И мне действительно весь мир не нужен без тебя. Я не понимал это раньше, но мне не нужен ни титул, ни власть, ни долг, если нечего защищать. Поэтому сейчас, когда ты вернёшься к себе, я последую за тобой.

Я подняла голову, встречаясь с ним взглядом.

— А как же...

— Ни одно королевство мира не нужно мне без тебя, — очень серьёзно сказал Эдвард, глядя мою щёку. — Котёнок мой, не оставляй меня. Никогда.

Я потянулась, потёрлась щекой о его щёку.

— Не оставлю. Но в мой мир со мной ты не пойдёшь.

У него взгляд потух — моментально.

— Понимаю, — глухо произнёс Эдвард, отворачиваясь. — После того, что ты видела. Но, Катрин...

Я обхватила его лицо ладонями, поворачивая, заставляя смотреть в глаза.

— Но это я дала тебе это дурацкое зелье. Эдвард... я останусь здесь. С тобой. Твоё место здесь, а, значит, и моё тоже.

Он уставился на меня с таким изумлением, что я поспешила выставить татуированную руку.

— Вот. У меня теперь вот эта штука есть. Не знаю, что это такое, но все в восторге. Говорят, это какой-то Грааль. Понятия не имею, но я теперь не совсем бесполезна, даже твой отец признал и...

— Катрин, ты с ума сошла! — хватая меня за руку — которая без Грааля, завопил Эдвард. — Я не позволю! Ты сейчас же...

— Не смей мне приказывать! — вывернулась я. — Я уже всё подумала и решила!

— Подумала? Ты — глупая девчонка, Катрин, здесь тебе грозит...

— Плевала я, что мне здесь грозит, я не заставлю тебя выбирать между чувством и долгом!

— Я не хочу однажды проснуться и увидеть тебя с кинжалом в горле! — вторил мне Эдвард.

— Да я тебя им сейчас сама проткну! — завелась я, краем глаза замечая у него на поясе ножны. — Принц выискался! Когда ты, наконец, научишься уважать мои решения?!

— Решение с зельем я тоже должен уважать?!

— Да, не спорю, оно было неудачным. Но я исправлюсь!

Вместо ответа Эдвард кинулся ко мне, роняя на пол, толкая в сторону, закрывая всем телом. И тут же в кресло — там, где только что была моя голова — вонзился дротик.

— Видишь?! — судорожно выхватывая кинжал, воскликнул Эд.

— А-а-а, да, блин, достали! — завопила привычная (чай, не в первый раз) я. — Объясниться нормально не дают!

Где-то снаружи мне вторил взрыв и дикий вопль.

Эд метнулся к окну. И попытался оттолкнуть меня, когда я бросилась следом.

— Катрин, дурочка, опасно... что это?!

Я всё-таки свесилась вниз.

Во дворе, среди кучи щебня и досок валялся кто-то мне незнакомый — в количестве трёх штук. А, собственно, на куче, возвышался Ален, на хорошем русском матерном объясняя, что он сейчас сделает с этими кретинами и... и... и вот..!

В лучших сюжетных традициях со всех сторон к куче бежали слуги и стража. Где-то слышался голос короля-колдуна, но самого Дерика я не видела.

— А, это мой... м-м-м... котик, — пролепетала я, сжимаясь под взглядом Эдварда.

— Метаморф?!

— Ага...

— Dios mio, а я так надеялся, что эта часть была сном! — выдохнул Эд.

— Не-не-не, — затараторила я, — он совершенно безобиден...

— Я вижу, — красноречиво глядя вниз, фыркнул Эдвард. — Он... точно тебя слушается?

Я закивала.

— Он мне какую-то клятву принёс. Вот... Ален, — завопила я на русском, и мальчишка замер прямо в середине особенно красочного оборота. — Кому-то пора намылить язык! Дети в десять лет таким красноречием ещё не владеют!

Мальчишка скорчил скептическую мордочку и, заметив Эда, поклонился.

— Катрин..! — вздохнул принц, покосившись на меня. Махнул рукой. И, схватив и натягивая на ходу кот, быстро добавил. — Вечером продолжим. Отдохни немного. Я пришлю тебе слуг. И Проклятых! Пусть глаз с тебя не спускают!

Вот, все они принцы такие...

***

Ален сидел в глубокой лохани с водой по горло и, скорчившись так, что подбородок скрывался под водой, пускал пузырики.

Пришибленные и, кажется, онемевшие служанки пытались привести мои волосы в порядок и не глазеть на метаморфа.

— Знаешь, что они думают? — ехидно поинтересовался по-русски мальчишка, садясь нормально и намыливаясь. — Что мы с тобой любовники. А Эдварда дурим. Это они ещё не додумались до тройничка...

— А ну умолкни! — выплёвывая лезущую в рот прядь, пропыхтела я.

Ален широко улыбнулся.

— Однако так они все и решат, пока ты разрешаешь мне находиться рядом. Я всё-таки мужчина, Катрин...

— Ты мальчишка, к тому же глупый и вечно пытающийся сделать вид, что ты хуже, чем есть, — отозвалась я, улыбаясь особенно пугливой служанке.

— Не отсылай меня, Катрин, — сказал вдруг после паузы Ален. — Пожалуйста. С тобой я начинаю верить, что в этой жизни ещё есть что-то светлое и доброе, хотя отлично знаю, что это не так.

— Ничего ты не знаешь, дурачок... ай!

Одна из горничных, до этого смазывавшая мне скулу какой-то пахучей мазью, поскорее убрала руку. Я попыталась улыбнуться и ей тоже, но тут губа снова лопнула, так что вышел только болезненный оскал.

— Это ты, Катрин, дурочка, — отозвался Ален, снова погружаясь в воду по шею. — Только дурочки верят, что всё будет хорошо и замечательно. Но это такое приятное ощущение — вера, пусть и в иллюзию. Я просто не хочу с ним расставаться.

— Ален, ты просто ничего хорошего в жизни не видел, — вздохнула я, вставая и давая снять с меня сорочку. — Жизнь такая, какой мы её делаем. Просто никогда нельзя сдаваться.

— Блаженная, — хихикнул мальчишка, улыбнувшись. — Мне хочется тебе верить.

— Ну так поверь.

Позже, когда служанки закончили терзать мои волосы, а Ален, наконец, вылез из воды, мне пришлось долго уговаривать его лечь со мной в кровать.

— Катрин, ты с ума сошла? — шипел мальчишка, пытаясь устроиться на полу. — Это кровать принца, к тому же наследника, и если тебе он позволяет, то это не значит, что какому-то метаморфу можно...

Я убеждала, что Эдвард вовсе не такой, и вообще не как тот альбионский мерзавец, и всё будет хорошо...

Ален скептически вспоминал, как не “такой” Эдвард желал мне смерти. Но в итоге сдался.

— Учти, если что, я всё свалю на тебя, — заявил он напоследок, утыкаясь носом мне в плечо.

— Валяй, — согласилась я, привычно поглаживая его макушку.

Не веришь, что всё может быть хорошо? Я тебе покажу.

У нас с Эдвардом всё будет хорошо. Не может не быть. Теперь — не может.

Хватит с нас.

***

— То есть теперь они хотят меня убить из-за этой штучки? — хмыкнула я, разглядывая татуировку.

Сидящий напротив Эдвард кивнул.

— Катрин, эта “штучка” — наша драгоценная реликвия. Святой Престол даст за неё такой договор, о котором мы и мечтать не могли. К сожалению, нашим врагам это не по душе.

— Безбожники, — вздохнула я. — Вот почему эта реликвия меня не защищает, а? Ведь колдует же как-то? А защищать — нет...

— Именно поэтому, пока к нам не приедет посол Святого Престола, ты будешь под охраной.

— А что будет, когда он приедет? — нахмурилась я, предвкушая что-то нехорошее.

Эдвард улыбнулся и подкинул дров в камин.

— Ничего страшного. Он тебя осмотрит, особенно твою руку, признает Грааль настоящим, а дальше, Катрин, начнётся политика.

— А-а-а, — протянула я.

— Я буду с тобой, — добавил Эд. — Не бойся, одну я тебя больше не оставлю. Между прочим... ты уверена, что твоему Алену можно доверять?

— Как мне, — кивнула я. — Эдвард, пожалуйста, будь с ним помягче. Он мне помог тогда, когда другие отвернулись. Он мой друг.

Эдвард серьёзно кивнул.

— Хорошо. Хотя я бы предпочёл, чтобы у тебя были более... нормальные друзья.

— Эдвард!

— Но это невозможно, — усмехнулся принц, потянувшись ко мне и чмокнув в щёку. — Иначе ты не была бы собой. Катрин, ты твёрдо решила остаться?

Я кивнула.

— А как же твои родители?

— Придётся что-нибудь придумать, — со вздохом отозвалась я. — Кстати, Эдвард... Может, объяснишь мне тогда, как ты смог попасть в мой мир и изображать сына... кого ты там изображал? Олигарха?

— По-моему, у вас говорят “бизнесмен”, - подмигнув, поправил принц. — Это долгая история, Катрин.

Я разлила по кубкам стоящий рядом кувшин разбавленного вина и протянула один Эду.

— Ничего, я уже выпалась.

— Зато я нет, — зевнув, улыбнулся принц. — Хорошо, если вкратце... Только метаморфы могут путешествовать между мирами. Ха, да только метаморфы о мирах знают. Кстати, ты знаешь, что нами раньше правили именно метаморфы?

Я удивлённо уставилась на него.

— Серьёзно? А как же богомерзкие создания из преисподней?

— Ну, Катрин, они же не верили в нашего бога, — усмехнулся Эдвард. — Они верили в идолов и им поклонялись. За это Господь наказал их, свергнув с престолов. Их слуги — менее могущественные волшебники — поддержали в одной из воин людей Защитника... это давняя история, Катрин, тебе неплохо было бы её прочитать. Если ты, конечно, собираешься остаться.

— У-у-у, ещё и здесь учиться, — надула губки я. — А этот Защитник, значит, потом сделался королём?

— Нет, — вздохнул Эд и вытащил из-под ворота шнурок с крестом. — Вот. Он принял муки за все людские грехи. Его распяли метаморфы, когда он согласился пожертвовать собой во благо остальных.

— И его жертва, конечно, не была напрасной, — пробормотала я.

— Катрин, — Эдвард наклонился, поймал мой взгляд. — Тебе придётся всё это выучить. Прежде чем крестить тебя, ты должна будешь сдать... м-м-м... экзамен...

— Обалдеть, на что я подвязалась...

— ...и в совершенстве овладеть святым языком.

— Это который латынь? Да я фрэнсийским в совершенстве не владею, куда уж мне, — буркнула я. — Эдвард, смотри, на какие жертвы я иду!

— Ну я же того стою, — подмигнул мне принц, подаваясь вперёд и ловя мои губы.

Минуту нам было не до разговоров. Жаль, что только минуту.

— Так что там с бизнесменом?

Эдвард вздохнул.

— Как я уже говорил, метаморфы — самые могущественные колдуны и только они могут создать портал в другой мир. Когда Джоан пропала, отец искал именно метаморфа...

— То есть он знал о моём мире? — перебила я, вспомнив, как сам Эдвард мне не верил, стоило рассказать ему о Москве.

Эд кивнул.

— Читал. Но не очень верил, пока среди колдунов де Лашете не обнаружился метаморф. Тогда он вспомнил тебя и мои рассказы. А когда ещё и Джоан исчезла... В общем, он нашёл метаморфа. Уже прошедшего обряд подчинения и умирающего. Но силы этого... существа хватило на портал. И на то, чтобы обеспечить мне статус, с которым искать альбионскую принцессу стало сподручней.

— Статус? — нахмурилась я.

Эд кивнул.

— Мы подозревали, что она где-то в твоей стране, Катрин, туда метаморф де Лашете открывала порталы. Но твоя страна очень большая. Где именно искать беспомощную принцессу, не знающую языка? Одному лорду... да, у вас это называется “бизнесмен” — как раз была нужна помощь. Не буду говорить, какого рода, но мой отец ему помог, а заодно заключил с ним сделку. Часть казны того лорда... активов... была переписана на моё имя, а я превратился в его младшего сына — для простоты... э-э-э... ведения бизнеса? Консри... конти...

— Конспирации? — подсказала я. — Ладно, дальше я более-менее представляю. Альбионскую невесту наверняка искал твой новоиспечённый папаша, а ты учился выдавать себя за молодого богатенького француза. Зачем, кстати?

— Потому что портал с Джоан с большой вероятностью должен был открыться там, где метаморф открывала его раньше. В твоём городе. И около твоего университета, — отозвался Эдвард. — Но никто не знал точно, где, поэтому искали её по всему миру... он у вас значительно больше нашего, это ужасно неудобно. Но раз уж получилось, что мы прибыли раньше, чем даже исчезла ты...

— Почему? — перебила я. — Как так получилось, что ты был у нас, а я тебя ещё не знала?

Эдвард снова вздохнул и пожал плечами.

— А вот это то, что, кажется, знают только метаморфы. Время. Можешь спросить своего Алена. Наш метаморф не мог говорить. Отец из книг понял лишь, что время угадать сложно, поэтому приказал нашему колдуну перенести меня до того, как в твоём мире появится Джоан. Сначала мы хотели её перехватить... Просто мы даже не представляли ваши расстояния. Я до сих пор не понимаю, как вы там живёте. И мне кажется, магии у вас больше, чем вы подозреваете.

Я закивала. Ну, да, конечно, самолёт — наверняка могущественная магия.

— Ясно... Но как ты умудрился так быстро освоиться? Сколько времени у тебя было? Всего несколько месяцев! Язык, культура...

— Выучил, Катрин, — улыбнулся Эд. — Это было безумно тяжело, не хочу вспоминать. Ваш мир на самом деле страшный. Когда мы поняли, что Джоан уже переместили, и мы до сих пор не знаем, куда, я... — он осёкся, глянув на меня.

Я усмехнулась.

— Забавно. То есть без неё мы бы не встретились? Ещё раз. А, может, и вообще.

— Встретились бы, Катрин, — сказал Эдвард, целуя мою ладонь. — Обязательно. Я бы ждал тебя, наверное, вечно.

А вот я бы тебя совершенно точно нет...

Я вспомнила, как переживала — века назад как будто — из-за какого-то очкарика на машине, обозвавшего меня блондинкой. И не выдержала, рассмеялась.

Эд вскинул брови, глядя на меня, но спрашивать не стал.

— А твой отец? — вспомнила я. — Ты как-то упоминал, что он... м-м-м... плохо себя чувствовал после моего отъезда в милый домик в горах.

— ...о котором ты ещё расскажешь мне поподробней, — кивнул Эд. — Помню. Я винил тебя. Отец говорит, виноваты альбионцы. Яд.

Он замолчал, задумчиво глядя в огонь. Я, в свою очередь, смотрела на него, но очень скоро не выдержала.

— Эдвард... это, конечно, не моё дело... но твой отец дал мне зелье... как там его? Предложил подмешать тебе... Это нормально?

Эд вздохнул.

— Знаешь, Катрин, — сказал он, глядя меня по волосам. — Он никогда не сможет тебя принять. Я знаю. Он может разыграть любого человека как пешку на шахматной доске. Он даже меня разыгрывал. Но это всё равно не отменяет, что он хороший правитель, и я его уважаю. Но жить вместе мы не будем.

— То есть? — вскинулась я.

— Мы скоро уедем, Катрин, — улыбнулся принц. — Далек от него. Туда, где ты не будешь ничьей пешкой.

— Это на Изумрудные острова, что ли? — хмыкнула я, снова ложась и глядя на огонь. — А что? Я не против.

Эдвард только улыбнулся и больше ничего не сказал. Но ещё долго, поднимая взгляд, я видела, как он пристально смотрит на огонь, и явно видит не золотистые пляшущие языки.

Наверное, это ещё одна вещь, к которой мне придётся привыкнуть — политика и интриги. Да что там “наверное”! Точно. И научиться в них разбираться. Иначе тут просто не выжить.

***

Я наивно ждала, что святопрестольский (кстати, что ещё за Святой Престол?) посол явится один. Ну, или с телохранителями.

Щас!

Святопрестолец оказался клириком. Этаким бодренький старичок в симпатичной, украшенной рубинами и жемчугами... м-м-м... рясе? Или как там его одежда называлась? Наверняка ж в доску ритуальная.

Да, и сопровождал его целый кортеж. Насколько я поняла из объяснений Эдварда, Святой Престол — это что-то вроде десятка королевств, объединённых Церковью. Все их короли — вассалы Церкви, герцоги, графы — тоже. Ну и так далее. Там дальше сложно всё с их социальной пирамидой, но к делу это не очень относится. Главное: к нам притащились чуть ли не все эти короли со свитой.

Зачем? На меня смотреть. Точнее, на мою руку.

Король-некромант закатил для всех этих... в коронах и рясах грандиозный приём. Много пафоса, церемоний, часового стояния на ногах. Звонили колокола — радостно. Народ высыпал на улицы и окружил королевский приёмный зал — вроде павильона, крытый отросток дворца, где вся эта компания принималась.

Где-то в это же время ударили морозы — злые и трескучие. На меня, чтобы не замёрзла, надели аж три меховые накидки и около четырёх платьев — такая вот пампушечка получилась. И у всего наряда не было одного рукава, чтобы показать всем татуировку. В итоге к концу приёма моя бедная несчастная рука замёрзла так, что я и не ощутила почти, как этот, в рясе — главный святопрестолец — её щупал.

Эдвард, как и обещал, всё время был рядом. Сидел рядом с тронном отца на креслице. А я стояла — на ступеньку ниже. Ибо плебейка и не имею права садиться на церемониях при королях.

В общем, когда всё закончилось, я бормотала посиневшими губами ругательства и готова была жизнь отдать за глоток глинтвейна.

— Ну как? — вскинулся Ален, когда щебечущие служанки втащили меня в жарко

натопленную спальню и принялись разворачивать из слоёв одежды. — Признали? Как всё прошло?

— Я... ды-ды-ды... н-н-не з-з-зна-а-а-аю, — выпалила я, стуча зубами.

Мальчишка вздохнул и, шикнув на служанок, сам укутал меня в чью-то шкуру (тёплую!), усадил перед камином и (о чудо!) подал глинтвейн.

— Но что делали-то хоть? — так и не дождавшись от меня внятного ответа, уточнил Ален.

— Г-г-говорили... шупали...

Мальчишка фыркнул.

— Ну а ты что делала?

— С-с-стоял-л-ла... Мёрзла!

— Ясно с тобой всё, — вздохнул Ален и, оставив меня в покое, принялся ждать Эдварда с новостями.

Мы все решили — и Ален согласился — что пока святопрестольцы гостят у нас, лучше будет, если Ален глаза им мозолить не станет. Клирики — непримиримые враги метаморфов, и, я подозреваю, именно они пустили байку про “порожденья тьмы и преисподней”.

Эд пришёл поздно — довольный, прямо-таки лучащийся улыбкой.

— Подписали? — тут же спросила к тому времени согревшаяся (и тоже почти довольная) я.

Ален — как и обычно при Эдварде — забился в самый далёкий и тёмный угол и помалкивал. То ли так не доверял, то ли помнил, как его водили за цепочку...

— Нет ещё, — огорошил меня Эд. — Катрин, такие договоры быстро не подписываются. Они пробудут у нас до Жирного Вторника. А пока завтра пир. Ты ещё помнишь, как надо танцевать?

Я поморщилась. Пир — опять нажр... эхм, напьются, как... хм... (Но правда — большинство — здесь так и делает. Включая короля). А потом будут совать масляные ручки и щипаться.

— Не бойся, Катрин, — улыбнулся Эдвард, точно прочитав мои мысли. — Я за тобой присмотрю.

— Угу, — хмыкнула я.

— Но Святой Престол на тебя теперь молиться готов, — мечтательно вздохнул Эд. — Молодец.

— А что я? Я ничего, — отозвалась я. — Оно само.

Ален со своего угла кинул на меня красноречивый взгляд, точно намекая, что он-то видел, как “оно само”. Но как обычно промолчал.

Забегая вперёд: Святой Престол на меня не просто молился — на руках носил. Кстати, были у некоторых там предложения руку мне отрубить и на бархатную подушечку возложить. Всё лучше, чем сажать туда здоровенную девицу вроде меня. Слава богу, их Папа оказался не настолько того... Правда, спорили ещё — как раз тогда, во Фрэсне — что будет, когда я перестану быть девственницей. Ну, после нашей с Эдом свадьбы. Но решили, что на Грааль это повлиять не должно (кошмар, а, и как им в голову пришло?). Потом (уже сильно потом) мне пришлось этот их Святой Престол посетить, проехаться по всем королевствам в сопровождении клириков, отстоять на видном месте в храмах кучу церемоний и служб, где к моей руке прикладывались толпы средневековых, немых... Зато после моя рука (и я) были

признаны святыми и нас очень уважали и боялись тронуть (ибо все тут боятся идти против Церкви). Ну, почти все (потому что эта татуировка так и не научилась отводить от меня арбалетные болты).

Но это потом. А пока Эдвард играл на флейте, сидя у камина, а я слушала, лёжа на полу, на шкуре, подперев щёку кулачком. А Алэн, всё-таки выбравшийся из тени, закутанный в мои накидки, сидел на подоконнике и смотрел на падающий снаружи снег.

И нам было хорошо и спокойно.

По крайней мере, мне.

***

Пир проходил именно так, как я и представляла. Душно, сено под ногами вперемешку с костями, на мне — богатое прямо-таки сверх меры (Эдвард же выбирал) блио, уложенные в сеточку-косичку волосы (теперь мне их каждый вечер смазывали чем-то травяным, чтобы росли быстрее), драгоценности, которые с непривычки-то и не поднимешь. Я, конечно же, с непривычки. Потому, когда дело дошло до танца, я поняла, что лежащий на столе свин пошёл мне явно не в тот желудок.

Эдвард как назло двигался спокойно и легко, как будто не выпивал только что с каким-то королём, горячо споря о чём-то на незнакомом языке.

Танцевали мы одни, остальные смотрели. Поэтому, когда я в третий раз споткнулась на пустом месте, Эдвард тихо спросил: “Катрин, всё хорошо? Мы можем уйти”. Ага, когда все эти в коронах глазают.

Я пропыхтела что-то успокаивающее и неуклюже споткнулась в четвёртый раз — но теперь уже с размахом, налетев на кого-то из рыцарей охраны, подняв ворох соломы, и толкнув лютниста.

В общем, желание провалиться сквозь землю, а точнее оказаться как можно дальше отсюда, было понятно.

Эдвард меня подхватить не успел. Так, заваливаясь на пол и уже представляя, как вся эта коронованная толпа начнёт надо мной гоготать, я закрыла глаза...

...а открыла, скатившись с дивана в моей квартире.

Честно — секунду я просто радовалась. Тихо, пусто, темно, никто меня не видит настоящее счастье.

Потом до меня дошло, и я вскочила (ощущая себя так, будто лично умяла свина с яблоком, предшественника свина-со-стола).

Начинается...

Я бестолково заметалась по комнате, представляя себе всевозможные ужасы — Эдвард там, незнакомый метаморф (конечно, враг), меня перенёсший — тоже там. Я тут, а, может, я тут и не одна. А если... А вдруг... О, боже, а что если...

Потом — случайно кивнула взгляд — до меня дошло, почему в комнате темно, а я всё вижу. Моя рука с татуировкой светилась. Ярко.

Я пялилась на неё, пока не услышала взволнованное:

— Катрин?!

Алэн, тяжело дыша, схватил меня за плечи.

— Ты в порядке? Что происходит? Ты... — и, тоже уставившись на мою руку, замер. — С ума сойти...

Ага...

***

— То есть я теперь могу переноситься из мира в мир аки метаморф. То есть ты.

— Ну, — задумался Алэн, выпивая уже вторую кружку чая. — А ты что сейчас чувствуешь?

Я прислушалась к себе.

— Ничего.

— Значит, лучше, чем метаморф. Я вот смертельно устал — от одного портала. Так, Катрин... А ты можешь отправить меня обратно?

— Э-э-э...

— Потому что кто-то должен сообщить твоему принцу, что с тобой всё в порядке. Когда я узнал, что ты исчезла, он грозился стереть с лица земли и Святой Престол, и, если надо, ещё что-нибудь — пока ему тебя не вернут.

— О... — только и смогла сказать я.

— Так что попробуйся, — подытожил Алэн. — Но сначала напиши ему что-нибудь. Ну, что ты в порядке и всё такое. А то он и меня сотрёт. Он требовал, чтобы я его к тебе перенёс, но меня на двоих человек не хватило — мне же ещё пришлось тебя искать, кто ж знал, куда ты отправилась.

Я молча порылась в лежащей рядом на стуле сумке, не нашла ничего лучше “Космополитена”, выдрала оттуда лист с фотороботом Эда и накарябала на нём пару слов “жива-здорова-не трогай Алэна-останусь ненадолго-буду объясняться с родителями”.

Мальчишка хмыкнул, взял свёрнутый лист покрепче и предупредил:

— Только ты почётче желай, чтоб меня невесть куда не зане...

Исчез он раньше, чем договорил.

Моя рука снова светилась, так что, надеюсь, невесть куда его не занесло.

Но, чёрт возьми, я вообще не понимаю логики этой магии!

***

Я осталась у себя дожидаться родителей. За Эдварда и Алэна можно было больше не волноваться — Эду я о том, что задержусь, написала (всё равно Алэна бы потом просила, чтобы отправил). А вот исключение из университета, которое я навоображала, пришлось временно отсрочить. Не знаю, что делать со временем, как научиться попадать точно, куда я хочу — но я научусь. Тогда, если я просто уйду от родителей... хм... жить к незнакомому им парню, они побурчат, но поймут. Я же современная девушка и уже взрослая. А вот если я ещё и из университета уйду... Мама тогда найдёт меня даже во Фрэсне, и ей будет всё равно, что я там будущая королева.

Так что я кое-как готовилась к сессии, навёрстывая упущенное. А заодно и приходила в порядок.

В Москве всю зиму царил снег, и мы предсказуемо задохнулись от жары на занятиях — когда бы наш универ разжился кондиционерами... Таня — как обычно — пыталась затащить меня на вечеринки к друзьям друзей друзей. Не понимаю, как у неё получается с таким образом жизни учиться лучше меня? Я как раз в последние недели семестра (в попытке подсластить родителям пилюлю) решила сдать сессию без троек. Очуметь! О стольких несданных контрольных и зачётах мне никто ничего не говорил! А уж сколько учить пришлось... Одна поблажка — история языка теперь шла на ура. На уровне инстинкта, как говорила преподавательница, потому что правил я как не знала, так и не знала, но читала и говорила лучше неё (ха, с моей-то практикой). Однако на теор. фонетике и теор. грамматике мне это несколько жизнь не облегчило.

— Но надо признать, ты наконец-то взялась за ум, Катерина, — надменно сказали мне в деканате, где я клянчила очередную передачу зачёта. — Что, родители наконец-то тебе объяснили...

Я не стала дожидаться продолжения, чего мне там объяснили родители. Девушки из деканата и так тарасились на мой живот пристальной, чем хотелось бы — наверняка после моего ухода начнут делать ставки, когда я приду за академом. Очевидно на их практике такие блондинки, как я, берутся за ум только в одном случае...

Я перебила и, извинившись, поинтересовалась, а можно мне записаться на какие-нибудь кружки-лекции-курсы по экономике и всемирной истории, а ещё по международным отношениям и политологии. И если можно, сколько это будет стоить.

В деканате наступила долгая тишина. Потом куратор осторожно поинтересовалась, не решила ли я сменить будущую профессию, и знают ли родители. Я ответила, что от профессии я в восторге (ну нафиг менять факультет, когда проучилась целых два семестра? Да и на что?), но просто так, для общего развития ощущаю нестерпимое желание позаниматься экономикой и политологией. Вот вдруг возникла у меня такая потребность.

Подозреваю, хихикало над моей “потребностью” потом полдеканата, а остальная половина вертела пальцем у виска, но мне не только дали разрешение на все передачи, но и рассказали, как совместить расписание с экономическими курсами.

А что мне остаётся делать? Придётся хоть немного подтянуться в “общем развитии”, а то эти фрэнсийские интриганы меня, как дуру, вокруг пальца обведут, а Эдварду придётся меня выручать. В перспективе. Ну, и чтобы совсем дурочкой с будущим фрэнсийским королём не быть. А то любовь любовью, а политика — она такая...

Но я погибну от этих книжек, точно!

Экзамены пролетели за подготовкой и бессонными ночами. Немного отдохнуть удалось перед историей языка, по ней у меня чуть не автомат выходил — преподавательница всё восклицала про чудо, впервые на её практике, и так далее. Да пусть говорит, что хочет, но поставит мне уже “отл.”. После того, как надо мной глумились на теории грамматики, я это просто заслужила!

Традиционно отмечать закрытие сессии собирались в “Кофе-хаусе”. Ну вот, конец июня, лето, зелень, духота, вываливаемся мы из дверей альма матер. Половина группы бурно радуется, половина материт преподшу. Танька кричит мне на ухо, что “Воа! Мы круты, мы сдали без троек!”.

А я замечаю в переулке за оградой белую Ломбарджини, из бокового опущенного стекла которой на меня глядит до боли знакомая кошачья морда.

***

Эдвард в белом классическом костюме (жутко дорогом даже на вид) подошёл к нашей притихшей группе и снял солнцезащитные очки в пол-лица.

— Bonjour, — улыбнулся, демонстрируя чистейшую фонетику носителя языка.

Дождавшись эффекта (в виде выпученных глаз и открытых ртов сокурсниц), взял меня за руку и, грациозно поклонившись, поцеловал пальцы.

У стоящей рядом Тани с шумом упала на дорогу сумочка. Но этого, похоже, никто не заметил.

— Здравствуй, мой сбежавший Котёнок, — проворковал Эд по-французски, ловя мой взгляд. — Поехали домой?

Я сглотнула — ничего хорошего лично для меня его взгляд не сулил.

— Эд-д-д...

Он подался вперёд, прислонив руку в перчатке к моим губам.

— Тише, моя королева... Ты же не думала, что запиской “я вернусь” ты отделаешься?

И, подхватив меня на руки, понёс к машине.

— Эдвард, — окаменев, зашипела я. — Ты понимаешь, что это видео через пару минут будет на Ютубе?

— Ну и что? — философски отозвался принц. — Скандал в вашей прессе, если он появится, быстро замнут. Мой “отец” не любит лишнего шума вокруг младшего “сына”.

— Скандал?! — выпалила я. — Ты понимаешь, что следующий раз, когда я приду в университет, меня же...

— Тише, Котёнок, — улыбнулся Эд. — Иначе я тебя поцелую. Долго и страстно. Прямо здесь.

— Не смей!

Эдвард усмехнулся и сгрузил меня в послушно распахнувшуюся переднюю дверь.

— Веди себя хорошо, Котёнок, — подмигнул он, не обращая внимания на очень громкий шёпот стоящих неподалёку девчонок.

— Бли-и-ин, ну за что? — выдохнула я. — Ален, ну а ты-то, предатель..!

Кот фыркнул и громко захрустел чем-то на заднем сидении.

Я оглянулась: букет. Громадный дорожный букет.

— Эдвард, что это? — тыча пальцем в цветы, поинтересовалась я, когда он сел рядом и завёл машину.

— А это, Катрин, не тебе, — огорошил меня принц.

— То есть? — промычала я. — А... И куда мы едем?

— К тебе домой, Котёнок, — усмехнулся Эд.

— За... зачем?

Принц повернулся ко мне и подмигнул.

— Знакомиться с твоей матерью. Я уточнял, она только что прилетела из командировки.

— Что?!

***

— Катерина, — выглянула мама, когда я трясущимися руками открыла дверь и заскочила в прихожую первой. — Ну как ты тут без нас? Как твоя сессия? И пока будешь рассказывать, потрудись объяснить, что делает мужская одежда в твоей комнате.

Я выругалась про себя. Чёрт, я так заучилась, что оставила уборку квартиры на потом. И вот “потом” наступило. “Мужская одежда” — конечно же та, что я покупала Эдварду, когда он был здесь в последний раз — во многом по моей вине и без воспоминаний о “папе”-бизнесмене. Так что мне оставалось делать?

Убраться пораньше и всё хорошенько спрятать.

— А заодно, — тёк мёдом мамин голос, — расскажи, куда делась наша заначка на отпуск.

Бли-и-ин...

— Э-э-э... Н-н-ну... — проблеяла я, подаваясь назад к двери.

— Катерина, — ласково позвала мама, наступая. — Ты же обещала... Кто это?

На этом месте у меня совершенно по-настоящему отнялся голос.

Ха, а я думала стоять перед плахой — самое страшное событие в моей жизни. Беру свои

слова обратно. Стоять перед мамой и лопотать: “Ну я тут...э-э-э... хочу тебя кое с кем познакомить” оказалось намного страшнее.

Мама отступила, когда Эдвард, наконец, отодвинув меня и закрыв дверь, с поклоном, достойным истинного принца вручил ей цветы и заявил по-французски что-то вроде: “Позвольте мне просить руки вашей дочери”.

— Катя, — замогильным шёпотом выдохнула мама. — Кто это?

Эдвард снова поклонился и поцеловал ей пальцы — тоже в лучших фрэнсийских традициях.

А я, потихоньку отступая к двери, булькнула:

— Это мой жених...

Мама закатила глаза и принялась сползать по стеночке.

Мы с Эдом бросились к ней наперегонки.

— Вот! Видишь, что ты наделал! — выпалила я на фрэнсийском, подхватывая маму за плечо.

Эдвард удивлённо моргнул, но быстро взял себя в руки.

— Всё нормально, Котёнок, сейчас всё будет хорошо.

Да, у Эдварда был куда больший опыт общения с женщинами — в разных состояниях. Так что дальше пошёл хорошо отрепетированный на многих графинях и баронессах спектакль, в котором я играла роль зрителя, трясущимся голосом переводящего обоим главным героям их реплики.

Потому что когда мама пришла в себя, тут такое началось...

Эдварду устроили допрос с пристрастием, по сравнению с которым похожие сцены в фильмах про разведчиках могут только тихо завидовать. Кто, как, где познакомились, какие планы на будущее, спали мы уже (я поперхнулась) и да, не залетела ли я... и так далее в том же духе.

Мамина злость держалась ровно полчаса, уступив обаянию Эда, а уже через два часа мама сообщила, что я такого прекрасного юноши не достойна, а потому ни о какой свадьбе речь не идёт.

Я робко пролепетала, что вообще-то решать не ей... А Эдвард принялся объяснять, какое небо в алмазах ожидает меня во Франции в его загородном поместье в Ницце. Я аж заслушалась. Вот бы это было правдой...

Дело решилось, когда вернулся папа, послушал маму, посмотрел на Эда и непререкаемым тоном отправил меня в мою комнату.

— Ну как? — усмехнулся Алэн, развалившись на кровати.

Я всхлипнула и сползла по стеночке.

— Это они ещё твою татуировку не заметили, — усмехнулся мальчишка. — Кстати, ночью мы улетаем официально регистрировать ваш брак. А потом пару дней этого... как он у вас... а, медового месяца. А потом ты возвращаешься, Катрин.

Я покосилась на него и снова всхлипнула:

— Я не хочу!

Мальчишка хмыкнул.

— А как ты думала — выйти замуж за принца.

***

— Ты правда считаешь, что оставить их вот так, было хорошей идеей?

Эдвард звонко щёлкнул ремнём безопасности и откинулся в кресле, закрыв глаза.

— Котёнок, они же твои родители и должны понимать, что если отдадут тебя замуж...

— А они отдадут меня замуж? — перебила я. — Или я от них убегаю?

Самолёт — маленький, удобный, персональный самолёт неизвестного мне французского бизнесмена, — разогнавшись, поднялся в воздух. У меня легонько заложило уши и вжало в кресло, но это было привычно. А вот Эдвард побледнел. И пробормотал, искоса глянув на меня:

— Катрин, это же был твой выбор. Ты правда думала, что, имея возможность, я не познакомлюсь с твоими родителями? Украду тебя, как вор, как...

Я погладила его руку.

— Нет, но не стоило всё так на них вываливать.

Эд глянул на меня и улыбнулся.

— Не беспокойся, Котёнок. Они наверняка всё понимают.

Понимают! В сознании фрэнснийского принца точно не укладывалось, почему я вообще возмущаюсь. В его мире знатных леди выдавали замуж молодыми — моложе меня — а, отдав мужу, преспокойно о них забывали. Эдвард наверняка ждал от моих родителей того же.

А вот мне пришлось выпить сию чашу сполна. Успокаивать маму, объяснять папе, почему Эд ничерта не знает английский (но он же француз, а французы все так трепетно любят свой язык... как-то так плюс прочая ложь). Объяснять, что никакой торжественной свадьбы у нас не намечается, что мы просто распишемся (знать бы, где), что я буду по-прежнему их навещать и вообще жить в Москве, пока университет не закончу, что я хорошо всё обдумала и решила. Всё это прошло мимо Эдварда и всё это он наверняка не смог бы осознать.

— Как ты можешь так спокойно... на это смотреть? — тихо спросил Эд, видя, как я гляжу в иллюминатор на удаляющуюся землю.

Я подняла голову.

— А что такое?

Эд вздрогнул и промолчал.

Да, но есть вещи, которые не понять мне.

— Всё нормально, привыкла же, — улыбнулась я, по-свойски потянувшись к кнопке и вызывая стюардессу. — Думаю, нам надо выпить шампанское. Всегда мечтала выпить на борту шампанское. Особенно на борту личного самолёта. Вы просто исполняете мои мечты, Ваше Высочество!

Эд улыбнулся через силу, с опаской косясь на иллюминатор, пока я его не закрыла.

Но я видела, насколько принцу не по себе.

— Всё будет хорошо, — чокаясь фужером, улыбнулась я. — Ты же со мной.

Сидящий в кресле подальше от нас Ален оторвался от какой-то детской игрушки, которую принесла ему при взлёте бортпроводница, и громко прошептал по-русски:

— И-ди-о-ты.

Я предпочла не обратить на него внимания, а задумавшийся о чём-то Эдвард вряд ли услышал.

Следующие три дня были фееричны. Мой телефон разрывался — трезвонила Таня, другие одноклассницы, старые подруги, конечно, мама с папой. В итоге Эдвард выкинул мой смартфон в море, а, когда я возмутилась, вытащил айфон — с новой сим-картой, и последней модели. Я махнула рукой — сидя в шезлонге на пляже вообще возмущаться

сложно.

С “отцом” Эда знакомиться не пришлось — он прислал нам цветы и кредитку, на этом его вклад в женитьбу “сына” закончился. И слава богу.

Я так и не поняла, где мы расписывались, но репортёров там не было (зато была охрана, много). Никакого платья, букета невесты и прочей мишуры, о которой я мечтала. Меня выгрузили из самолёта, загрузили в автомобиль с тонированными окнами и куда-то отвезли. Там мы с Эдом одели друг другу кольца, сообщили по-английски усатому дяденьке, как мы согласны жить долго и счастливо, поцеловались — и всё.

— О, у тебя ещё будет свадьба, — ухмыльнулся Эдвард, когда — уже в коттедже на берегу моря — я пожаловалась, что всё не так, как хотела. — Большая и очень пышная. Это, — он повертел кольцо на безымянном пальце и подмигнул, — лишь для твоего мира и тебя. Настоящая свадьба происходит в церкви...

Я не дослушала и вышла на балкон — посмотреть на морской закат.

Церкви... Пир по-фрэнсийски, платье без рукава, народ плячется на мою татуировку... Которую мама, кстати, заметила. Но в суматохе как следует оценить не успела. Зато оценили в универе. “Клёвая татушка, зачётная татушка...”, - осточертели до ужаса. И, думаю, именно из-за этой татушки у меня были проблемы с жутко консервативной преподшей фонетики...

Ладно, всё это мелочи. Зато как было классно отдыхать на собственной вилле, с собственным пляжем, с незаметными слугами и делать, что хочешь!

А ещё Эдвард, оказывается, впервые видел тёплое море, по которому можно бегать с полкилометра от берега и будет всё равно по колено, а ещё — бунгало, бассейн и шезлонги. И как забавно было наблюдать его взгляд, следящий за мной в купальнике...

Вот только брачной ночи у меня тоже пока не случилось, ибо “только после свадьбы”. Зато я с полным чувством безнаказанности могла лупить Эда подушками, топить в бассейне и валяться в позе морской звезды на песочке с фрэнсийским принцем, лежащим рядом, с восторгом глядящим на синее безоблачное небо.

Алена, закрывшегося было в одной из комнат, я быстренько извлекла на свет. Выяснила, что воды он боится, плавать не умеет... Ничего, за мячом “на слабо” в бассейн нырять без проблем. Знать надо, как малышню на подвиги раскручивать, во-о-от...

В общем, прекрасное было время. Правда, в основном, для меня — но чуть-чуть позволить себе быть эгоисткой можно же?

Зато потом пришлось возвращаться во Фрэнсу, разучивать латынь, повторять молитвы, готовиться к настоящей свадьбе, принимать крещение и учиться ездить на лошади. Тут Ален проводил со мной куда больше времени — но, как я заметила, людей он вообще не любил и не доверял. Никому, предпочитая при малейшей опасности либо сыпать заклинаниями, либо забиваться в тёмный дальний уголок. Я скромно надеялась, что он всё-таки ещё освоится, но, похоже, не скоро.

А спустя неделю, Эдвард преподнёс мне предсвадебный сюрприз.

***

Впрочем, не только мне. И кое для кого он не был приятным...

— Не может быть! — выдохнул герцог (или уже король?) Руи, когда мы ввалились в его спальню. Точнее, сначала Проклятые ввалились, а потом уже мы с Эдвардом (да-да, меня уговаривали спокойненько посидеть в карете. Щас! Я хотела это видеть). — Как... Это невозможно!

Примерно то же повторяла до этого леди Адриана, схваченная Проклятыми. Ален стоял

неподалёку и очень красноречиво на колдунью смотрел. Я запретила ему убивать — думаю, только это престарелую леди и спасло.

Убедившись, что мы настоящие — а особенно настоящими являются Проклятые, заламывающие Руи руки — азвонец обратил весь гнев на меня, шипя:

— Надо была сразу тебя придушить, маленькая дрянь, если бы я раньше знал!

И всё в том же духе, пока ему не заткнули рот и не утащили в темницу.

Потом его леди-мать ползала передо мной на коленях, умоляя пощадить её непутёвого сына, а Эдвард, сидящий в кресле неподалёку, спокойно смотрел и пресекал все мои попытки убраться отсюда к чёртовой матери.

— Терпи, Катрин, — сказал он после. — Тебе придётся привыкнуть.

Мда. Местные порядочки. Непутёвого лорда де Сиету отправили в укромное поместье подальше от столицы. Только разжалованный герцог до него не доехал — отравился в придорожном трактире. Какая незадача.

Его мать, оставшаяся при дворе, носила траур, а посол Святого Престола объяснял рассерженному Эдварду, что... хм... враги Святого Престола долго не живут. А зачем выше упомянутый герцог Руи в бытность свою узурпатором отравил азвонского епископа? Это он зря...

— Ну, Катрин, а ты как думала? — сказал мне потом Ален, сидя у меня в спальне и попивая молоко с мёдом (вино я ему давать запретила, за что мальчик на меня смертельно обиделся и целый день не разговаривал. Именно столько потребовалось ему, чтобы стащить ключ от королевского погреба). — Между прочим, тебе ли его жалеть. Он хотел заколдовать твоего Эдварда так, чтобы тот сначала убил тебя, а потом — себя, от страха содеянного.

— Что? — вскинулась я. — Когда?!

— Когда Эдвард ехал за тобой сюда, а ты его ждала. Помнишь, лорд де Сиета проколол тебе палец, и ты потом болела пару дней?

Я смутно помнила. Да, котёнок Бес лизал мою руку шершавым язычком и горящий на ней знак исчезал...

— Ты... ты тогда меня... вылечил?

Ален улыбнулся.

— Я решил отдать долг за то, что ты меня спасла и вылечила. Не люблю быть должным.

Я обняла его, шепча в вихрастую макушку:

— Ты никому ничего не должен, глупый.

Ален только улыбался, попивая молоко.

При азвонском дворе мальчишке нравилось. Здесь Эдвард не зависел от отца, распорядился всем сам и немало удивил метаморфа, предложив ему стать главой авзонской гильдии магов. Тем самым Эд убивал сразу двух зайцев — приструнил колдунов и мог надеяться на их лояльность ибо интриговать под носом подозрительного и ненавидящего всех и вся метаморфа крайне сложно. Но Ален, услышав предложение, обомлел и только и смог что прошептать: “Вы шутите, Ваше Высочество?”.

Эдвард усмехнулся и покачал головой.

— Катрин тебе доверяет. Значит, верю и я.

А вот Ален потом ещё дня три поверить не мог, что ему это не снится, всё ущипнуть меня просил. Но магам он задал жару, а что сделал с леди Адрианой, я понятия не имею. И знать не хочу. В любом случае, старая интриганка это заслужила.

А Эдвард, освободив азвонский престол от герцога де Сиеты, объявил себя азвонским

королём — и никто пикнуть не посмел. Короновал его представитель Святого Престола, ставший впоследствии азвонским епископом. И присутствовали на торжестве короли всех соседних государств — правители Святого Престола, отец Эда. Джоан, ставшая королевой альбионской.

Народ ликовал. Совершенно искренне — я видела. Когда юный азвонский король вышел из храма на площадь, толпа так наседала на Проклятых и кричала: “Сальвадо”, что у меня уши заложило.

И да, они снова носили его на руках. Эдвард царственно махнул Проклятым, те отступили, прикрывая королевский кортеж, а юный король шагнул вперёд.

У меня опять замерло сердце, когда его подхватили на руки. Но он так улыбался всем нам, мой золотоволосый прекрасный принц...

А ещё я знала, что тоже в некотором роде вернула ему долг. Из-за меня он когда-то отказался от азвонской короны. И в том числе из-за меня же её вернул.

Я тоже не люблю быть должной.

Мы кричали: “Да славится король”, вторя азвонскому “Сальвадо”, и да, этот день и для меня стал одним из самых счастливых.

Если бы ещё некоторые его не омрачали... Король-некромант отвёл меня в сторону на пиру и, подмигнув, шепнул на ухо:

— Запомни, девочка, если расстроишь моего сына хоть чем-то, я найду способ с тобой расправиться. И никакой метаморф тебе не поможет. Имей это в виду.

Кто бы сомневался.

Естественно, я ничего не сказала Эду, но в виду... хм... имела.

— Поздравляю, Катрин, — отсалютовала мне кубком Джоан, когда Эдвард объявил, что наша с ним свадьба через три дня. — Ну вот и ты получила то, что хотела. Не держишь на меня зла?

Я смерила её внимательным взглядом и повторила ровно то, что до этого сказал мне король Дерик — за исключением части про метаморфа.

Джоан только рассмеялась. Но уверена — как и я, в виду имела.

***

Звенели колокола и по всей столице устанавливали деревянные длинные столы, которые после церемонии венчания должны были уставить королевским угощением. Выкатывали бочки с вином — подарок невесты.

Да, народ уже начинал меня любить.

— Не пожалеешь, азвонская королева? — серьёзно спросил Ален, пока мы стояли перед дверью храма. — Хорошо подумала?

— Передразниваешь мою маму? — фыркнула я. — Я уже давно хорошо подумала.

— Дурочка-а-а... — протянул метаморф, но тут прозвучал условный сигнал, и ответить я не успела.

Ален остался стоять за дверьми — в храм ему до сих пор хода не было.

А я шла. Мимо стоящих спиной ко мне и лицом к епископу и королю рыцарей. Шла под пение хора, звон колоколов и ликование народа снаружи.

Солнце освещало фигуру Эдварда, создавая вокруг него ареол — почти такой, как рисуют на картинах вокруг ангелов. Я смотрела на него и не слышала ничего — как читал над нами (мы преклонили колени) молитву епископ, как произносил клятвы Эдвард. Даже как чуть позже произносила заученные за день до этого клятвы я.

Всё это слишком походило на сон — блеск драгоценностей, пение невидимого хора, звучный поставленный голос священника, восхищённые, завистливые взгляды лордов и леди...

Я очнулась, только когда Эдвард, возложив на меня корону, поднял и поцеловал, шепнув: “Моя королева”. И тут же, развернув лицом к аэвонскому двору, громко произнёс:
— Долгой жизни королеве!

Я смотрела вверх, на громадное окно-розу, чувствовала льющиеся сквозь него солнечные лучи и понимала, что вот она — моя сказка. И вот оно моё “долго и счастливо”. И только от меня зависит, каким оно будет.

Всё на самом деле зависит только от нас.

А рыцари, лорды и леди, стоящий в дверях Ален, замершие у стен слуги вторили моему принцу:

— Долгой жизни!

— Долгой жизни королеве!

Больше книг на сайте - Knigolub.net